

В. Ф. ГЕНИНГ

МАЗУНИНСКАЯ КУЛЬТУРА В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

Когда в 1954 г. Удмуртская археологическая экспедиция начала исследования правобережья среднего течения р. Камы в пределах Удмуртской АССР, здесь были более или менее известны лишь памятники ананьинского и пьяноборского времени (Талицкая, 1952, № 30—353, 584—643). Памятники пьяноборской культуры согласно периодизации А. П. Смирнова датировались в III в. до н. э.—V в. н. э. (Смирнов, 1952; Талицкая, 1952, табл. 5). Сведения о памятниках послепьяноборского и более поздних периодов в Прикамской Удмуртии были весьма смутными и в большинстве не проверены (Талицкая, 1952, № 304, 309, 319, 338, 344, 354, 619, 626). Не лучше обстояло дело с изучением памятников по левобережью р. Камы и низовьев р. Белой, где вообще число пунктов с археологическими находками было весьма небольшим (Талицкая, 1952, № 359—370).

Удмуртская экспедиция в первый же год работы предприняла сплошное археологическое обследование правобережья р. Камы от с. Сайгатки до устья р. Ижа, позволившее проверить современное состояние многих памятников и открыть ряд новых (Генинг, 1957).

Разведочная группа М. А. Ланько обследовала могильник у с. Мазунино, известный по небольшим раскопкам, предпринятым в 1894 г. И. Н. Смирновым (1896, 1896а, стр. 197), и датированный М. В. Талицким VI—IX вв. К этому же периоду М. В. Талицкий относил городище Чеганда 1, расположенное против устья р. Белой, где раскопками Л. А. Беркутова (1914) было собрано много керамики чандарско-бахмутинского типа (Талицкая, 1952, № 355—357, 619).

Раскопки городища Чеганда 1, начатые нами в том же году, показали, что основной культурный слой этого поселения, относящийся к пьяноборскому времени, перекрывается культурными остатками с керамикой чандарско-бахмутинского и какого-то мало известного тогда плоскодонного типа. Основываясь на стратиграфических данных, верхний слой городища был отнесен нами к послепьяноборскому времени,

В 1954 г. были начаты также раскопки Мазунинского (Каменки) могильника, давшие вначале всего 12 погребений. Материал этих раскопок был маловыразителен, без твердо датирующихся предметов. Поэтому могильник по существовавшей схеме был отнесен к послепьяноборскому времени, к VI—VIII вв. (Генинг, 1956, стр. 51, табл. VII).

Однако, дальнейшее изучение памятников Прикамской Удмуртии, особенно пьяноборского типа, позволили пересмотреть их хронологию. Конечная дата пьяноборской культуры была отнесена к рубежу II—III вв. н. э., а не к V в., как это представлялось А. П. Смирнову (1952). Пьяноборские могильники Среднего Прикамья не содержали вещей III—V вв. н. э. (Генинг, 1958, 1959, 1962). Комплексы этого времени были обнаружены в Мазунинском могильнике, раскопки которого продолжались в 1955—1956 гг., а также во вновь открытых могильниках этого же типа — Сайгатском (Стоянов, 1962), Ижевском, Быргиндинском. К этой группе были отнесены также Сарапульский, Нивский и Чепанихинский (Семенов, 1966) могильники, известные, правда, по незначительным случайным сборам. К послепьяноборскому времени в Прикамской Удмуртии относятся также многочисленные городища с чрезвычайно бедным культурным слоем (Генинг, 1958). Аналогичное явление было отмечено в Верхнем Прикамье на памятниках ломоватовской культуры III—VIII вв. (Генинг, 1955).

Памятники послепьяноборского времени в Прикамской Удмуртии, которые достаточно хорошо отличались от синхронных памятников окружающих районов, были выделены в особую «мазунинскую культуру» (Генинг, 1958, 1959).

Однако, до сих пор из памятников мазунинского типа достаточно полно опубликованы лишь материалы Сайгатского могильника (Стоянов, 1962). Небольшие экскурсии, а также общие характеристики мазунинской культуры, приведенные в ряде общих статей, конечно, не могут дать достаточно полного представления об этом круге памятников, хотя на их своеобразии, особенно этническое, уже неоднократно обращалось внимание (Генинг, 1958, 1959, 1962; Генинг, Стоянов, 1961).

В последнее время А. П. Смирнов (1964), а вслед за ним и Н. А. Мажитов (1963) пытаются отрицать этнокультурное своеобразие мазунинских памятников и относят их к бахмутинской культуре. С подобной трактовкой памятников мазунинского типа едва ли можно согласиться. Но прежде чем дискутировать необходима прочная документированная источниковедческая база, созданию которой и посвящены статьи публикуемого сборника. В предлагаемой ниже работе автор пытается впервые дать всесторонний анализ памятников мазунинской культуры по имеющемуся в настоящее время материалу и показать их место в развитии истории древнего населения Прикамья.

1. ПАМЯТНИКИ МАЗУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Территория распространения памятников мазунинского типа сравнительно невелика. Она занимает южную часть среднего течения р. Камы от устья р. Сивы (г. Воткинск — с. Сайгатка) до устья р. Ик;

среднее течение р. Иж и низовья р. Белой от с. Дюртюли (рис. 1).

Восточная граница расселения мазунинских племен остается пока не выясненной, так как по левобережным притокам Камы—Бую, Березовке, Сайгатке и другим мелким рекам систематическое обследование не производилось. Имеющиеся старые сведения о нескольких городищах в верховьях р. Буя у с. Куеды Пермской области позволяют предполагать, что эта территория была занята мазунинским населением (Талицкая, 1952, № 612—№14). Возможно также, что и к западу от р. Ижа, на территории еще слабо обследованной в археологическом отношении, будут открыты памятники, близкие или сходные с мазунинскими (Генинг, 1958, стр. 141—144).

Общая протяженность территории распространения памятников мазунинского типа с севера на юг составляют около 150 км и несколько более с запада на восток. Основная масса памятников расположена вдоль рек: Камы, главным образом правобережья, и Белой в ее нижнем течении. Всего в настоящее время памятники мазунинского типа выявлены в 97 пунктах (рис. 1).

2. Могильники мазунинского типа еще не многочисленны: Мазунинский, Сайгатский, Ижевский, Быргындинский, Сарапульский, Нивский и Чепанихинский.

2. 1. Топография расположения могильников довольно однообразна. Все они находятся на высоких мысах или гривах, с которых открывается широкая панорама окружающей местности, и, как правило, вдали от берегов рек, иногда на значительном расстоянии, как, например, Мазунинский могильник. Последнее обстоятельство особенно примечательно. Прикамские могильники ананьинского и пьяноборского времени всегда расположены непосредственно у берега реки и в большинстве случаев на невысоких местах (Генинг, 1962, стр. 7). Площадки мазунинских могильников часто неровные, на вершинах грив (Мазунинский) или склонах мысов (Сайгатский, Сарапульский, Быргындинский). Могильники содержат грунтовые захоронения, ничем на поверхности в настоящее время не отмеченные.

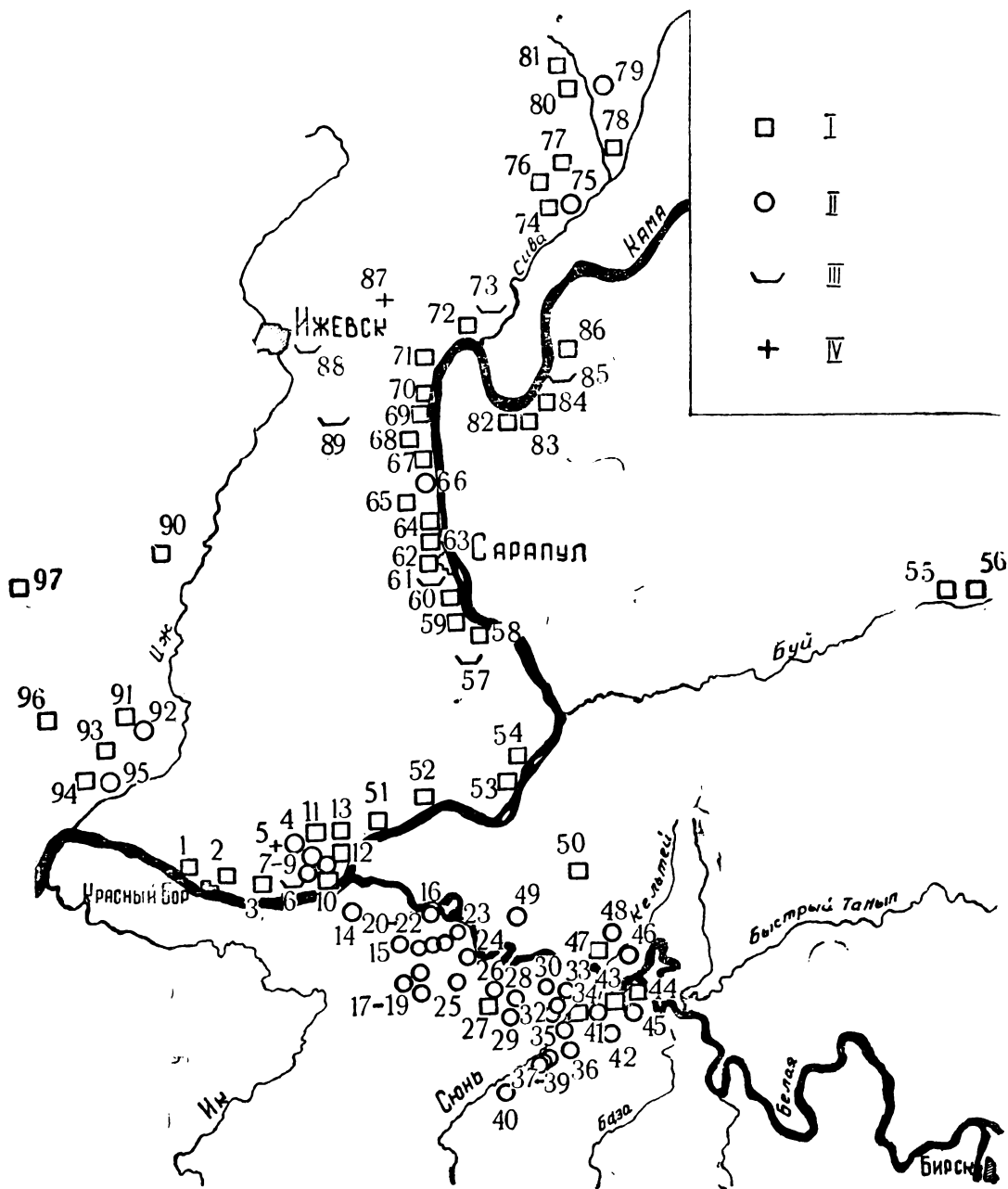
Систематические исследования проведены на четырех могильниках, где в общей сложности вскрыто 161 погребение (см. табл. А). Но ни один из могильников не раскопан полностью, что, конечно, во многом затрудняет решение ряда исторических вопросов. Так, недостаточно ясным остается наше представление о расположении могил на древнем кладбище. В общем, в расположении могил бесспорно преобладает ряд, в котором, однако, нет достаточной четкости и выдержанности. Лучше прослеживаются ряды могил на Сайгатском и Ижевском могильниках, хуже на Мазунинском, где на большей части исследованной площади захоронения очень редки. Внутри рядов могильные ямы располагаются параллельно длинным сторонам. В упомянутых выше двух могильниках ямы находились почти вплотную друг к другу. Интересно отметить расположение могил на площади раскопа I в Мазунинском могильнике, где ямы в ряду следуют друг за другом по продольной оси. Но одновременно с рядовым расположением могил достаточно четко прослеживается и их групповое расположение. В рядах могил обычно

немного и некоторые ряды примыкают друг к другу почти вплотную, образуя компактную группу погребений. Так, на Мазунинском могильнике четко выделяется группа могил в северо-восточной части изученной площади и на площади раскопа 1. Две-три группы намечаются на вскрытой площади Ижевского могильника и две группы—в северо-западной и юго-восточной частях Сайгатского могильника (Стоянов, 1962, рис. 47). В составе каждой группы находится до двух десятков могил, хотя нигде площадь, окружающая такие скопления, не вскрыта для проверки достаточно широко.

Групповое расположение могил может свидетельствовать о каких-то этнических традициях, может быть о существовавшем некогда курганном обряде захоронения, когда могилы расположены под одной насыпью, а курганы разбросаны по полю. Но, возможно, что групповое расположение могил является отражением определенной структуры в

Рис. 1. Карта памятников мазунинской культуры. I—городище; II—селище; III—могильник, IV—случайная находка.

1. Малиновское Малое городище.
2. Малиновское Верхнее городище.
3. Зуевключевское II городище.
4. Ожбуйское селище.
5. Ильнешская находка.
6. Быргындинский могильник.
- 7—9. Быргындинское II, III IV селища.
10. Нырғындынское III городище.
11. Быргындинское I (Архиерейская релка) горы
12. Чегандинское I городище.
13. Чегандинское II городище.
14. Дербешкинское селище.
15. Селище Буляк.
16. Селище Тат. Ямалы. II.
- 17—19. Верхне-Карасевские селища.
- 20—23. Нижне-Карасевские селища.
24. Селище Азметово.
25. Селище Такталачук.
26. Селище Ирмыш.
27. Городище Актаныш.
28. Актанышское II селище.
29. Актанышское I селище.
30. Толмосовское I селище.
- 31—33. Ново-Киргизовские селища.
34. Юлдашевское (Петер-тау) городище.
- 35—39. Юлдашевские селища.
40. Турачинское I селище.
41. Ново-Медведевское IV селище.
42. Ново-Медведевское II селище.
43. Андреевское городище.
44. Городище Уяндык.
45. Селище Уяндык II.
46. Селище Бурнюш.
47. Городище Бурнюш.
48. Селище Какры-Куль.
49. Селище Бакча-тау.
50. Селище Старо-Ногаевское (Тра-тау).
51. Колесниковское II городище.
52. Партизанское (Полевой Лог) городище.
53. Кухтинское городище.
54. Цигвинцево (Алексеевская гора) городище.
- 55, 56. Буйское I, II городища.
57. Мазунинский могильник.
58. Мазунинское городище.
59. Межонхское (Лупинхское) городище.
60. Непрахинское городище.
61. Сарapulьский I могильник.
62. Сарapulьское (Кладовая Веретья) городище.
63. Чупихинское городище.
64. Яромасское городище.
65. Дулесовское городище.
66. Дулесовское селище.
67. Дуванакское городище.
68. Нечкинское городище.
69. Макаровское I городище.
70. Макаровское II городище.
71. Колюшевское городище.
72. Перевознинское городище.
73. Нивский могильник.
74. Больше-Киварское II городище.
75. Больше-Киварское селище.
76. Средне-Киварское городище.
77. Мало-Киварское (Лазарево поле) II городище.
78. Шалавинское городище.
79. Дубровинское селище.
80. Загибновское I городище.
81. Загибновское II городище.
82. Ольховское I городище.
83. Ольховское II городище.
84. Ольховское III городище.
85. Сайгатский могильник.
86. Сайгатское городище.
87. Болгурская находка.
88. Ижевский могильник.
89. Чепанихинский могильник.
90. Бобья-Учинское городище.
91. Варзи-Ятчинское городище.
92. Варзи-Ятчинское селище.
93. Кузбаевское I городище.
94. Кузбаевское II городище.
95. Кузбаевское селище.
96. Верхне-Утчанское городище.
97. Юринское городище.

общественной организации. Крайняя фрагментарность антропологического материала и незначительность вещевых комплексов из отдельных погребений затрудняет анализ состава отдельных групп могил.

Таблица А

Могильники	Вскрыто погребений			Ориентировка умерших головой на							Глубина могил, см	
	всего	в том числе		ЮВ	В	СВ	ССВ	СЗ	З	КЗ	до 50	51 100
		детск.	пар- ных									
Мазунинский	69	3	2	—	3	33	23	—	—	—	9	60
Сайгатский	43	10	1	—	—	36	—	—	—	—	41	2
Ижевский	38	4	2	1	—	—	1	31	4	—	30	8
Быргындинский	8	—	—	2	1	—	—	—	5	—	8	—
Чепанихинский	3	—	—	—	—	—	2	—	—	1	1	2
Всего	161	17	5	3	4	69	26	31	9	2	89	72

Большинство захоронений на могильниках индивидуальные и принадлежат взрослым. Детских могил очень немного, около 9% общего количества погребений (см. табл. А), причем все это захоронения детей не моложе 3—4 лет. Отсутствие массовых захоронений детей младенческого возраста — факт известный и по многим другим прикамским могильникам (Генинг, 1962, стр. 31; 1963а, стр. 74) — заставляет предполагать и здесь наличие какого-то особого обряда погребения детей, возможно, существование обособленных детских кладбищ.

Единично на мазунинских могильниках встречаются парные погребения. Это захоронения взрослых, очевидно, женщин с детьми (Мазунино, № 5; Сайгатка, № 21) или двух взрослых, пол которых не удалось установить (Мазунино, № 65—66; Ижевск, № 20—21). В погребениях 53—54 Мазунинского могильника двое умерших находились в общей могильной яме размером 300х190 см, но каждый был уложен в отдельный гроб. В погребении 65—66 этого же могильника два костяка лежали вплотную и даже несколько перекрывая друг друга, но головами в разные стороны. По всей вероятности, здесь имели место последовательные захоронения в одну яму двух умерших в разных гробах. Еще более четко подобный случай наблюдался на Сайгатском могильнике (Стоянов, 1962, стр. 125).

Парные одновременные захоронения можно предполагать и в ряде других случаев, когда костяки лежат рядом, но очертания ям не сохранились. В общем же подобные случаи редки. Могильные ямы парных захоронений довольно большие, например, в Мазунинском могильнике погребение женщины с ребенком (№ 5) находилось в яме размером 280х130 см. Инвентарь парных погребений обычный и даже бедный.

2. 2. Форма могил мазунинского типа устойчива — это прямоугольная яма со слегка закругленными углами и отвесными стенками.

Размеры могильных ям в плане удалось зафиксировать лишь в 90 случаях из 158. Ширина ям индивидуальных погребений находится в пределах 55—80 см, преобладают средние размеры. Значительно больше варьирует длина могил. Естественно, что в детских она меньше, обычно до одного метра. Невелики также могилы подростков — до 150—170 см. Могилы взрослых имеют длину от 180 до 240 см, причем наиболее многочисленна группа могил длиной 200—220 см. В общем могилы выкопаны без излишнего запаса, в пределах обычных норм. Лишь несколько ям Мазунинского могильника имеют длину 280—300 см (погр.: 1, 3, 4), но ничем иным они от других не отличаются — ни большей глубиной, ни богатством инвентаря погребенного.

Глубина могил также невелика, более половины из них глубиной до 50 см, а остальные — до одного метра (см. табл. А). Но глубина ям на различных памятниках не одинакова. Погребения Мазунинского могильника в большинстве более глубокие, чем на остальных памятниках. Исключительно мелкие могилы вскрыты на Быргындинском могильнике. Небольшая глубина ям на Сайгатском и Ижевском могильниках объясняется частичным разрушением поверхности, но все же оно не так велико, чтобы существенно изменить общую картину.

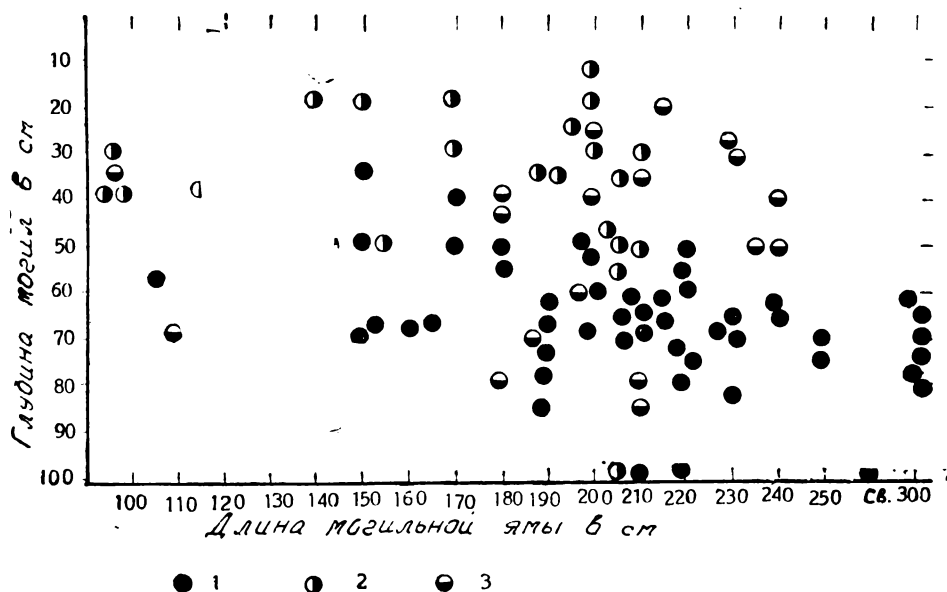

Рис. 2. График распределения мазунинских погребений по размерам могильных ям (по длине и глубине). Могильники: 1—Мазунинский, 2—Сайгатский, 3—Ижевский.

Устойчивой зависимости между глубиной могильных ям и их остальными размерами, а также погребальным инвентарем не наблюдается. В предлагаемом графике (рис. 2) показана корреляция глубины и длины у 90 погребений, где были зафиксированы эти показатели.

Большинство могил концентрируется в группе с показателями: глубина 50—80 см, длина 190—220 см. Но в то же время ямы длиной выше средних — от 240 до 300 см — имеют глубину в пределах средних величин — 50—80 см, и, наоборот, глубокие могилы, до 100 см, по длине не выходят за пределы средних показателей.

2. 3. Большинство захоронений произведено в деревянных гробах, остатки которых в виде крупных фрагментов полусгнившего дерева обнаружены во многих погребениях. Деревянные гробы на 20—30 см короче могильной ямы и почти на столько же больше роста захороненного. На Мазунинском могильнике удалось проследить конструкции нескольких гробов. В одних случаях четко зафиксированы остатки колоды со слегка скругленным снаружи и изнутри дном и цельными торцевыми частями без поперечных досок (погр. 36, 51, 62). В других — это прямоугольные ящики из досок-плах, в которых поперечные стенки вставлены на расстоянии 10—15 см от концов продольных сценок (погр. 53, 54, 59, 69).

Интересна группа погребений Мазунинского могильника, ямы которых высечены в камне — плитняке, выходящем во многих местах на площадке близко к поверхности. В нескольких случаях в этих могилах (погр. 42, 47, 46 и 56) вдоль продольных стенок поставлены крупные каменные плиты. Такие же плиты, смешанные с мелкими камнями, заполняют могилы. Только в некоторых из этих погребений были остатки деревянных гробов. В других случаях захоронения производились, видимо, в каменных ящиках, перекрытие которых заваливалось затем внутрь могилы.

В гроб умершие клались вытянуто на спине. Руки обычно лежат вдоль туловища, изредка на тазу (обе вместе или одна). Ориентировка погребенных по сторонам горизонта достаточно однородна на одном могильнике и отклонения от общего правила встречаются редко (см. табл. А). Но на различных могильниках ориентировка не одинакова, хотя в исследованных памятниках везде проявляется тенденция к северной ориентировке с отклонениями к востоку или западу. Лишь на Быргындинском могильнике, где вскрыто небольшое число захоронений, преобладает положение умерших головой на запад и юг.

2. 4. Вещевой материал мазунинских погребений небогат. Около 18% всех захоронений вообще не содержат никаких вещей, а в остальных они весьма однообразны и немногочисленны. Все это связано с определенным погребальным обрядом, а также с оформлением костюма умершего.

Костюм, в котором хоронили умершего, как правило, не имел никаких металлических украшений. Нигде не обнаружены ни нашивные бляшки, ни пронизки, ни подвески, ни какие-либо другие предметы, которые были бы в свое время прикреплены к одежде. Но почти обязательной вещью мужского и женского наряда был кожаный пояс (см. табл. Б) с железной или медной пряжкой или застежкой, нередко украшенный медными накладками и крупными костяными бляхами. При захоронении пояс укладывался вытянуто, развернуто, рядом с умершим, справа или слева, а иногда сверху, на тело погребенного. Во всех случа-

ях, когда пояс имел медные накладки, четко прослеживалось его положение при погребении—поясной набор лежал вытянуто вдоль костяка. В могилах, где пояс имел лишь металлическую пряжку или наконечник, эти предметы также лежали сбоку—у плеча или ноги. Встречаются единичные находки пряжек на тазовых костях, но поскольку нет ни одного достоверного случая положения пояса как он носился при жизни, эти находки следует рассматривать как остатки поясов, положенных сверху.

Т а б л и ц а Б

Могильники	Всего погреб.	В том числе			
		без вещей	с жертв. комплексом	с остатками поясов	с ножом у бедер
Мазунинский	69	10	22	30	22
Сайгатский	43	7	9	18	9
Ижевский	38	9	6	16	11
Быргындинский	8	2	—	4	3
Чепанихинский	3	—	—	2	2
Всего	161	28	37	71	47

Все остальные вещи, относящиеся к категории украшений или принадлежностей костюма, — бусы, височные подвески, браслеты, гривны, фибулы и изредка подвески и пронизки — находятся, на первый взгляд, в могилах в беспорядке. Лишь в нескольких случаях височные подвески лежали у черепа справа и слева (Мазунино, № 23, 36; Сайгатка, № 30; Ижевск, № 29). Столь же немногочисленны случаи, когда у шеи находятся остатки ожерелий из бус (Мазунино, 13). Чаше у шейных позвонков лежит всего одна бусина (Мазунино, № 9, 10, 46; Сайгатка, № 19, 25, 30). Вообще же стеклянные бусы и височные подвески — самые частые находки в погребениях. Многочисленны также находки фибул-застежек, в одних случаях они лежат на груди (тогда можно предполагать, что ими застегивалась одежда), а в других — лежат в стороне.

2. 5. Во многих погребениях были обнаружены вещи, сложенные в кучу, под которыми нередко сохранились берестяные кружки — остатки донышек от берестяных коробочек (Генинг, 1958, рис. 30—3). При захоронении в берестяные коробочки складывались ожерелья, височные подвески, фибулы, браслеты и некоторые другие вещи, в том числе ножи, шилья, пряжки. Эти остатки в могилах были названы нами жертвенными комплексами.

В тех случаях, когда жертвенные комплексы содержат большое количество вещей и не потревожены после захоронения, эти комплексы четко опознаются при раскопках. Но когда в составе комплексов были только единичные вещи или вещи растащены по могиле грызунами, отнести эти вещи определенно к жертвенному комплексу бывает трудно. Но поскольку, как указывалось выше, иного положения вещей в погребениях достоверно не зафиксировано, подобные остатки также можно отнести к категории жертвенных комплексов. В мазунинских мо-

гильниках жертвенные комплексы встречаются довольно часто (23% всех погребений).

Первоначально при раскопках могильников было недостаточно ясно, в каких погребениях — мужских или женских — находятся жертвенные комплексы. Жертвенные комплексы различаются по положению в могилах — у ног, в изголовье или в середине. Погребения, в которых пол умерших определен антропологически, по черепным костям, немногочисленны и ясности в этот вопрос не вносят. Разобраться в порядке размещения жертвенных комплексов помогла корреляционная таблица В.

Все погребения в таблице разделены на три группы по составу и распределению инвентаря: I — мужская, II — женская, III — особая, видимо, смешанная.

Анализ таблицы позволяет сделать ряд интересных выводов. Немногочисленная третья группа погребений отличается от других отсутствием жертвенных комплексов. Кроме того, здесь часто встречаются гривны, которых нет в могилах других групп. Браслеты, как и гривны, положены на грудь или одеты на руку, височные подвески лежат у головы, а какие-то шумящие застёжки — на груди.

Первая и вторая группы характеризуются, прежде всего, наличием жертвенных комплексов, а различия в их составе и местоположении в могиле — это различия в зависимости от пола погребенного.

В первой группе — мужских погребениях — фибулы всегда лежат на груди, а в жертвенный комплекс, уложенный, как правило, в изголовье, входят только височные подвески, бусы и пронизки от ожерелий и браслеты.

Во второй группе — женских погребениях — фибулы всегда находятся в жертвенных комплексах, содержащих также кроме височных подвесок, бус и изредка пронизок — ножи, шилья, пряжки, что никогда не встречается в жертвенных комплексах первой группы.

Следует также отметить, что количество височных подвесок в комплексах первой группы, как правило, больше, чем во второй.

Все приведенное касается уточнения лишь отдельных деталей содержания жертвенных комплексов, не внося пока ясности в объяснение самого обычая помещения этих вещей в могилы и связи с какими-то определенными представлениями первобытного человека. Помещение вещей в берестяные коробки придает, видимо, и им какое-то особое ритуальное значение.

И в этом направлении большой интерес представляют воршудные коробки, еще в недавнем времени часто встречавшиеся у удмуртов. Само понятие «воршуд» в дореволюционной этнографии осталось недостаточно выясненным. И. Н. Смирнов, обобщая сведения различных авторов, приходит к следующему заключению: «Воршуд означает прежде всего антропоморфного духа покровителя; затем это слово стало употребляться для обозначения идола, места, на котором стоит идол, ящика с частями или изображениями принесенных ему жертв и, наконец, совокупности людей ему поклоняющихся» (1890, стр. 216). У южных удмуртов «вместе с воршудом или как синоним его употребляют

слово **мудор**» (там же). Воршудное имя каждого человека определяет его принадлежность к определенному роду. На это обратил особое внимание еще Н. Г. Первухин, собравший почти все известные среди удмуртов родовые имена (1888, 1, стр. 38). Воршудное имя это фактически имя рода, в чем нас убеждает сопоставление удмуртских воршудных (родовых) имен с родовыми именами башкир и ряда других народностей, где мы находим полные аналогии им. Этой теме я надеюсь посвятить особую работу, здесь же важно отметить, что воршуд есть ни что иное, как тотемный предок и всякие предсказания о воршуде следует рассматривать прежде всего в свете тотемистических представлений.

Возвращаясь к основному предмету нашего исследования—берестяным коробочкам—отметим, что у удмуртов они изготовлены также из бересты и само название их—воршудные, уже подчеркивает прямую связь с тотемом, родом. Содержание воршудных коробок также весьма показательно. Здесь, прежде всего, хранятся так называемые дендорки-подвески с какими-либо изображениями с обеих сторон, которые «служили показателем рода и воршуда» (И. Смирнов, 890, стр. 97). По наблюдениям Н. Г. Первухина, в воршудной коробке встречались, кроме того, беличья шкурка, перевязанная красной досталью, перья тетерева, крылышки или хвост рябчика, сушеная рыбка, сучок дерева, чаще всего березы, частица последней принесенной жертвы (косточка с частью мяса), кусочек особо приготавливаемого хлеба, лэм-нянь—смесь пива, браги и кумышки, сливаемых при жертвоприношениях, мука и крупа в тряпочке, комочки шерсти, пасмы и льна (Первухин, 1888, стр. 18 и сл.). Другие авторы дополняют этот перечень, указывая, что здесь хранились также монеты (по-видимому, для украшений), оловянные и свинцовые бляшки, ложки, хвостик белки, зола, а под коробкой всегда лежит ветка, причем у каждого рода она принадлежит особому дереву (Верещагин, 1889, стр. 212—213). Нам не удалось найти указание, помещали ли воршудные коробки в могилы при смерти их хозяина или какого-либо из его родственников, но содержание коробок, несомненно, во многом аналогично жертвенным комплексам из мазунинских погребений. Многие из перечисленных выше вещей в могилах не могли сохраниться и, может быть, именно поэтому жертвенные комплексы часто столь невыразительны и содержат сейчас лишь единичные вещи. Интересно, что в погребении 8 Мазунинского могильника в жертвенном комплексе находилась косточка от ноги молодого барашка.

Таким образом, мазунинские жертвенные комплексы являются остатками ритуального характера, связанными с культом тотема-предка рода. Ниже мы еще вернемся к рассмотрению этих остатков в связи с некоторыми другими вопросами (III, 2).

2. 6. Из орудий труда и оружия в мазунинских погребениях чаще встречаются железные ножи, лежащие, как правило, с левой стороны у бедра. Изредка ножи лежат на тазовых костях и между ног, или с правой стороны погребенного. В нескольких случаях рядом с ножами сохранились остатки дерева и кожи от ножен, украшенных медными накладками (Мазунино, № 47; Ижевск, № 8). В остальных погребениях, возможно, ножи были в простых деревянных ножнах без украшений. Вме-

сте с ножами иногда встречаются железные шилья (Мазунино, № 23, 47; Ижевск, № 8). Ножи и шилья помещались в могилы, очевидно, чаще, но во многих погребениях остатки железных вещей настолько разрушены, что определить их первоначальную форму невозможно.

Изредка в могилах между костями ног встречаются железные крючки (табл. I—30), по-видимому, от поясных ремней (Мазунино, № 34, 67; Сайгатка, № 7, 20, 23; Ижевск, № 23—24).

В погребении 33 Мазунинского могильника в жертвенном комплексе находилось глиняное пряслице (табл. II—23).

Оружие встречается крайне редко. Единичные экземпляры наконечников стрел находятся обычно у ног или между ними (Мазунино, № 62, 56; Ижевск, № 16; Сайгатка, № 7, 23). Железные мечи лежали вдоль левого бока умерших (Ижевск, № 10, 16), железные удила — у ног (Мазунино, № 25, 67; Ижевск, № 3).

Глиняные сосуды обнаружены всего в 4 могилах — два в Сайгатском (погр. 25 и 35) и два в Ижевском (погр. 5 и 15) могильниках. Сосуды были поставлены в изголовье или, в одном случае, у ног.

Лишь в двух погребениях Мазунинского могильника были обнаружены небольшие косточки ноги барана. В могиле 8 кость была в составе жертвенного комплекса, в погребении 48 — справа у колена. Единичность перечисленных находок свидетельствует скорее об исключении из общего правила, чем об установившемся обычае.

2. 7. Характерным для основной массы мазунинских захоронений следует считать: прямоугольные неглубокие могильные ямы без надмогильных сооружений; захоронение умершего в деревянный гроб (ящик, долбленая колода) или каменный ящик; положение умерших вытянуто на спине; отсутствие при костяке остатков металлических украшений костюма; наличие при большинстве захороненных железных ножей; сопровождение умершего жертвенным комплексом в берестяных коробочках; в составе жертвенных комплексов **мужских** погребений — височные подвески, ожерелья (бусы и пронизки) и браслеты; **женских** — височные подвески, застежки-фибулы, ожерелья, пряжки и мелкие орудия (ножи, шилья); фибулы-застежки и на груди захороненных мужчин; положение пояса развернуто вдоль умершего.

Конечно, большинство из этих черт характеризует не только захоронения мазунинского типа. Встречаются они и в других районах, но разрозненно, единично, в сочетании с другими обычаями. В комплексе же с наличием всех перечисленных признаков эти черты выделяют могильники мазунинского типа. Сравнительный материал в этом плане будет приведен ниже (см. III, 3).

3. **Поселения** мазунинской культуры обнаружены в настоящее время в 88 пунктах, среди которых 47 городищ и 41 селище. Количество неукрепленных поселений пока меньше чем городищ, но этому обстоятельству едва ли следует придавать какое-либо принципиальное значение. Дальнейшие поиски, безусловно, увеличат число открытых поселений, но мало надежд на открытие городищ в обследованных районах.

3. 1. **Поселения** мазунинского типа изучены очень слабо. Селища

совершенно не подвергались раскопкам, а на нескольких городищах изученные площади невелики.

При раскопках городища Чеганда I, основной слой которого относится к пьяноборскому времени, были обнаружены и остатки мазунинского поселения, разрушенного пахотой. С мазунинским периодом использования городища могут быть связаны некоторые очаги-кострища (2—3 м в диаметре), расположенные иногда на глиняной подсыпке, и ямы хозяйственного назначения усеченно-конической, цилиндрической и подквадратной ступенчатой формы. Некоторые из этих сооружений находились, видимо, в жилищах, но остатков самих жилищ зафиксировать не удалось. Не вызывает сомнения, что жилища на городище были наземные (Генинг, 1966).

Аналогичная картина и на городище Ныргында II, где верхние слои с остатками мазунинского времени также были разрушены пахотой. У края площадки обнаружено несколько ям, в одной из которых на дне залегали прослойки пепла, золы и углей вместе с обломками сосудов. Здесь же был найден почти целый чашевидный сосуд с отверстиями на дне, облитом смолой. Вещевой материал мазунинского времени из этого поселения невелик: обломки 25 сосудов, в том числе трубчатый слив от сосуда, две керамические поделки (трубка и «лепешечка»), амулет из клыка кабана, медная палочка-заготовка, крупная часть каменного жернова и железное тесло. Все эти вещи относятся ко второй половине I тыс. н. э.

На Верхне-Малиновском городище В. Е. Стоянов обнаружил в небольшом раскопе у края осыпающейся площадки угол наземного жилища, на полу которого лежали фрагменты мазунинских сосудов.

На остальных мазунинских поселках была собрана лишь керамика в шурфах или на распаханной поверхности. Культурные слои мазунинских поселений весьма незначительны и содержат очень мало вещей.

3. 2. Мазунинские городища расположены обычно у берегов рек Камы или Белой на больших мысах, достигающих высоты 30—40 м. Площадка городища занимает в большинстве случаев конец мыса, а на ряде поселений и среднюю его часть. По количеству валов и рвов и их расположению на площадке мыса можно выделить пять типов укреплений (табл. Г).

I тип—городища, защищенные с напольной стороны одним валом и рвом, расположенным поперек мыса. Это наиболее многочисленная группа — 19 городищ.

II тип — городища, укрепленные одним валом и рвом с напольной стороны и одним валом и рвом у конца мыса, обычно полого спускающегося к подножью. Таких городищ — 4.

III тип — городища, укрепленные с напольной стороны несколькими рядами валов и рвов (от двух до четырех). Таких городищ — 8.

IV тип — городища, укрепленные с напольной стороны несколькими рядами валов и рвов и дополнительно у конца мыса одним валом и рвом (3 городища).

V тип — городища с несколькими валами и рвами, расположенными

ми поперек мыса на значительном расстоянии друг от друга и разделяющими площадку городища на несколько частей (2 городища).

Как видно, мазунинские городища довольно разнообразны по системе укрепления, на многих из них поражает мощность сооружений. Раскопками еще не выяснено, какими были эти сооружения в древности.

Значительно различаются мазунинские городища и по размерам жилой площади, защищенной валами и рвами. Здесь можно выделить три группы городищ (табл. Г):

Первая группа включает городища большого размера площадью от 12000 до 26000 кв. м. Таких городищ всего 6 и все они укреплены несколькими рвами и валами (II—V типы). Раскопки на городище Чеганда I, относящемуся к этой группе, дали материалы III—V вв. н. э.

Вторую группу составляют городища площадью 5—9 тыс. кв. м, имеющие также укрепления из нескольких валов и рвов (II—V типы). Таких городищ 12. Раскопки проведены на городище Нырғында II, относящемуся, по-видимому, к VI—VIII вв.

Третья группа объединяет городища малого размера, площадью от 500 до 3000 и изредка 4000 кв. м. Эти городища, как правило, укреплены только одним валом и рвом с напольной стороны. Датировочного материала с городищ этой группы пока нет. Третья группа наиболее многочисленна — 20 поселений.

Выделенные нами три группы городищ, по-видимому, не одновременны, о чем свидетельствуют уже исследованные мазунинские городища Чеганда I и Нырғында II. Аналогии из других районов Прикамья позволяют достаточно твердо установить хронологию всех мазунинских укрепленных поселений.

Различие городищ по площади и системе укреплений характерно не только для мазунинской культуры, но и для всех культур Верхнего и Среднего Прикамья I тысячелетия н. э. В Верхнем Прикамье среди городищ ломоватовской культуры (III—IX вв.) выделяется группа больших городищ со сложной системой укреплений, совершенно сходная с первой группой мазунинских. На Опутятинском городище площадью около 18 тыс. кв. м. были проведены большие раскопки, давшие материалы III—V вв. н. э. (Генинг, 1955, стр. 120). В бассейне р. Чепцы городище полумской культуры Гыркесшур, площадью более 13 тыс. кв. м. с двойной линией укреплений, по результатам раскопок также относится к III—V вв. н. э. (Генинг, Стоянов, 1961, стр. 85). Этим же периодом датируется большое полумское городище Кар-ил у д. Варни, исследованное в 1963 г. Г. Т. Кондратьевой. По-видимому, все прикамские городища этого типа относятся к самому началу культур раннего средневековья — III—V вв. н. э.

Городища среднего размера площадью 5—9 тыс. кв. м известны также в других культурах, но широких раскопок на них нигде не проводилось. Датировку этой группы поселений могут дать находки сасанидских монет V—VI вв. на ломоватовских городищах Морочата и Медведица (Генинг, 1955, стр. 120).

Наконец, небольшие городища площадью до 2—4 тыс. кв. м в массе встречаются во всех районах Прикамья. Из них были исследова-

Таблица Г

№ по карте	Название городища	Площадь в кв. м	Укрепления	Тип укрепления
1 группа. Городища раннего периода				
12	Чеганда 1	13000	2 вала и рва	II
34	Петер-Тау	26000	2 вала и рва	III
50	Тра-Тау	?		
52	Партизанское	13000	6 валов и ровов?	V
80	Загибновское	12000	3 вала и рва	III
84	Ольховское III	12000	3 вала и рва	IV
95	Кузебаевское 1	15000	1 вал и ров	I
2 группа. Городища среднего периода				
4	Ныргында II	6800	2 вала и рва	II
10	Ныргында III	8000	2 вала и рва	II
60	Непряхинское	6400	2 вала и рва	II
63	Чупихинское	5200	3 вала и рва	III
68	Нечкинское	7600	3 вала и рва	III
64	Яромаское	?	4 вала и рва	III
70	Макаровское II	5100	2 вала и рва	III
77	Мало-Киварское	9400	2 вала и рва	V
76	Средне-Киварское	9600	2 вала и рва	III
81	Загибновское II	4200	4 вала и рва	IV
83	Ольховское II	6000	2 вала и рва	III
78	Шалавинское	8000	1 вал и ров	I
90	Бобья-Учинское	4000	4 вала и рва	III
55	Буйское I	7000	2 вала и рва	III
97	Верх. Утчанское	?	2 вала и рва	III
94	Кузебаевское II	9500?	1 вал и ров	I
3 группа. Городища позднего периода				
1	Малое-Малиновское	500	1 вал и ров	I
2	Верхне-Малиновское	3600	1 вал и ров	I
3	Зуево-Ключевское	500	1 вал и ров	I
11	Быргындинское I	1500	1 вал и ров	I
51	Колесниковское II	?	1 вал и ров	I
43	Андреевское	3500	1 вал и ров	I
44	Уяндык	2500	1 вал и ров	I
53	Кухтинское	4600	1 вал и ров	I
54	Цивгинцево	2200	1 вал и ров	I
58	Мазунинское	1200	1 вал и ров	I
59	Мажновское	3200	2 вала и рва	IV
61	Сарапульское	900	1 вал и ров	I
65	Дулесовское	1500	1 вал и ров	I
67	Дуванацкое	2400	1 вал и ров	I
69	Макаровское I	2600	1 вал и ров	I
71	Колюшевское	2700	1 вал и ров	I
72	Перевозное	700	1 вал и ров	I
74	Больше-Киварское	14000?	1 вал и ров	I
82	Ольховское I	4200	1 вал и ров	I
86	Сайгатское	2400	2 вала и рва	
56	Буйское II	?	1 вал и ров	I
92	Варзи-Ятчинское	3400	1 вал и ров	I
91	Юринское	?	1 вал и ров	I

ны достаточно широкими раскопками: на р. Чепце — городище Каравалес, (Генинг, Стоянов, 1961, стр. 86), в Среднем Прикамье — Больше-Никольское городище (Оборин, 1961) и Красная Горка (Генинг, 1959а), в Верхнем Прикамье — Салтанаиха и ряд других, обследованных рекогносцировочно (Генинг, 1955, стр. 120). Все эти поселения содержали остатки позднего периода культур I тыс. н. э., которые можно отнести к VIII—IX вв. н. э.

Накопившиеся в настоящее время материалы позволяют разделить все прикамские городища I тыс. н. э., в том числе мазунинские, на три хронологические группы.

Для III—V вв. характерны городища площадью более 10 тыс. кв. м. с многояркой системой укреплений. Эта ранняя группа городищ сравнительно немногочисленна и связана со становлением культур раннего средневековья.

В VI—VII вв. распространяются городища площадью 5—9 тыс. кв. м., сохраняющие, как и в раннем периоде, сложную систему оборонительных сооружений. Количество городищ почти в два раза больше, чем в предшествующий период.

В позднем периоде, в VIII—IX вв., городища имеют очень небольшую площадь (до 2—4 тыс. кв. м) и простейшие укрепления — один вал и ров. Намного увеличивается число укрепленных поселений.

Изменения площади поселения, безусловно, находятся в прямой связи с изменениями основной социально-экономической единицы общества, и в данном случае показывают довольно быстрый процесс ее уменьшения (см. II, 3).

3. 3. Селища мазунинского времени пока немногочисленны. Больше их открыто в низовьях р. Белой, где тщательнее проводились поиски, меньше — вдоль Камы. В отличие от городищ, большинство селищ расположено не у берегов крупных водных магистралей — Камы и Белой, а по берегам небольших притоков этих рек. Иногда селища занимают высокий берег или мыс, но чаще находятся на невысоких террасах. Культурный слой селищ чрезвычайно беден материалами, собственно слоя даже нет, это обычно единичные находки мелких фрагментов керамики и, изредка, костей животных в поверхностном почвенном слое, не отличающемся ни цветом, ни структурой.

Размеры селищ определяются с трудом и далеко не всегда, лишь в тех случаях, когда поверхность их распахана.

Площадь таких поселений определялась по распространению находок на поверхности, но находки, как уже указывалось, единичны и зачастую невозможно определить с достоверностью, какие находятся на месте существовавшего поселения, а какие растащены в стороны при пахоте. Поэтому данные о размерах открытых поселений мазунинского времени весьма приблизительны. Но даже учитывая все сказанное, обращает на себя внимание резкое различие в размерах селищ — одни имеют площадь в пределах 1—5 тыс. кв. м (Быргындинское I, Ново-Медведовское I и II, Такталучук и др.), а другие — несколько десятков тысяч кв. м. (Быргындинское III, Актанышское II). Интересен еще один факт. В нескольких случаях отмечены скопления небольших се-

лищ. По берегу р. Шабиз у д. Нижнее Карасево расположены остатки четырех поселений небольшой площади на расстоянии 100—200 м друг от друга. Аналогичная картина вскрыта у д. Верхнее Карасево, где также четыре селища находились по обоим берегам р. Шабиз. Вдоль южного края высокой Сюньской стрелки (у впадения р. Сюнь в Белую) находятся остатки (до десятка) небольших мазунинских поселений (Юлдашевские селища).

Нигде на поверхности селищ не отмечены следы впадин, остающихся от земляночных жилищ, что еще раз подтверждает высказанное выше предположение о наземной конструкции мазунинских жилищ.

По-видимому, не все мазунинские селища одновременны, но насколько их размеры отражают хронологию, как это имеет место с городищами, покажут дальнейшие исследования.

4. Вещевой комплекс поселений и могильников мазунинской культуры изучен еще очень мало. Могильники которые в Прикамье отличаются обычно обилием вещей, здесь довольно бедны и содержат очень однообразные вещи. Так же небогаты и поселения. Поэтому вещевой комплекс мазунинской культуры пока еще очень беден, хотя и довольно своеобразен.

4. 1. Фибулы из мазунинских погребений — одна из интереснейших категорий вещей. Всего их найдено 23 экземпляра, большинство из которых относится к типу бабочковидных. Щиток фибулы обычно овальной формы (табл. 1—11—14), рисунок на нем выполнен чеканкой — крупные полугорошины выбиты тупым предметом, ряды мелких точек наколоты шилом. Тонкая медная пластинка щитка приклеена смолой к толстой берестяной подкладке для эластичности и прочности. У большинства фибул узор на щитке состоит из средней прямой ленты, по обе стороны которой расположены выпуклые концентрические полуокружности с кружками — полугорошинами внутри. Лишь у единичных экземпляров вместо средней ленты помещена только одна линия, разделяющая весь щиток пополам. Приемник фибулы украшен одним или чаще двумя завитками-усиками. Пружина иглы обычно состоит из двух петель, а у трех фибул — длинные железные стержни с пружиной, как у арбалетовидных фибул. Бабочковидные фибулы встречаются самых различных размеров. У большинства щитки овальные в ширину. Фибула из Быргындинского могильника имела щиток 12 см, а у самой малой фибулы из Мазунинского могильника щиток был диаметром 3 см. Бабочковидные фибулы этого типа найдены на Мазунинском, Ижевском и Быргындинском могильниках, и в Болгурском местонахождении. За пределами мазунинских памятников они не встречены.

Оригинальны также фибулы Сайгатского могильника. К сожалению, все они сделаны из железа и сохранились очень плохо. Щитки у них, видимо, также имитируют крылья бабочек, а приемники — усики. Но, в отличие от овальных пластинчатых щитков предыдущего типа, у сайгатских фибул щиток ажурный, плетеный из проволоки, и в нижней части украшен подвесками-лапчатыми, трубчатыми или бусами (табл. 1—15).

В Сайгатском и Мазунинском могильниках было обнаружено по одному экземпляру небольших фибул с ромбическим щитком, которые изредка встречаются и на юге (табл. I—10). На Мазунинском могильнике найден также обломок фибулы с щитком в виде прямой пластины.

Мазунинские фибулы употреблялись в качестве нагрудных застежек, что можно заключить по довольно частым находкам их в могилах на грудных костях. Однако, нередко фибулы находились и в жертвенных комплексах.

4. 2. Сьюльгамы — застежки, употребляющиеся аналогично фибулам. Это разомкнутые кольца с завернутыми в трубицу концами из медных пластин прямоугольного сечения. Игла сьюльгамы также обычно из граненой пластинки. Размеры сьюльгамы довольно стандартны — диаметр около 4 см (табл. II—16). Сальгамы подобного типа известны уже в пьяноборских комплексах (Генинг, 1962, рис. 7—55), а в начале раннего средневековья широко бытуют на западе у племен азелинской культуры (Генинг, 1963, рис. 70; табл. VIII—1—3; XXIII—4). Известны они и в окских могильниках (Спицын, 1901, табл. XI—11, 13) и других памятниках.

4. 3. Височные подвески в мазунинских погребениях встречаются часто по 3—4 экземпляра. Они найдены в 29 погребениях, но во многих случаях, особенно в жертвенных комплексах вещи были настолько плохой сохранности, что невозможно было определить их форму. Височные подвески из мазунинских погребений имеют довольно устойчивую форму — кольцо диаметром 2—3 см с отвисающим книзу стержнем, на который надета стеклянная или каменная бусина. На конце стержня находился крючок, куда в свое время, видимо, прикреплялись какие-то дополнительные не сохранившиеся украшения (табл. I—7—9). Большинство височных подвесок этого типа изготовлено из тонкой проволоки, сплошь обвитой тонкой медной ленточкой. Реже встречаются экземпляры из двух перевитых проволок. Подобные подвески изготавливались также из гладкой проволоки. В одном из погребений Сайгатского могильника обнаружены височные подвески в виде простых незамкнутых колец (табл. I—19).

4. 4. Гривны — сравнительно редкая находка в мазунинских погребениях. Пять гривен найдено в Сайгатском могильнике и одна в Мазунинском. Гривны изготовлены из медного или железного (2 экз.) дрота круглого сечения, несколько утолщенного в средней части. Запоры у всех в виде простых крючков, на средние части иногда нанизано несколько крупных бус из халцедона и стекла или медных спиралек и бус (табл. I—32).

4. 5. Браслеты также немногочисленны (13 экз.). В Мазунинском и в одном погребении Ижевского могильников браслеты сделаны из железных пластин прямоугольного сечения. Концы их несколько расширены и имеют сердцевидную форму (табл. I—18). Утолщенные концы характерны и для мелких браслетов из круглого дрота (табл. II—17, 19). Медный пластинчатый браслет найден и в Сайгатском могильнике (табл. II—20). У одного браслета из Ижевского могильника ор-

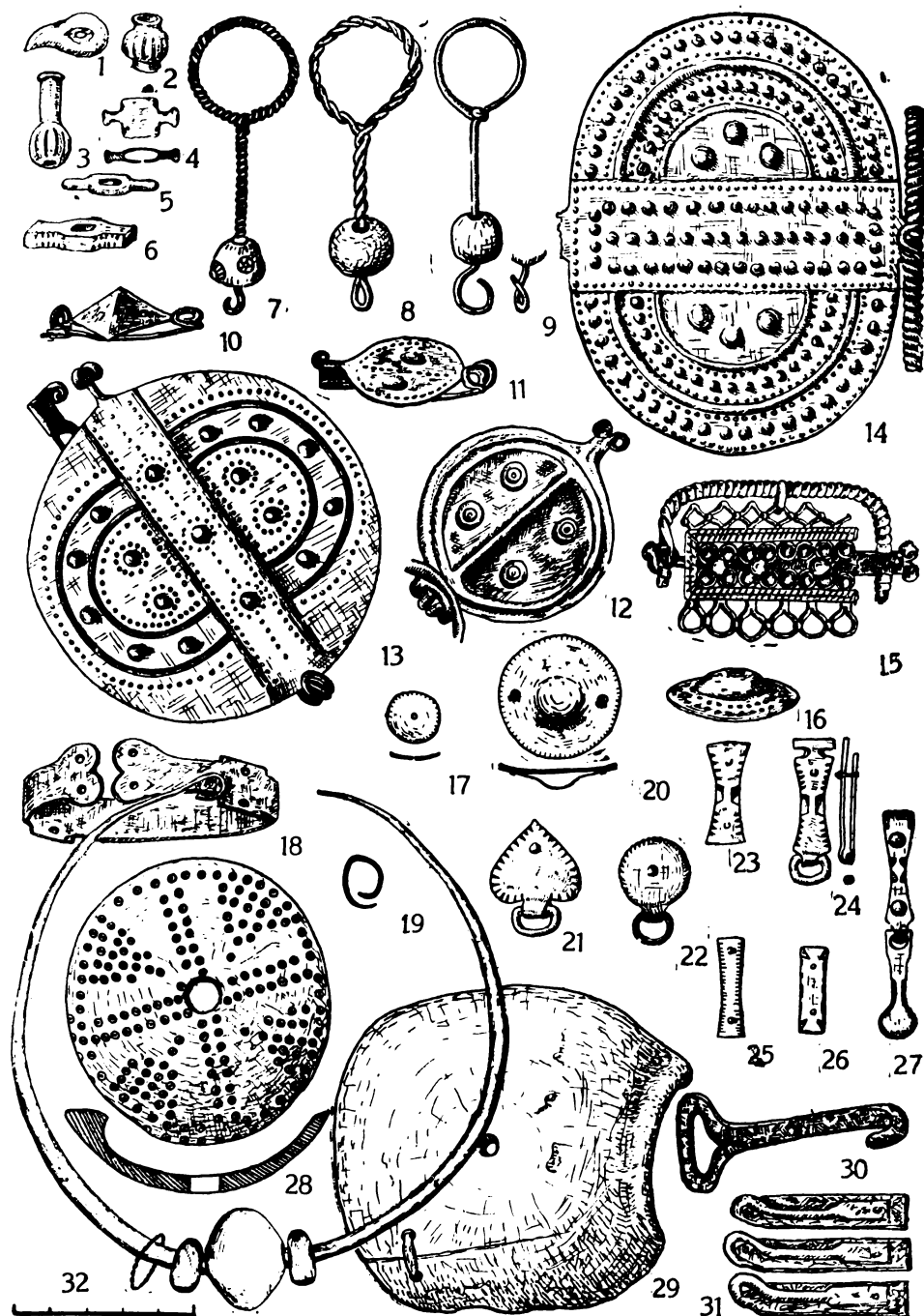

Таблица 1. Украшения и принадлежности костюма мазунинской культуры. 1—го-
 родище Чеганда 1; 2, 5, 8, 10—12, 16, 18, 21, 23, 24, 31—Мазунинский могильник; 3—
 Чепанихинский могильник; 4, 6, 15, 19, 20, 32—Сайгатский могильник; 7, 9, 13, 17, 22,
 25—30—Ижевский могильник; 14—Быргиндинский могильник; 18, 30, 31—железо; 28,
 29—раковина; остальное медь и бронза.

наментация выполнена треугольным чеканом в виде пояса по краю (табл. II—18), а у второго экземпляра концы несколько расширены и украшены нарезками, имитирующими кисть руки. Подобные типы брашлетов, особенно медные, нередко встречаются и в других районах.

Железные браслеты вообще редки, но подобные нашим известны из окских могильников (Спицын, 1901, табл. XXII—10).

4. 6. Подвески и пронизки среди мазунинских украшений встречаются крайне редко и большинство этих вещей обычно сломано. Небольшие медные пронизки с гладким или ребристым вздутием (табл. I—2—3) найдены в трех погребениях (4 экз.). Своеобразны три литые пронизки в виде молоточков (табл. I—5, 6). Единичны медные подвески конусовидной формы, трапециевидные пластинчатые с колечком и лапчатые пьяноборского типа (табл. II—13, 21). Иногда в качестве украшений использовались обломки медных поясных накладок и подвесок. Изредка встречаются спиральные пронизки из медной граненой проволоки (в 6 погребениях), употреблявшиеся чаще всего в ожерельях вместе с бусами (табл. II—14). Оригинальна подвеска из городища Чеганда I в виде головки хищной птицы с длинным нависающим клювом и большим глазом (табл. I—1).

4. 7. Бляшки из меди встречаются редко (9 погребений). Обычно это бляшки с крупным умбоном и прямой перекладной (петлей) с внутренней стороны. Поверхность бляшек гладкая или покрыта концентрическим узором из наколов (табл. I—16, 20). Единично встречаются слегка выпуклые гладкие бляшки с насечками по краю (табл. I—17) и крупные выпуклые бляшки с закраинами. Умбовидными бляшками украшались пояса, гладкими — обувные ремешки, ножны.

4. 8. Бляхи круглые из тонкой медной пластины с узором из концентрических окружностей и рассеченной стороной. Этот тип хорошо известен по многочисленным находкам в азелинских погребениях (Генинг, 1963, табл. IX—11). В Мазунинском могильнике найдено всего две таких бляхи. Единственная эполетообразная застежка из Чепанихинского могильника подобна азелинским (Семенов, 1966, рис. 2, 8).

4. 9. Поясной ремень — самая частая находка в мазунинских погребениях. Остатки поясов обнаружены почти в половине всех исследованных могил (71 погр.). Поясные ремни можно разделить на три типа:

1. Пояс с медной или, чаще, с железной пряжкой на конце.

2. Пояс с пряжкой на одном конце и медным или железным наконечником — на другом.

3. Поясной набор с пряжками (застежками), наконечниками, накладками и бляхами на ремне.

Распределение этих типов ремней по отдельным памятникам приведено в таблице и дает представление о модах мазунинского поселения в отдельных районах. Так, в Сайгатском могильнике очень редко встречаются поясные наборы, а в Ижевском и Мазунинском их много (табл. Д). В целом по мазунинским погребениям можно отметить равное количество поясов только с пряжками и поясных наборов. Очень редко встречаются пояса с пряжкой и наконечником. Пояса с набором

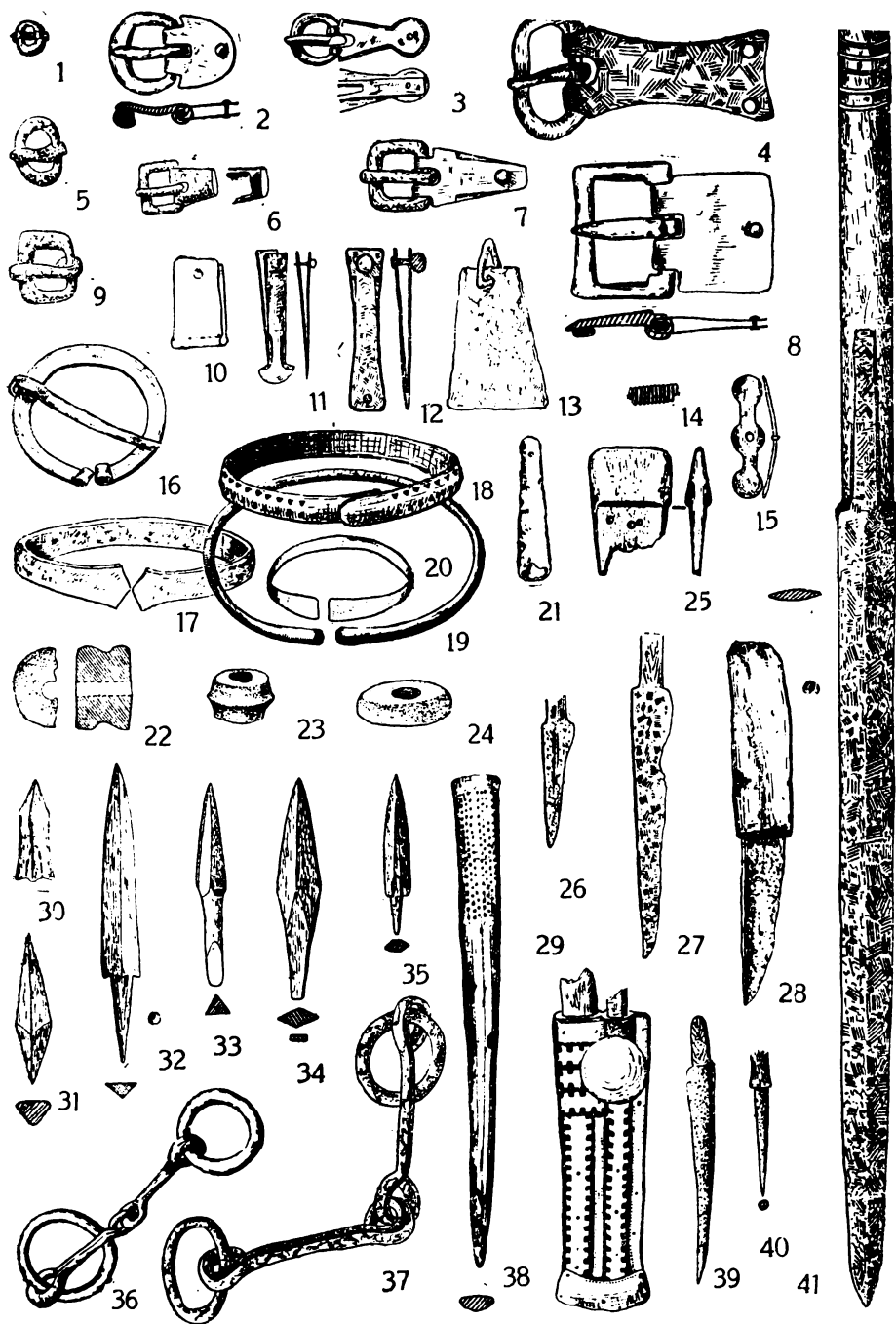

Таблица II. Предметы из памятников мазунинской культуры. 1, 3, 5, 6, 9, 13-15, 17, 24, 27, 35, 37, 39—Мазунинский могильник; 2, 8, 10, 16, 20, 21, 28, 30, 32—Сайгатский могильник; 4, 7, 12, 18, 19, 26, 29, 31, 36, 40, 41—Ижевский могильник; 11, 22, 23, 25, 33, 34—городище Чеганда I; 38—Чепанихинский могильник; 4—6, 9, 13, 17, 26, 27, 36, 37, 39-41—железо; 22-24—глина; 25, 30-35, 38—кость; 28—железо и кость; остальное — медь и бронза.

представляют собой довольно роскошную вещь. Но таких поясов с полным набором обнаружено не более 10.

Таблица Д

Могильник	Пояс с пряжкой	Пояс с пряжкой и наконечником	Поясной набор	Всего
Мазунинский	11	—	19	30
Ижевский	2	1	13	16
Сайгатский	14	2	2	18
Быргындинский	4	—	—	4
Чепанихинский	3	—	—	3
Всего	34	3	34	71

Большинство поясов имело лишь несколько накладок, тогда как в богатых наборах накладок обычно несколько десятков. У поясов из бедных захоронений не всегда имеются металлические пряжки или застежки. Особенно много таких поясов было в Мазунинском могильнике.

В состав пояса входили следующие типы вещей: пряжки, крючки-застежки, бляшки, наконечники, подвески. Пряжки довольно однотипны — в виде простого кольца с иглой или такого же кольца с обоймой для прикрепления к ремню. Встречена лишь одна пряжка (погр. 20 Мазунинского могильника), у которой кольцо и обойма для ремня выкованы из одного куска железа. По форме кольца пряжки делятся на три типа, а по форме задней пластины или обоймы для ремня выделяются разнovidности.

1. Пряжки с квадратным приемником встречаются редко (5 экз.). Среди них есть пряжки без обоймы для ремня и с обоймами в виде пластины квадратной и подтреугольной формы (табл. II—7—9). Оригинальна пряжка с задней пластиной, имеющей на конце обойму для ремня, а не заклепку-шпенек, как все остальные экземпляры (табл. II—6). Подобный способ крепления пряжек на ремне встречался уже изредка у позднepyноборских застежек.

2. Пряжки с овальным, изредка В-образным приемником также многочисленны (8 экз.). Приемник у них спереди обычно слегка утолщен и прогнут в середину. Один экземпляр без задней пластины, три — с пластинами вытянутой трапециевидной формы, у остальных — пластины прямоугольные с вогнутыми сторонами (табл. II—4—5).

3. Пряжки с округлым, утолщенным спереди кольцом встречаются чаще всего (27 экз.). Многие из них без задних пластинок, а у остальных пластины прямоугольные или полукруглые (табл. II—1, 2), у одной пряжки задняя пластина подтреугольной формы с кружком на конце (табл. II—3).

Все пряжки крепились к ремню при помощи одного-двух шпенок. Иглы-язычки пряжек лишь слегка выступают за пределы кольца — приемника. Большинство пряжек железные или с железным кольцом и медными язычками и задней пластиной. Медных пряжек найдено 7 экз., многие железные были сломаны и в приведенные выше подсчеты не

включены. На городище Чеганда I Л. Беркутовым найдена медная ажурная пряжка (Генинг, 1966, табл. I—7).

Интересно, что в других районах Прикамья в это время господствуют еще медные пряжки. Пряжки употреблялись, главным образом, в мужских поясах и значительно реже — в женских.

Большинство женских поясных ремней имеют железные крючки—застежки. Простейший тип этих застежек представляет собой узкую пластинку, один конец которой несколько сужен и загнут в крючок, а другой или расширен или имеет петлю (табл. I—30). Крючки этого типа по способу употребления совершенно сходны с пьяноборскими эполетообразными застежками, с той лишь разницей, что последние имели для прикрепления к ремню на обороте задних блях костыльки (Генинг, 1962, стр. 15), а мазунинские крючки или приклепывались к ремню или закреплялись петлей. Но это сходство общего принципа употребления, по-видимому, все же не значит, что мазунинские крючки являются дальнейшей эволюцией пьяноборских застежек. Скорее всего здесь надо предполагать параллельные линии развития из одного общего принципа скрепления ремней при помощи крючка, довольно широко распространенного в раннем железном веке. Так, поясные крючки известны из кобанских древностей Кавказа, где они, кстати, по основным деталям очень напоминают пьяноборские эполетообразные застежки (Артамонова-Полтавцева, 1950; Крупнов, 1960), есть они в Сибири (Чернецов, 1953, табл. III). Простейшие поясные крючки из кости встречаются в массе уже в ананьинских памятниках (Генинг, 1958, рис. 19—4), но их нет в пьяноборских.

Кроме застежек описанного типа в мазунинских поясных наборах нередко встречаются и более сложные, с тремя—четырьмя крючками на одном конце ремня и таким же количеством петель на другом (табл. I—31). Интересно, что почти все крючки мазунинских поясов железные и только один медный.

Наконечники ремней — сравнительно редкая вещь в мазунинских поясах. В Мазунинском и Быргындинском могильниках они вообще не встречены. Известно пока 10 медных наконечников пояса из Ижевского могильника и по два из Сайгатского могильника и городища Чеганда I. Это длинные прямоугольные пластины, согнутые пополам. На месте сгиба у некоторых сделано утолщение в виде трубочки или расплющено иногда в виде сечки (табл. II—10—12). К ремню наконечник прикрепляется одной, реже двумя заклепками. Подобные наконечники очень часто встречаются в III—V вв.

Поясные ремни обычно украшались медными накладками, довольно стандартной для мазунинских комплексов формы. В большинстве это прямоугольные пластинки шириной 6—9 мм и длиной 2,5—4 см, украшенные по краям насечками, треугольными и продольными выемками, иногда вырезами. Крепились накладки к ремню при помощи двух шпеньков-заклепок, под которые подкладывались небольшие квадратные шайбочки (табл. I—23, 25, 26). Часто снизу к накладкам приклепывались небольшие плоские колечки, продетые в сгиб конца накладки, (табл. I—24). Иногда вместо колечка накладки имеют сечко-

видные подвески, а головки шпеньков-заклепок снабжены " крупными шариками (табл. I—27). Изредка в мазунинских поясах встречаются накладки других форм — в виде круглых бляшек, сердечек или полуовалов (табл. I—21, 22).

Количество накладок на ремнях самое различное. В лучше сохранившихся их до полусотни и более, но часто всего 3—7 экз. За пределами мазунинской территории поясные накладки описанных типов, особенно прямоугольные, нигде не встречаются.

Весьма разнообразны также мазунинские бляхи-накладки из крупных раковин, украшавшие поясной ремень спереди около застежки. Раковины, безусловно, привозные. Бляхи круглые, диаметром до 8 см, сверху иногда покрыты циркульным орнаментом и в свое время были окрашены в ярко-красный цвет (табл. I—28, 29).

К ремню они крепились при помощи небольших умбововидных бляшек, которые притягивались ремешком, пропущенным через отверстие в центре раковины (табл. I—16). На одном поясе крепилось от одной до четырех таких блях. Всего в мазунинских памятниках обнаружено около 20 блях из раковин.

Находки створок крупных раковин в мазунинских памятниках представляют собой исключительный интерес. Совершенно аналогичные раковины известны по находкам в целом ряде могильников на Памире (Литвинский, 1964, стр. 153). По определению старшего научного сотрудника АН Таджикской ССР кандидата геолого-минералогических наук В. М. Реймана это раковины моллюска из семейства *Pectunculidae*, которые могут происходить или из палеогеновых морских отложений или же с побережья Индийского океана, где такие моллюски живут и сейчас. Б. А. Литвинский, опубликовавший раковины из Памирских памятников, пишет, что сходные экземпляры встречаются в мегалитических сооружениях Южной Индии и памирские; вероятно, также происходят из Индии (Литвинский, 1964, стр. 155, рис. 14). Мазунинские раковины совершенно аналогичны памирским и индийским экземплярам не только по форме и размерам, но и наличием на некоторых по поверхности гравированного орнамента. Многочисленные находки раковин в мазунинских могильниках скорее всего свидетельствуют о том, что они также привезены из Индии.

В башкирских памятниках синхронных мазунинским (бахмутинские, кушнаренковские) встречаются подвески из таких раковин, но они обычно меньшего размера и без сверления в середине.

Подвески из раковин с медным ушком были найдены и в Петропавловском могильнике (Семенов, 1966). По всей вероятности из таких же раковин сделан ряд бус в полемских могильниках (Генинг, 1963, табл. XVI—25—27). Все эти находки вскрывают довольно интересную картину древних торговых связей населения Прикамаья.

В одном поясном наборе были ножны с ножом и костяной проколкой (погребение 8, Ижевский могильник). Эта мода была распространена у верхнекамского населения харинского времени.

Следует отметить, что поясам у мазунинского населения придавалось какое-то совершенно исключительное значение. Об этом говорит

не только наличие поясов в каждом погребении. В погребении 50 Мазунинского могильника хорошо сохранившийся ремень с медными накладками носит следы многократного ремонта — почти сплошь вся поверхность его прошита ремешками, которые должны были сохранить не только медные накладки с отломившимися шпеньками, но и сам ремень, пришедший в чрезвычайно ветхое состояние (Генинг, Мырсина, 1966, рис. 3).

4. 10. Орудия труда и оружие, обнаруженные в мазунинских памятниках, немногочисленны. Это — ножи, шилья, проколки, пряслица, точильные бруски, жернова, плиты, зернотерки, удила, мечи и наконечники стрел.

Ножи встречаются в массе в могильниках (55 экз.) и на поселениях. Все они с широким коротким черешком, с изогнутым лезвием, прямой спинкой и нередко с долом. Переход от черешка к спинке иногда с уступчиком, иногда — прямой (табл. II—26, 27). Лезвия ножей имеют длину 7—11 см. Рукоятки ножей были костяные или деревянные (табл. II—28). В погребениях ножи находились, видимо, всегда в ножнах, сделанных из дерева и кожи, но сохранились ножны только в тех случаях, когда были обильно украшены медными накладками.

Прекрасно сохранились ножны с ножом и костяной проколкой из Ижевского могильника (табл. II—29). На других ножнах были обычно лишь 1—2 накладки.

Шилья изготовлены из круглого дрота длиной 6—9 см. У перехода к черешку — уступчик (табл. II—40). Интересно комбинированное орудие — шило-нож из массивного узкого клинка с изогнутой спинкой (табл. II—39).

Проколки из кости довольно массивные, длиной до 16 см. Кость обычно обстругана, со слабыми гранями, на рукояти иногда отверстие или орнамент (табл. II—38).

Наконечники стрел в мазунинских памятниках сохранились только костяные, железные настолько разрушены, что получить представление о форме их невозможно. Костяные наконечники по сечению пера делятся на трехгранные, ромбические и многогранные. Трехгранные встречаются втульчатые (табл. II—30) и черешковые. Последние иногда с резким уступом к черешку, иногда с плавным переходом в черешок (табл. I—31, 33). Ромбические экземпляры также имеют плавный или резкий переход к черешку. То же самое встречается и у многогранных (табл. II—34—35).

Мечи, обнаруженные лишь в Ижевском могильнике, имеют обоюдоострые клинки длиной около 80 см и шириной 4—5 см почти по всей длине. Лишь у конца клинок немного сужается. Черешки брусковидные с двумя заклепками, перекрестий нет. Рукоятки мечей деревянные, круглые, диаметром 4 см, длиной до 40 см, в одном случае у конца с медными обжимными кольцами (табл. II—41). Судя по размерам рукоятей, это двуручные мечи для рукопашного боя. На городище Чеганда I найдено костяное навершие меча или кинжала. Навершие вставлялось в деревянную рукоять (табл. II—25).

Брусок точильный найден только один на городище Чеганда I. Он

имеет почти квадратное сечение и отверстие для подвешивания к поясу.

Удила все с перегибом двухзвеньевые из дровот округлого или четырехгранного сечения. В первом варианте они имеют обычно крупные диаметром до 5—6 см, кольца, во втором—малые (3—4 см) кольца (табл. II—36, 37). Ремни уздечек иногда украшались медными накладками (табл. II—15).

Плиты-зернотерки прямоугольной формы из крупнозернистого конгломерата обычно довольно крупного размера 24×14—15 см и толщиной 5—6 см (Генинг, 1966, табл. III—8).

Жернова найдены на городище Чеганда I и относятся к раннему периоду. Диаметр их 32—36 см и толщина 5—8 см. Диаметр отверстия в середине 4, 5 см (Генинг, 1965, табл. IV—3). Находки жерновов на мазунинских поселениях пока одни из наиболее ранних в Прикамье.

Глиняные пряслица встречаются двух типов: плоские блоковидные и усеченно-биконические (табл. II—22—24). На городище Чеганда I найдено несколько глиняных кружков грубой выделки с отверстиями и орнаментом. Назначение этих кружков не совсем ясно.

Амулеты сделаны обычно из кости, чаще всего из фаланги животного (баран, лошадь и др.). Для подвешивания у них просверлено отверстие (Генинг, 1966, табл. II—12—14). Культовыми вещами являются, видимо, небольшие глиняные фигурки животных, миниатюрные сосудики и воронки (Генинг, 1966, табл. I—10—14).

4. 11. Керамика мазунинской культуры может быть охарактеризована по большой коллекции из городища Чеганда I (фрагменты более 250 сосудов) и по небольшим коллекциям из разведочных раскопок и сборов с многочисленных поселений. На могильниках глиняные сосуды, как правило, не встречаются и пока найдено лишь четыре сосуда. В массе керамика мазунинских памятников содержит круглодонные сосуды, чаще всего высоких пропорций. По форме изгиба шейки и переходу к плечикам выделяется несколько типов. Наиболее многочисленны сосуды с широко открытой горловиной, имеющей в профиле плавный отгиб шейки наружу и столь же плавный переход по плечикам от шейки к тулову (табл. III—15). Реже встречаются сосуды с суженной горловиной, короткими или средней высоты шейками, резко переходящими по плечикам в сильно раздутое тулово (табл. III—4). Единично встречаются низкие блюдообразные сосуды (табл. III—6).

Орнамент сосудов беден — это обычно ряд неглубоких круглых ямочных вдавлений по шейке (у трети всех сосудов) и изредка насечки по округлому или плоскому венчику (табл. III—1—6).

Глиняное тесто содержит в массе примеси песка, а в ранних комплексах также шамот. Часто поверхность сосудов обработана грубо — щепкой или пучком травы. Обжиг неравномерный, костровый, большинство фрагментов сосудов красно-серого или коричнево-серого цвета.

На южных поселениях раннего периода мазунинской культуры встречается керамика и иных типов. Наиболее многочисленна керамика бахмутинского типа. Это также круглодонные сосуды, почти всегда

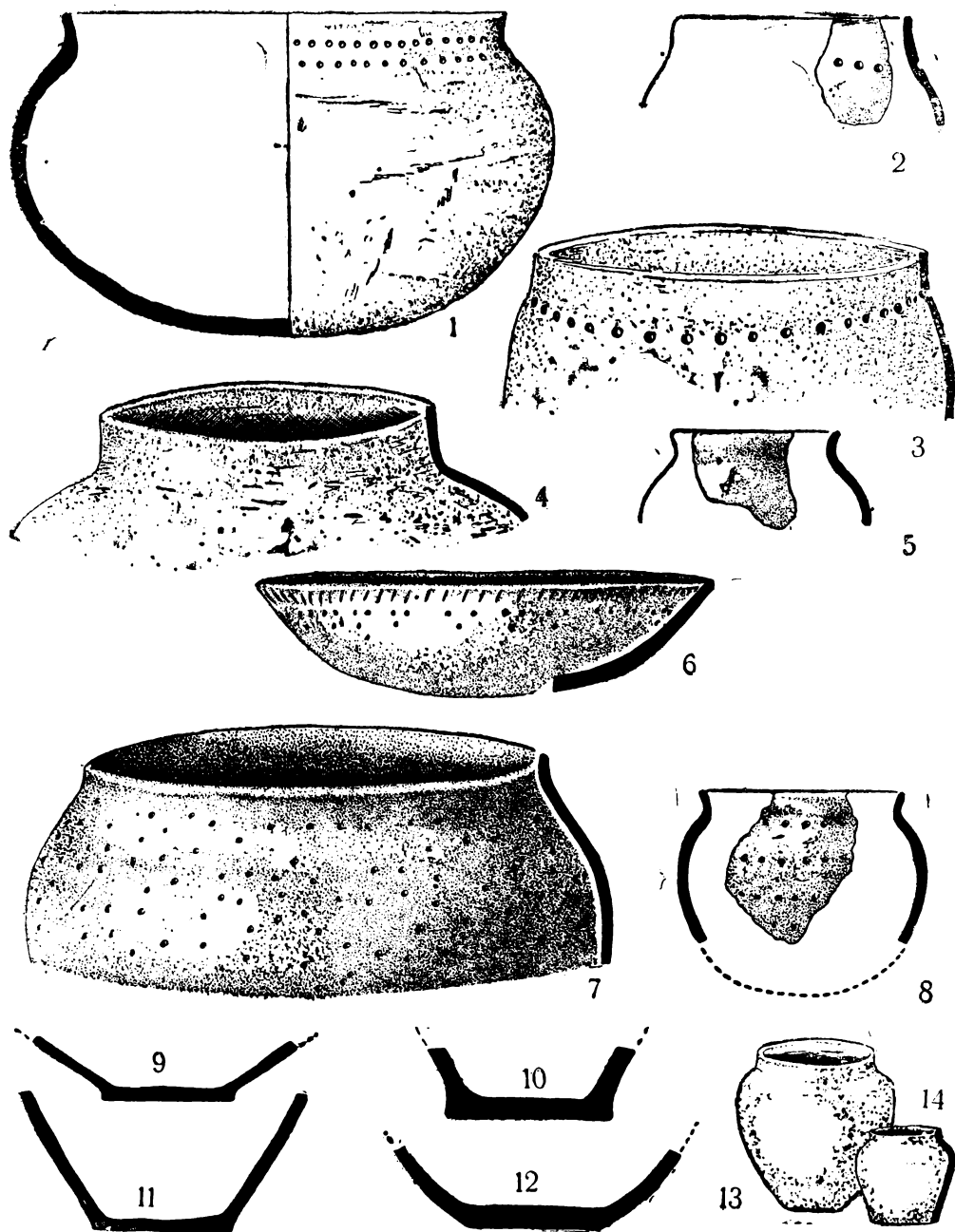

Таблица III. Глиняные сосуды из памятников мазунинской культуры. 1—Сайгатский могильник; 2-14—городище Чеганда I.

высоких пропорций, с короткими слегка отогнутыми наружу или прямыми шейками и шаровидным туловом. Переход от шейки к тулову

Таблица Е

Распределение вещей в памятниках мазунинской культуры

Типы вещей	Моги́льники (погребения)			Прочие памятники
	Мазунинский	Ижевский	Сайгатский	
1. Фибулы (табл. I—10—15)	14, 24, 37, 40, 41, 47, 50, 51, 63	1, 5, 6, 22, 0	8, 10, 14, 27, 30, 33, 41	Бырг. 5
2. Височные подвески (табл. I—7—9)	3, 7, 8, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 23, 30, 31, 36, 40, 41, 47, 50, 51, 52, 60	2, 5, 6, 8	14, 16, 18, 30, 35, 41	Бырг. 1
3. Браслеты (табл. I—18, I—17—20)	14., 18, 24, 37, 41	0, 2, 5, 8	30, 33	
4. Гривны (табл. I—32) 32)	11		8, 10, 30, 33, 36, 27, 35	
5. Скульгамы (табл. II—16)	40, 60			
6. Подвески (табл. I—1, 4—6; II—13, 21)	13, 19, 29, 37, 52, 63, 67		9, 30	г. Чеганда
7. Пронизки (табл. I—2, 3;	29, 63	3	7	Чепан. 2
8. Бляшки (табл. I—16, 17, 20)	8, 17, 35, 40, 47, 62	8	18, 30	
9. Пряжки (табл. I—1—9)	27, 47, 48, 52, 53, 54, 58, 60, 63, 66, 67	8, 16, 24, 17	1, 5, 7, 10, 16, 21, 23, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 4, 7, 20, 23(?) 7, 18	Бырг. 2, 4, 5, 8 Чепан. 1, 2, 3 г. Чеганда
10. Поясные крючки (табл. I—30, 31)	4, 15, 16, 25, 34, 40, 41, 43, 47, 50, 67	2, 4, 5, 23, 24		
11. Поясные накладки (табл. I—21—27)	1, 3, 8, 13, 16, 17, 19, 23, 25, 35, 36, 40, 41, 43, 47, 50, 51, 62, 67	2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 16, 21, 24, 0		
12. Поясные бляхи из раковин (табл. I—28, 29)	1, 3, 8, 47, 50, 62	2, 4, 5, 8, 21, 6, 20		
13. Наконечники ремней (табл. II—10—12)	—	8, 9, 10, 16, 24	26, 30	г. Чеганда
14. Ножи (табл. II—26—29)	4, 8, 14, 15, 17, 19, 22, 23, 25, 27, 29, 34, 35, 40, 47, 47, 48, 51, 53, 58, 61, 62, 63, 65, 67	2, 3, 5, 8, 10, 12, 16, 18, 19, 20, 26, 27, 30	3, 4, 7, 10, 11, 18, 20, 23, 34, 35, 36	Бырг. 2, 3, 8 Чепан. 1, 3 г. Чеганда
15. Шилья (табл. II—39—40)	17, 23, 31, 47, 51	8		
16. Наконечники стрел (табл. II—30—35)	19, 40, 56, 62	16	7, 23, 32	Чепан. 3 г. Чеганда
17. Удила (табл. II—36, 37)	25, 67	3, 16		

чаще короткий, но плавный, хотя встречаются сосуды и с крутыми плечиками. По форме эти сосуды существенно не отличаются от мазунинских. Но примеси к глиняному тесту (песок, шамот, дресва и галька), а также покрытие всей наружной поверхности беспорядочными наколами или рядами наколов округлой формы, позволяют надежно распознавать этот комплекс даже в незначительном количестве (табл. III—7, 8).

Другой чуждый мазунинской культуре тип керамики — горшководный. Это сосуды с суженой горловиной, короткой шейкой, круто переходящей по плечикам к тулову. Плоские днища сосудов — широкие со слабым отгибом придонной части тулова или, наоборот, с сильно отогнутой придонной частью тулова. Но у этих сосудов тулово в профиле всегда прямое (табл. III—13, 18). Встречаются экземпляры переходных типов от круглодонных к плоскодонным (табл. III—13). Нередко по краю тулова у днища имеются закраины — выступы (табл. III—9, 10). Орнаментировались плоскодонные горшки очень редко — насечками по венчику или пояском ямок по шейке. Наконец, в единичных экземплярах на мазунинских поселениях встречается керамика кушнаренковского типа — сосуды из тщательно отмученной глины с примесями мелкого песка, тонкостенные, с хорошо заглаженной, иногда до блеска, поверхностью. Большинство сосудов круглодонные, но встречаются и с плоским дном. Горловины обычно сильно сужены, шейки высокие, тулово сильно раздуто. По шейке нанесен очень мелкий узор из резных параллельных линий, крестовидной штриховки, гусеничек, ямочек и т. д. Сосуды красного или черного цвета (Генинг, 1966, табл. VIII, IX).

II. ХРОНОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Датировка культуры. Как видно из описания, среди мазунинских памятников исследованы широкими раскопками лишь три могильника, а на трех других произведены небольшие разведочные раскопки. Раскопок мазунинских поселений пока не проводилось. На городище Чеганда I мазунинский слой совершенно разрушен и выбирался попутно при изучении пьяноборского комплекса. Получилось так, что изученные могильники относятся в большинстве своем к раннему периоду, в основном к III—VI вв., а более поздние века не представлены в вещевых комплексах, хотя памятники этого времени — поселения — уже известны.

В целом мазунинская культура датируется периодом с III до середины IX вв.

Ранняя дата обосновывается достаточно твердо. Здесь, прежде всего, необходимо учитывать тот факт, что мазунинские комплексы приходят на смену пьяноборским. Конец пьяноборской культуры в Среднем Прикамье падает на рубеж II и III вв. н. э. Об этом свидетельствует отсутствие в пьяноборских комплексах типов вещей так называемой эпохи переселения, которые достаточно хорошо датируются временем с III в. н. э. и чрезвычайно широко распространяются почти

во всех культурах нашей страны. К таким типам относятся пряжки с овальным утолщенным спереди кольцом, длинным хоботовидным язычком-иглой и вращающейся задней пластиной. Подобные пряжки ни разу не встречены в пьяноборских погребениях, но неоднократно найдены в мазунинских (табл. II—7—4). Ранняя дата этих пряжек (рубеж II—III вв.) надежно подтверждается находками их в составе клада с монетами у с. Турии в Причерноморье (Кухаренко, 1953). В III в. появляются пряжки подобного типа также в таштыкской культуре (Кызласов, 1960, стр. 38).

Временем не позднее начала III в. датируются фибулы с ромбическим щитком (Стоянов, 1962, стр. 131). На раннюю дату указывают также находки ряда вещей, совершенно аналогичных вещам конца пьяноборской культуры: костяные втульчатые трехгранные наконечники стрел (табл. II—30), обломок крупной лапчатой подвески (Генинг, Мырзина, 1966, рис. III—2), пряжка с задней пластиной в виде обжимного кольца (табл. II—6).

Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что начало мазунинской культуры можно относить к III в. н. э.

Гораздо хуже обстоит дело с датировкой конца мазунинской культуры. Вещей, исключая керамику, позже VI—начала IX вв. на мазунинских памятниках пока почти не найдено. Но разбирая выше мазунинские городища, мы пришли к выводу, что здесь имеется целая группа городищ с очень небольшой жилой площадкой. По аналогии с другими районами Прикамья, где встречаются городища подобного же типа, существование на них поселений относится к самому концу культур раннего средневековья. Конечная дата культур раннего средневековья в Прикамье—середина IX в.—установлена достаточно точно по многочисленным находкам монет на ряде могильников (Генинг, 1963а, стр. 39; 1964, стр. 121—125). Опираясь на эти косвенные данные, мне представляется возможным относить позднюю дату мазунинской культуры к середине IX в. Со второй половины IX в. на мазунинской территории начинает развиваться новая культура, связанная с новым этапом общественно-экономического развития местных племен. Видимо, одним из ранних памятников этой новой культуры является городище Ныргында II, материалы которого еще близки мазунинским.

2. Этапы развития. В развитии мазунинской культуры намечается три этапа, но в выделении этих этапов приходится опираться опять-таки на аналогии с лучше изученными районами лесного Прикамья.

Ранний этап — III—V вв. н. э. связан с периодом становления мазунинской культуры, когда еще можно наблюдать различие в керамике отдельных групп населения, вошедших в это новое племенное объединение. К раннему этапу относятся городища 1 группы — с площадью не менее 10 тыс. кв. м. и со сложной системой укреплений. Сюда же должны быть отнесены все погребения, исследованные на Сайгатском, Чепанихинском и Быргындинском могильниках. На Мазунинском и Ижевском могильниках к этому периоду относится основная масса погребений, но часть их должна быть отнесена уже к среднему этапу. На Мазунинском могильнике мало ранних погребений (III век), а на Ижевском

они, видимо, вообще отсутствуют, по крайней мере в изученной части, хотя здесь и найдена медная монета Александра Севера (222—235 гг. см. Golenko, 1960).

Датировка комплексов этого этапа III—V вв. обосновывается многочисленными аналогиями, о которых уже говорилось выше. Этим периодом датируются ножи с брусковидным черешком и долом (табл. II—26, 27); мечи с широким обоюдоострым клинком, сужающимся лишь у конца (табл. II—42); наконечники ремней, заканчивающиеся утолщением в виде трубочек, а также с плоско-склепанным концом (табл. II—10—12) и другие вещи.

Средний этап мазунинской культуры условно датируется VI—VIII вв. К нему относятся городища II группы с площадью в пределах 4—9 тыс. кв. м. и многорядной системой укреплений, некоторые селища и отдельные погребения из Мазунинского и Ижевского могильников. На селище Такталачук найдена медная пряжка VI—VII вв.

К началу среднего этапа может относиться погребение 2 Ижевского могильника, где найден браслет с утолщенными концами V—VI вв. (Шмидехельм, 1955, стр. 199). На Мазунинском могильнике в погребении 27 найдена железная цельнокованная пряжка с пластиной для прикрепления ремня (Генинг, Мырсина, 1966, табл. IV—15). Такие пряжки появляются не ранее VI в. К среднему этапу относятся, видимо, Нивский могильник, где собрано несколько вещей V—VI вв. (Семенов, 1966).

С поздним этапом VIII — начала IX вв. пока можно связать только городища III группы, имеющие площадь не более 2—3 тыс. кв. м. и укрепленные лишь одним валом и рвом. Могильники этого времени еще не найдены.

3. Общественная организация. Проблема развития общественных отношений в раннем средневековье Прикамья представляется чрезвычайно сложной. В лесных районах весьма знатянулась эпоха родового общества. Еще в предшествующее мазунинской культуре время здесь, видимо, существовали достаточно прочные родовые коллективы, которые совместно вели общее хозяйство. Правда, род в Прикамье никогда не был многочисленным и большим. Так у пьяноборского населения, судя по имеющимся материалам могильников и поселений, род включал не более 45—50 человек (Генинг, 1962, стр. 32). Распад единого родового хозяйства начался уже в этот период. Наряду с родовыми коллективами существовали в какой-то мере хозяйственно-обособленные большие патриархальные семьи.

Начало культур раннего средневековья связано с повсеместным распадом рода и экономическим обособлением больших патриархальных семей. С этого времени начинается новый, заключительный период в развитии первобытно-общинного строя — эпоха первобытной соседской общины. Большая семья экономически обособляется, стремится поселиться отдельно от других таких же семей своего рода, чтобы достичь большей самостоятельности. Но родовая принадлежность еще надолго остается в сознании, нередко члены рода оказывают друг другу помощь, совершают общие моления, жертвоприношения и т. п.

При расселении такие семьи могут встретиться с другими, не родственными, и жить в одном поселке. Но часто, видимо, большие семьи жили обособленно. Главная черта этого периода не в том, что разные по родовой принадлежности семьи живут по соседству в одних поселках, а в замене родовых связей территориальными. Сущность же данной эпохи состоит в том, что наряду с сохранением отдельных элементов коллективной собственности быстро развивается частная собственность и полная победа последней приводит к переходу к классовому обществу.

Этим и завершается развитие культур раннего средневековья в Прикамье.

Выражением частной собственности является малая семья, состоящая из одной брачной пары с потомством, самостоятельно ведущая свое хозяйство. Эта семья появилась в Прикамье в IX—XI вв. Но наряду с патриархальным родом, а затем и патриархальной семьей развивается еще одна общественная форма — патронимия, которая представляет собой группу семей, сохраняющих известное единство в идеологии, хозяйстве и общественной организации. Причем патронимия также не является застывшей формой, а находится в развитии. В Прикамье зарождение института патронимии относится, видимо, к эпохе пьяноборской культуры, когда при сохранении единства рода в области производства можно проследить разделение его в области потребления, а в некоторых случаях и в производстве. Свое классическое выражение патронимия получает, однако, в эпоху первобытной соседской общины, когда каждая патронимия является в известном смысле территориальной общиной. В связи с быстрым ростом больших семей происходит их сегментация, разделение на семейные группы, включающие опять-таки несколько поколений, обычно не менее трех. Предел в росте большой семейной общины обусловлен определенным уровнем и формами развития хозяйства. Патронимия, возникающая при таком разделе, сохраняет известное хозяйственное единство, выражающееся, прежде всего, в коллективном владении землей и угодьями. Но каждая семья владеет уже усадебным участком земли, а остальные участки периодически делятся, в зависимости от состояния семьи, ее размеров и т. д. В общем пользовании остаются обычно выгоны, леса, различные угодья. Принципиальная разница между патронимией и соседской общиной состоит в том, что первая всегда основывается на родственных отношениях, и в этом в известном смысле она является наследницей старой родовой организации, а соседская община зиждется исключительно на общих хозяйственных интересах и является предвестником новых отношений, отношений классового общества.

Конкретные формы организации и пути возникновения соседских общин довольно разнообразны. По мнению М. О. Косвена «в тех поселениях, где соединялось несколько патронимий и где между ними возникали социально-экономические противоречия, возникали соединяющая и даже объединяющая их, а в известной мере и сглаживающая эти противоречия, новая общественная форма — соседская общи-

на» (1963, стр. 120). Но подобное явление присходило, видимо, чаще всего уже на поздних этапах развития и в местах с относительно высокой плотностью населения и отсутствием свободных для освоения земель.

На раннем этапе первобытная соседская община, вероятно, не имела даже своего организационного оформления и ее функции в известной мере выполняла патронимия. А в областях с относительно низкой плотностью населения и достаточно большими просторами неосвоенных земель такое явление могло продержаться очень долго. И даже в тех случаях, когда на одних поселках оказывались представители различных патронимий, противоречия между ними возникали чрезвычайно редко. Но, как уже подчеркивалось выше, сущность этой эпохи не в том, селились ли всегда совместно разные патронимии, а в существовании определенных форм собственности.

Три этапа развития мазунинской культуры определенным образом отражают ступени развития общественной организации данной эпохи. Ранний этап — это время становления мазунинской культуры как этнической общности группы племен, довольно различных по своему происхождению. В течение этого периода происходит общая нивелировка материальной культуры различных групп населения, появляются общие черты и в духовной культуре, т. е. появляется та общность, которая позволяет рассматривать это население как представителей одной археологической культуры.

Но это лишь одна сторона данного этапа. Другую характеризует общественная организация. Род как единое целое перестал существовать, распавшись на отдельные большие патриархальные семейные общины. Конкретно существование этих семейных общин прослеживается на материалах могильников. Все они сравнительно небольшие и содержат захоронения членов одной такой общины. Лучше исследован Мазунинский могильник, на котором вскрыто около 70 погребений. Часть погребений здесь разрушено карьером, видимо, очень небольшая часть осталась невскрытой. В общей сложности на этом кладбище было не более 100 погребений. Сайгатский могильник, видимо, еще меньше. В азелинской культуре на Суворовском могильнике было не более 40 погребений, а на Азелинском—всего 22 (Генинг, 1963). Все это, конечно, уже не родовые кладбища, содержащие обычно сотни могил. Так, на Зуевском могильнике ананьинского времени А. А. Спицын вскрыл 212 погребений (Спицын, 1933), на могильнике Чеганда II нами было исследовано 220 погребений и не менее 100—150 их было разрушено рекой (Генинг, 1962, стр. 31). Могильники раннего этапа мазунинской культуры — это кладбища патриархальных больших семей и, в ряде случаев, вероятно, патронимий. Материалы могильников свидетельствуют об уменьшении основной общественно-экономической единицы, по сравнению с предшествующим периодом.

В связи с этим на первый взгляд весьма странным кажется появление колоссальных городищ, площадью, как правило, более 10 тыс. кв. м. В предыдущую эпоху такие городища встречаются единично и на них

обитало 2—3 рода, образовавшихся, очевидно, в результате сегментации.

Значительные размеры площадок городищ III—V вв. должны свидетельствовать, по-видимому, о многочисленности коллектива, который использовал эти поселения. Об этом же свидетельствуют сложные многоярусные укрепления, возведение которых было под силу лишь большому коллективу. В то же время культурные слои этих поселений не отличаются насыщенностью и богатством остатков сооружений, что как-то не соответствует ни их размерам, ни капитальной системе укреплений. Объяснить это кратковременностью едва ли возможно — слишком велики были затраты труда на сооружение укреплений. По всей вероятности, городища являлись лишь центрами, где жила только часть коллектива его соорудившего, а остальная часть обитала на неукрепленных селищах, используя городище как убежище для укрытия от нападения.

В связи с этим исключительный интерес представляют названия городищ такого же типа в полемской культуре на р. Чепце. Здесь известно шесть таких городищ, из них пять местным населением называются Кар-ил (Генинг, 1958, № 87, 106, 151, 165). С удмуртского языка эти названия обычно переводятся как город (укрепление) на возвышении, вершине. Но это лишь народная этимология. На Чепце есть еще много других городищ различных эпох, но они никогда не называются Кар-ил. Это название имеют только городища III—V вв. Интересно, что даже когда два городища расположены рядом, как, например, у деревни Варни и Поркар, то именно большое называется Кар-ил, хотя оно и не находится на самой большой возвышенности, что можно было бы ожидать при достоверности народной этимологии.

«Ил» в названии этих городищ имеет значение «племя». Ил или эль — довольно часто встречающийся у тюркских народов термин в значении племя, в том числе и у ближайших соседей удмуртов—западных башкир (Кузеев, 1957, стр. 38).

Таким образом, городища III—V вв. являлись, по всей вероятности, племенными поселениями, или, вернее, племенными центрами. Очевидно, именно поэтому количество таких городищ обычно очень невелико и расположены они на значительном расстоянии друг от друга. В мазунинской культуре всего 7 городищ этого типа (табл. Г).

Появление таких поселений, неизвестных ни до, ни после эпохи III—V вв., может быть объяснено своеобразием исторической обстановки. В III—V вв. происходит массовое переселение отдельных групп населения на новые территории, на что уже неоднократно обращалось внимание (Генинг, 1959, 1961). Оставляя пока вопрос о причинах этого переселения, попытаемся представить себе как оно могло конкретно происходить. В процессе массового передвижения населения, связанного с большими опасностями, частыми столкновениями едва ли в качестве общественно-политической единицы мог выступать каждый отдельный род, тем более что род в хозяйственном отношении распался на отдельные большие семьи. В этом распаде, очевидно, немалую роль сыграло и переселение, ибо в условиях частой смены места жи-

тельства разросшийся родовой коллектив был слишком громоздкой хозяйственной единицей. Это не исключало, однако, того, что члены одного рода часто могли держаться еще вместе. В то же время род был слишком малым коллективом, чтобы играть ведущую роль в тех больших политических событиях, которые проходили в эту эпоху. Такой коллектив не мог организовать ни достаточно сильного сопротивления в случае нападения, ни обеспечить захват новых земель для поселения.

Такой эффективной организацией оказалось племя, объединявшее большие семьи нескольких распавшихся родов. Племя было, очевидно, сравнительно небольшим, состоявшим из потомков 5—10 родов, разделившихся на большие семейные общины. В случаях частых переселений отрыв отдельных семей не оказывал существенного влияния на племенную организацию в целом, особенно на его боеспособность. Племя могло также легко включать в свой состав новые семьи, встречающиеся на его пути. Племя явилось наиболее мобильной и жизнеспособной общественно-политической организацией данной эпохи. Но и здесь проявляется тенденция в замене родственных связей территориальными. Племя возникало из потребностей защиты общей территории, которая могла бы обеспечить прожиточный минимум отдельным большим патриархальным семьям. Племя являлось, прежде всего, организацией политической, предоставившей максимум хозяйственной самостоятельности ее отдельным ячейкам — большим семьям. Родственные связи на данном этапе организации племени отошли на второй план. Именно в этот период, видимо, возникают племена, включающие представителей весьма различных по своему происхождению родов, как это наблюдается, например, в племенной организации башкир (Кузеев, 1954, 1957).

Союзы племен были слишком громоздкими в условиях переселения. Они, безусловно, также возникали, но оставались организациями непрочными, связанными с конкретными кратковременными задачами. И лишь когда отдельные племена более или менее закреплялись на какой-нибудь территории, как это произошло с группой мазунинских племен в Среднем Прикамье, между ними начинают устанавливаться более тесные отношения и возникает известное этническое единство. В силу этих причин в III—V вв. повсюду возникают племенные центры — колоссальные городища с мощной системой укреплений, служившие не только для защиты соплеменников во время нападений, но и закреплявшие за племенем определенную территорию.

Постоянно на таких городищах жил небольшой коллектив. Это могли быть семьи племенных вождей, мастера-ремесленники, обслуживавшие племенную коллектив, а также некоторые другие семьи. На Опутятском городище в Верхнем Прикамье вдоль одной стороны площадки были вскрыты исключительно производственные комплексы — остатки домниц для варки железа, кузниц, литейных мастерских и т. д., в то время как на другой стороне были остатки жилых сооружений (Генинг, 1955, стр. 118).

Основная масса соплеменников обитала в окрестностях больших городищ на открытых селищах, к сожалению, пока совершенно не изу-

ченных. Но судя по тому, что селища этого времени очень бедны материалами, это могли быть поселения отдельных больших патриархальных семей.

Таким нам представляется социальное содержание раннего этапа развития мазунинской культуры.

Для среднего этапа — VI—VIII вв. характерно уменьшение площади городищ и увеличение их количества (табл. Г.) Вероятно, в результате стабилизации положения в расселении отдельных племен, усиления связей между отдельными племенами и возникновения более широких этнических общностей, племя постоянно утрачивает свою обособленность и перестает быть основной общественно-политической единицей. В этих условиях происходит перегруппировка больших семей, входящих в отдельные племена. Дальнейший рост населения приводит к освоению новых земель, иногда весьма удаленных от старых племенных центров. Отдельные группы населения здесь объединяются уже по территориальному принципу и организуют вновь защиту своих земель, сооружая свои территориальные центры — городища типа среднего этапа мазунинской культуры. Вместе с тем рост больших патриархальных семейных общин приводит к обособлению отдельных групп, семей, устанавливаются отношения, характерные для патронимии. Типичный поселок такого типа был вскрыт на Зародятском селище в Верхнем Прикамье. Поселок состоял из 4 больших домов, в каждом из которых жила большая семья, насчитывающая, вероятно, до 20—25 человек. Каждая семья имела уже свое хозяйство, о чем свидетельствуют многочисленные хозяйственные сооружения около каждого дома. Это саран, амбары, кладовочки и т. д. В центре поселка находилось жилище семьи, занимавшейся кузнечным ремеслом. Земля, очевидно, находилась в общем владении всех жителей поселка, но у каждой семьи был приусадебный участок, видимо, в полной собственности. Надо полагать, что и орудия труда также принадлежали отдельным семьям. Отдельные семьи этого поселка могли возникнуть в результате разделения большой семьи, но не исключено, что это разные семьи, поселившиеся на одном месте. Таким образом, патронимия и соседская община теснейшим образом переплетаются и на археологическом материале часто невозможно решить, где патронимия и где первобытная соседская община. Но в том и другом случае достаточно наглядно выступает экономическое обособление отдельных больших семей.

На позднем этапе, в VIII—IX вв., дальнейшая сегментация больших патриархальных семейных общин приводит к появлению небольших семейных общин, включавших всего 6—8 человек взрослых и подростков. Между этими семьями также устанавливаются отношения патронимии. На данном этапе большая патриархальная семья завершает свое развитие и финалом в нем является экономическое обособление парной семьи, включающей лишь супругов с их потомством в первом поколении (Генинг, 1963, стр. 94—103). Парная семья, существовавшая на протяжении тысячелетий лишь как форма организации брачных отношений, перерастает в моногамную семью, становясь основной экономической ячейкой общества. Моногамная семья «была

первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия — именно победа частной собственности над первоначальной, естественно выросшей общей собственностью» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1949, стр. 65.).

Эпохой VIII—IX вв. завершается не только период первобытной соседской общины, но и фактически развитие всего первобытно-общинного строя. Правда, в силу некоторых специфических местных условий в Прикамье чрезвычайно затянулся процесс окончательного оформления классового общества, с его достаточно выраженными антагонистическими классами и соответствующим аппаратом угнетения. Пережитки первобытно-общинных отношений сохраняются здесь еще на протяжении многих столетий. И еще в начале 30-х годов нынешнего века М. О. Косвен смог выявить у удмуртов отдельные черты патронимии. Это были группы «родственных семей, сохраняющих элементы хозяйственной, общественной и идеологической общности. Внешним признаком этой группы является ее общее патронимическое название, образованное из собственного имени ее прародителя с окончанием **пи** или во мн. числе, **пи** — ос (**пи** — «дети, потомство», **ос** — суффикс мн. числа) (Косвен, 1963, стр. 92—93).

Но вернемся к памятникам VIII—IX вв. Городища вновь резко уменьшаются по площади и защищены, как правило, лишь одним валом и рвом. Некоторые городища настолько миниатюрны, площадью всего в 500 кв. м, что трудно даже предполагать, с какой целью они сооружались. И вновь довольно резко возрастает общее количество городищ этого типа (см. табл. Г). Размещение этих городищ главным образом вдоль крупных рек Камы и Белой показывает, что теперь фактически вся речная долина была освоена мазунинскими племенами. По всей вероятности, далеко не все городища этого времени учтены, поскольку в I тыс. н. э. очень часто использовались более древние городища ананьинско-пьяноборского времени, а содержание культурного слоя поздних поселений настолько бедно, что обнаружить его не всегда удается. Мазунинские городища VIII—IX вв. не подвергались раскопкам, но по аналогии с соседними культурами можно предполагать, что они использовались по-разному. На городище Красная Горка, расположенном выше по течению р. Камы от окраин мазунинской территории, была вскрыта значительная площадь, но там не обнаружено никаких следов жилых сооружений и было мало вещевых остатков. Совершенно определено, что городище использовалось исключительно в качестве убежища (Генинг, 1959). На р. Чепце при раскопках городища Каравалес, относящегося по размерам и системе укреплений к тому же типу, что и Красная Горка, были вскрыты остатки большого жилища, хозяйственных и производственных комплексов (Генинг, Стоянов, 1961, стр. 85).

Таким образом, среди городищ VIII—IX вв. могут быть и такие, на которых существовали постоянные поселения. В целом городища позднего этапа отражают дальнейший процесс разделения больших

патриархальных семей и обособления отдельных групп их на новых территориях.

4. Хозяйство. Развитие новых форм общественной организации, которое мы пытались нарисовать здесь, обусловлено определенным уровнем развития производительных сил в эпоху первобытной соседской общины. В ананьинско-пьяноборское время в Прикамье основными отраслями хозяйства были мотыжное земледелие и домашнее скотоводство. Отсутствие достаточно совершенных орудий для обработки почвы и заготовки кормов на зиму заставляли вести хозяйство крупным родовым коллективам (Генинг, 1962, стр. 27).

В эпоху великого переселения народов в Прикамье вливается значительная масса племен западно-сибирского происхождения. Последние исследования в лесостепных районах Западной Сибири показали, что к рубежу н. э. здесь обитали племена с достаточно высокоразвитой техникой земледелия и развитым пастушеским скотоводством. Попав в Прикамье, эти племена принесли с собой свои традиции и хозяйственные навыки. Особенно интенсивно начинает в этот период развиваться скотоводство, по всей вероятности в пастушеской форме, когда использовались обширные и богатые поймы прикамских рек с отгоном скота в летние сезоны на значительные расстояния от мест поселений. Широкое развитие получает коневодство. Впервые в Прикамье появляются орудия для заготовки кормов на зиму — примитивные железные косы и серпы, найденные в большом количестве в памятниках соседних культур (Генинг, 1962 а, рис. 29 — 5, 8; 1963; рис. 6). Появление этих орудий позволило намного увеличить стадо домашнего скота, оставляемого на зимовку, и получать гораздо больший приплод, содержащийся в летние периоды. Использование угодий ближайших окрестностей поселений для сенокосов вызвало освоение более отдаленных местностей, вначале для отгонного содержания скота, а впоследствии туда переселяются отдельные группы населения.

Интенсивное развитие пастушеского скотоводства высвободило часть рабочих рук, которые могли использоваться в земледелии. Под пашни занимались преимущественно легкие лесные почвы. Подготовка почвы под пашню связана с уничтожением лесов и основным орудием для этого становится железный топор, который теперь получает массовое распространение, что также видно по находкам на ряде могильников, у населения, где сохранился обычай класть в могилы орудия труда (Генинг, 1962а, 1963). Вырубленный лес частично использовали в хозяйстве, частично сжигали. Такая форма земледелия получила название подсечно-огневой. При выжигании леса зола удобряла землю. Дальнейшая обработка пашни производилась при помощи деревянной бороны-суковатки. Поэтому в памятниках данного периода и не встречаются в массе орудия, связанные непосредственно с обработкой пашни. При уборке использовались, очевидно, те же косы и серпы, что и при заготовках сена. Для размола зерна употреблялись каменные зернотерки, найденные в массе на мазунинских поселениях.

Но в эпоху III—V вв. появляется и ряд новых орудий, ставших предвестником крупнейших сдвигов в технике земледелия. На городи-

ше Чеганда I в мазунинском слое найдено два каменных жернова. Жернова еще небольшие — диаметром 33—36 см. На городище Ныргында II, относящемся уже к IX—X вв., был обнаружен обломок крупного жернова. Подобный же обломок был обнаружен на поселении азелинской культуры на р. Вятке (Генинг, 1963, рис. 10).

Каменные жернова, как правило, появляются там, где развивается пашенное земледелие, связанное с применением плуга или сохи. Зачатки такого земледелия уже были в это время в Прикамье, что подтверждается находкой крупного железного наральника в погребении кузнеца в Азелинском могильнике на р. Вятке (Генинг, 1963, рис. 47, табл. XXIV—5). Но пашенное земледелие в III—IX вв. находилось еще в зачаточном состоянии и лишь после IX в. получает широкое развитие, с чем и связан, главным образом, переход к новой культуре в хозяйстве.

В III—IX вв. подсечно-огневое и пашенное земледелие постепенно занимает все большее место в хозяйстве прикамских племен, оттесняя скотоводство на второй план.

Решающее значение в совершенствовании техники земледелия, а так же в развитии скотоводства имело прочное освоение массового производства железа. Широкое распространение железа повысило производительность труда во всех областях хозяйства и тем самым позволяло уделять все больше и больше времени для развития такой трудоемкой отрасли как земледелие.

Переход от мотыжного земледелия и домашнего скотоводства к подсечно-огневому земледелию и пастушескому скотоводству позволил значительно сократить основной производящий коллектив, поэтому существовавшие внутри рода патриархальные большие семьи обособляются, самостоятельно ведут свое хозяйство. Большие семейные общины становятся основной производственной ячейкой в эпоху III—IX вв. Постоянное совершенствование техники земледелия создавало условия для существования все меньшего по количеству членов основного производственного коллектива и это привело к дальнейшей сегментации большой семейной общины и в конечном счете к выделению малой моногамной семьи.

Однако, не все процессы обработки земли могли выполняться небольшими коллективами. Если вспашка земли, посев и уборка урожая были под силу небольшой семье, то раскорчевка леса под пашню, выжигание, очистка пашни требовали усилия значительно более крупных коллективов. Именно поэтому широко распространяется обычай патронимии, когда разделившиеся семьи на отдельных этапах производственной деятельности объединяют свои усилия, чтобы получить больший эффект в производстве. Отсюда и сохранение общности на владение землей, поскольку она была подготовлена для обработки трудом всего большого коллектива.

При подсечно-огневой форме земледелия обрабатываемый участок быстро теряет свое плодородие и уже через несколько лет его забрасывают. При такой системе земледелия нужны все новые и новые участки пашни, что и обусловило сохранение патронимии на длительное

время. Зброшенные участки могли быть использованы вновь через 15—20 лет и уже вторичная подготовка их под пашню представляет собой гораздо менее трудоемкий процесс, который может осуществляться и отдельной семьей.

При подсечно-огневой системе земледелия на пашне остаются в большом количестве пни, корни и применять здесь соху и плуг совершенно невозможно. И только тогда, когда земельный участок неоднократно используется под пашни с него постепенно выводят все остатки леса, он может обрабатываться сохой с железным наральником.

На протяжении III—IX вв. происходит постепенная подготовка достаточно обширных участков под пашни, пригодных для обработки сохой. Выделение малой моногамной семьи могло произойти только в условиях широкого развития пашенного земледелия с применением тягловой силы животных и при наличии уже обширных пашен.

Таким образом, эпоха III—IX вв. в жизни мазунинских племен — это время сегментации большой патриархальной семьи, происходящая благодаря интенсивному развитию земледелия. Начинается этот период с экономического обособления большой семьи от рода и заканчивается ее распадом на отдельные моногамные семьи, экономически также самостоятельные. Но на протяжении всего этого периода связи между отдельными семьями сохраняются и строятся на основе обычая патронимии. Наряду с патронимией появляются и поселения типа первобытной соседской общины. На археологическом материале чрезвычайно трудно провести разграничение между патронимией и первобытной соседской общиной. Да в известном смысле патронимия является уже территориальной, соседской общиной. Патронимии как и первобытной соседской общине, присущ дуализм — наряду с сохранением многих черт коллективной собственности здесь интенсивно идет развитие и частной собственности.

III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАЗУНИНСКИХ ПЛЕМЕН

1. Пьяноборская культура в Среднем Прикамье. Территория, где сложилась мазунинская культура, в предшествовавшую эпоху была заселена только на юге — по Каме у устья р. Белой. Здесь в III в. до н. э. возник постоянный союз племен пьяноборской культуры. На Северных окраинах в районе Сарапула—Сайгатки, как и в среднем течении р. Ижа, постоянных поселений не было (Генинг, 1962).

Пьяноборская культура занимала весьма незначительную часть Среднего Прикамья, простиравшуюся вдоль Камы не более чем на 100—120 км и около 60—70 км вдоль нижнего течения р. Белой. Значительное число поселений и могильников находилось на небольших притоках — Ике, Сюне, Березовке, Кырыкмесе и других речках, впадающих в Каму или Белую в районе основного пьяноборского расселения (Генинг, 1962, рис.1). За пределами этой территории памятники пьяноборского типа не обнаружены, несмотря на неоднократные поиски, проведенные различными исследователями.

В свое время этот факт дал возможность выдвинуть положение об узколокальном характере пьяноборской культуры, тем более, что пья-

ноборский вещевой комплекс достаточно своеобразен и не повторяется в соседних прикамских районах (Генинг, 1958, 1959, 1961, 1962). Против подобной трактовки пьяноборской культуры выступил А. П. Смирнов (1961, стр. 95—103, 1964), пытавшийся доказать, что памятники этой культуры имеются в низовьях Камы и на р. Вятке. Абсолютная несостоятельность фактов и рассуждений А. П. Смирнова, основанных на ошибочных положениях, уже была показана в одной из наших публикаций (Генинг, 1962, стр. 48—50). Надо заметить, что А. П. Смирнов лишь в последних работах упорно пытается доказать этнокультурное единство всего Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ранее, разбирая еще незначительные материалы послеананьинского времени, он считал, что пока «трудно разделить пьяноборскую культуру на ряд локальных вариантов, но нужно думать, что при дальнейшем накоплении материала, когда будут получены новые данные об обряде погребения и типичных украшениях, по-видимому, эта культура на территории Башкирии будет выделена в особый вариант» (Смирнов, 1957, стр. 36). Именно в этом направлении и велись исследования в последние годы, что и привело к четкому выделению ряда локальных культур. И, видимо, лишь нежелание считаться с новыми материалами заставляет А. П. Смирнова отстаивать старую концепцию, являющуюся уже пройденным этапом в развитии археологии Прикамья.

В защиту позиций А. П. Смирнова выступил при рассмотрении памятников на территории Башкирии Н. А. Мажитов, по мнению которого пьяноборская культура «охватывала всю Северную и Центральную Башкирию», а также Нижнее и Верхнее Прикамье (1963, стр. 10). Оставляя в стороне утверждение о Нижнем и Верхнем Прикамье, поскольку оно голословно и бездоказательно, обратимся к территории Башкирии. На какие материалы опирается в своем утверждении Н. А. Мажитов? В Центральной Башкирии в районе устья р. Белой известно несколько могильников и поселений, послеананьинского времени. Памятники эти исследованы еще очень плохо, но имеющийся материал все же несколько отличен от пьяноборского.

Н. А. Мажитов, стремясь получить новые материалы пьяноборского времени с территории Башкирии, обратился не к этой группе памятников, а раскопал могильник у с. Камышлы-Тамак на р. Сюнь в Бакалинском районе северо-западной Башкирии. Опираясь на эти материалы и совершенно не анализируя памятники Центральной Башкирии, он пишет: «сходство в материальной культуре и погребальных обрядах между пьяноборскими могильниками **Башкирии и Среднего Прикамья** (подчеркнуто нами — В. Г.) настолько очевидно, что в настоящее время трудно даже выявить их отличительные особенности» (1963, стр. 9). Н. А. Мажитов противопоставляет, вернее, объединяет как будто бы два района — Башкирию (в целом) и Среднее Прикамье. В этом положении кроется корень ошибки и всей концепции, причем ошибки элементарной, связанной с пренебрежением к основному правилу сравнения — использованию однозначных, сравнимых понятий. Башкирия — понятие административное, Среднее Прикамье — условное, физико-географическое. Северная Башкирия занимает часть территории Сред-

него Прикамья, так же как Среднее Прикамье распространяется на территорию Северной Башкирии. Н. А. Мажитов взял памятники пьяноборского времени, находящиеся в настоящее время в пределах административных границ Башкирской АССР в том числе и памятники из Среднего Прикамья, и сконструировал из них единую группу пьяноборских памятников Башкирии, противопоставив пьяноборским памятникам Среднего Прикамья. Для характеристики памятников Башкирии им использован Камышлы-Тамакский могильник, находящийся на территории Башкирии, но в пределах Среднего Прикамья на р. Сюнь вблизи устья р. Белой, где уже и ранее было известно немало пьяноборских памятников (Генинг, 1962, рис. 1, № 81—90). Поэтому вывод о том, что Камышлы-Тамакский могильник находит полные аналогии в четырех стадиях пьяноборских могильников Среднего Прикамья (Мажитов, 1963, стр. 9), только лишний раз подтверждает правильность предложенной нами классификации пьяноборских комплексов (Генинг, 1962) и, отнюдь, не позволяет расширять территорию пьяноборской культуры на все Прикамье, в том числе и на Башкирию, как это делает Н. А. Мажитов.

Ставя вопрос о памятниках послеананьинского времени на территории Башкирии и пытаясь опровергнуть положение об узколокальном характере территории пьяноборской культуры, выдвинутое нами, Н. А. Мажитов должен был, прежде всего, картографировать памятники о которых идет речь и затем показать своеобразие или, как он полагает, полное сходство этих памятников с памятниками других районов, в том числе и пьяноборскими. Поскольку это основное требование, которое может изменить представление о пьяноборской культуре, не выполнено, все исторические построения Н. А. Мажитова, весьма благосклонно и некритически встреченные А. П. Смирновым, остаются бездоказательными ошибочными, так как основаны на методически неверных предположениях.

Последние работы на р. Белой в районах соседних с пьяноборскими, проведенные А. Пшеничнюком на могильниках у сс. Биктемирово и Охлебинино, показали, что памятники послеананьинского времени среднего течения Белой (Центральная Башкирия) резко отличаются от пьяноборских, и дело сейчас только за полной публикацией этих материалов (Пшеничнюк, 1964).

Пьяноборская культура принадлежала группе племен, занимавших небольшую по территории район на юго-западе Среднего Прикамья у устья р. Белой. Это был союз родственных племен, сложившийся в III в. до н. э. на базе родо-племенных групп ананьинской культурной общности в ее нижнекамском варианте (Генинг, 1962).

2. Возникновение мазунинской культуры. В начале III в. н. э., как уже неоднократно отмечалось (Генинг, 1959, 1961 б), Прикамье захлестнула новая этническая волна, сдвинутая сюда в результате столкновений западно-сибирских племен с кочевниками гуннской конфедерации накануне вторжения гуннов в Европу. В результате перегруппировки местных и пришлых племен в Прикамье возник ряд новых этни-

ческих объединений, в том числе и объединение, известное по памятникам мазунинского типа (Генинг, 1959, 1961б).

Как конкретно развивались события на территории, где сложилась мазунинская культура?

На рубеже II—III вв. в Среднем Прикамье рядом с Пьяноборским союзом племен появилась группа пришлого населения. Взаимоотношения пришельцев и местного населения вначале были, вероятно, мирными. На пьяноборском могильнике Чеганда II в погребении 217, относящемся к самому позднему периоду использования могильника — II—III вв., обнаружена височная подвеска в виде проволочного кольца и стержня с напускной бусиной (Генинг, 1962, рис. 7—83). Подобные подвески не характерны для пьяноборских комплексов и близки подвескам мазунинского типа (табл. I—7—9). В позднепьяноборском могильнике Нырғында I в погребении № 9 из раскопок А. А. Спицына находились височные подвески с напускными бусами, поясной набор с медными накладками и бляхой-раковиной (Спицын, 1933, табл. IX—17, 20, 24; X—11) совершенно мазунинского типа.

Эти, пока еще немногочисленные материалы свидетельствуют о первоначальных мирных отношениях пришлого и местного населения. Но, очевидно, довольно скоро, освоившись в новых районах и, может, быть, получив новое подкрепление с юга, пришельцы обрушились на Пьяноборский союз и разгромили его, заставив основную массу населения отступить на запад. Следы этого погрома хорошо видны на городище Чеганда I, где пьяноборские комплексы отделены от мазунинских слоем пожара.

В III в. н. э. прекращается использование всех пьяноборских могильников и на бывшей пьяноборской территории отсутствуют украшения III—V вв., которые восходили бы к пьяноборским прототипам.

Дальнейшее развитие пьяноборские типы вещей находят в памятниках азелинской культуры Волго-Вятского междуречья. Здесь найдены все поздние типы эполетообразных застёжек, в массе встречаются застёжки-сьюлгамы; височные подвески с конической трубицей, лапчатые подвески, сферические бляшки, крупные нагрудные бляхи и многие другие украшения, а также керамика, которые бесспорно генетически связаны с пьяноборскими прототипами (Генинг, 1962, рис. 7—106—125; 1963, табл. I—XXIV). Кроме того, на территории азелинской культуры в ряде памятников обнаружены и типично позднепьяноборские вещи, в том числе позднепьяноборские (ахтальские) типы эполетообразных застёжек, трапецевидные подвески, нагрудные бляхи и другие единичные экземпляры украшений (Генинг, 1963, стр. 18, рис. 69; Спицын, 1901, табл. III—4; V—6, 10).

Достаточно много преемственных черт обнаруживается и в погребальном обряде. В азелинских погребениях, как и в пьяноборских, украшения костюма всегда лежат при костяке в том положении как они носились при жизни. Лишь шейные гривны часто помещались на груди или сбоку. В могилах нет глиняных сосудов.

Генетическая связь пьяноборской и азелинской культур настолько очевидна, что не вызывает никаких сомнений. Азелинская культура

принадлежит той части пьяноборского населения, которой удалось бежать на запад, спасаясь от разгрома со стороны пришлых племен.

На пьяноборской территории найдено несколько крупных кладов, содержащих почти одни только украшения, причем исключительно позднепьяноборского облика. Размеры этих кладов колоссальны. В Трошковском кладе были 641 предмет. А. А. Спицын писал, что он содержал до 30 фунтов медных украшений (1933, стр. 30). Не меньше по своим размерам и другие клады: Исенбаевский, Каменный Ключ, Коростинский, I и II Чегандинские, Каракулинский (Генинг, 1958). Все клады, судя по массовости изделий и их однотипности, принадлежали мастерам-литейщикам. Вещи Каракулинского клада не были даже подвергнуты обработке после извлечения из литейных форм.

Частые находки хронологически одновременных кладов мастеров-литейщиков не может быть случайным явлением и этот факт находит свое объяснение в тех событиях, которые разыгрались здесь в последние годы жизни пьяноборских племен. Спасаясь от разгрома, вместе с другими бежали и мастера-литейщики, унося с собой лишь инструмент, а готовую продукцию, чтобы сберечь от врага, прятали в землю с надеждой сохранить все до возвращения. Но этим надеждам не суждено было сбыться! Пришельцы прочно закрепились на вновь завоеванных землях, захватив при этом и часть местного населения. Пройдя тысячекилометровый путь от Западной Сибири до р. Белой, пришельцы также были значительно ослаблены. Особенно много в этих странствиях погибло, видимо, женщин и детей. Поэтому боевые отряды, обрушившиеся на пьяноборское население, стремились овладеть не только территорией, но и захватить больше пленных, в первую очередь женщин. Судя по тому, как в дальнейшем сложилась культура на этой территории, пришельцам это удалось — значительная часть пьяноборского женского населения была включена в состав возникшего здесь объединения племен мазунинской культуры.

Можно попытаться даже проследить какие черты мазунинской культуры отражают традиции местных и пришлых групп населения

Весь металл и, в первую очередь, украшения — безусловно наследие не камского населения. Застежки-фибулы с бабочковидным щитком, височные подвески с напускной бусиной, браслеты из железных пластин, бляшки с умбоном, единичные экземпляры пронизок и подвесок, ножны отделанные медными накладками, поясные наборы с бляхами-раковинами и петлевидными застежками — все это вещи, не имеющие своих прототипов ни в пьяноборской, ни в какой-либо иной камской культуре.

Вещи пьяноборских типов встречаются в мазунинских памятниках лишь в единичных экземплярах—это обломки лапчатой подвески (Генинг, Мырсина, 1966, табл. III—2), застежки-сюльгамы, нагрудная бляха, эполетообразная застежка (Семенов, 1966, рис. 1—8), костяные втульчатые наконечники стрел (Стоянов, 1962, рис. 53—4—5).

Подобное соотношение могло сложиться, по-видимому, в результате того, что основные ремесла находились в руках мастеров из числа пришлого населения, которые и изготавливали вещи по своим образцам.

Но совершенно иную картину дает керамика мазунинских поселений. В массе здесь распространены сосуды, которые как по форме, так и орнаментации восходят к пьяноборским. Это традиционные для Прикамья чаши с округлым дном, слабо отогнутой шейкой, украшенной изредка пояском из одного ряда ямок (табл. III—1—6).

В отличие от пьяноборских сосудов у мазунинских глиняное тесто содержит больше примесей песка и изредка очень мелко точленые раковины, цвет сосудов не темно-серый, как у пьяноборских, а кирпично-красный или серовато-оранжевый. Эта керамика встречается на всех мазунинских поселениях, но наряду с ней в южных районах нередки и иные типы, аналогичные керамике соседних культур (см. ниже).

Смешение традиций различных по происхождению групп населения отразилось и в погребальном обряде. Господствующее место занимает обряд пришельцев, при котором в могилу вместе с умершими помещали лишь железный нож, висевший сбоку на бедре, кожаный поясной набор укладывался развернуто поверх умершего, а рядом с ним ставилась берестяная коробочка с украшениями (жертвенный комплекс). Местная пьяноборская традиция обнаруживается лишь в немногочисленной III группе погребений (см. 2, 5 табл. В), где височные подвески лежат у головы, гривны и шумящие подвески — на груди, браслеты — на руках. Местные традиции больше проявляются в памятниках на окраине мазунинской территории (Сайгатский могильник).

Значительный интерес представляют и первые две группы мазунинских погребений, в которых часто встречаются бабочковидные фибулы (см. 1, 2, 5). Устойчивость формы и находки их в массе почти во всех мазунинских могильниках, придает этим вещам особое значение. Бабочковидная фибула является тотемным знаком какой-то большой родоплеменной группы мазунинской культуры. В подтверждение этого можно привести интересную этнографическую параллель. Среди древнего населения Башкирии существовал род Кубеляк, что в переводе с тюркского — бабочка. Кубеляцкий род «по Яику и Меньдику» отмечают документы начала XVIII в. (Руденко, 1955, стр. 51). По новейшим исследованиям территория этого рода находилась в верховьях р. Урала (Кузеев, 1957, карта на стр. 53). Кубалак, как сын Иштыка, упоминается в таблице из обширной генеалогии башкирских племен (Кузеев, 1960, стр. 174). Тамга рода Кубеляк представляет собой фигуру, близкую по начертанию к букве «Ф» (Соколов, 1904, таблица Башкирских тамг, XXV—30, 31 и см. опечатки), что бесспорно аналогично схеме бабочковидных фибул (рис. 3).

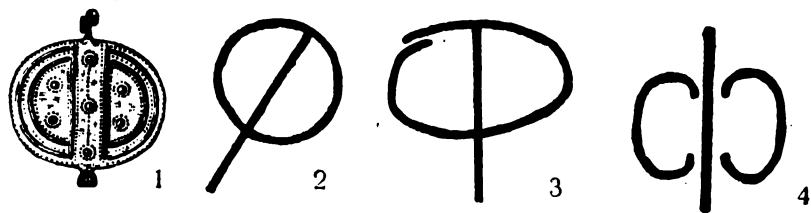

Рис. 3. Бабочковидная фибула из Ижевского могильника (1) и тамги (2—4) башкир Кубеляк-Телевской волости (по Д. Н. Соколову, 1904, XXV·20, 30, 31).

Эта параллель подтверждает высказанное предположение, что бабочковидные фибулы являлись тотемным знаком и позволяют восстановить одно из родовых или племенных имен мазунинской культуры.

В могилах бабочковидные фибулы находятся также своеобразно. На груди, в том положении как они носились при жизни, фибулы встречаются только в мужских погребениях. В женских они всегда обнаруживаются в жертвенных комплексах (см. табл. В). Своеобразие состава жертвенных комплексов в мужских и женских погребениях уже отмечалось выше (1, 2, 5). В мужских могилах они содержат исключительно височные подвески, бусы и браслеты — бесспорно женские украшения, которые в могилы мужчин могли попасть только в силу какого-то особого обряда, когда при захоронении мужчины, может быть мужа, его жена или ближайшая родственница, ставила ему в могилу берестяную коробочку со своими личными украшениями. Но, судя по остаткам в погребениях, этот обычай был взаимным — при захоронении женщины мужчина также помещал в могилу погребальную жертвенную коробочку со своими личными вещами — фибулой, ножом, шилом и др. Сюда же складывались и украшения умершей женщины. Подобный обряд, может быть, должен был обеспечить встречу супругов в загробном мире. Если наша реконструкция погребального обряда правильна, то бабочковидные фибулы из женских погребений также принадлежат мужчинам.

Бабочковидная фибула — вещь совершенно новая в Среднем Прикамье и должна быть отнесена к числу предметов, связанных с пришлыми родовыми группами, откуда, очевидно, и происходило большинство мужчин мазунинского объединения.

Родовая группа Кубеляк, судя по тюркскому имени, должна быть по происхождению тюркской. Но это не значит, что в период мазунинской культуры она была тюркоязычной. В упомянутой выше генеалогии Кубеляк выступает как сын Иштяка, а этим именем тюрки обычно называли сибирские угорские племена.

Местное, в большинстве женское, население мазунинской культуры состояло из потомков пьяноборско-ананьинских племен, которые, по мнению большинства исследователей, принадлежали к финно-угорским и даже пермским языковым группам.

Какой был результат скрещивания этих различных по языку групп населения и какой язык сохранился у мазунинского — остается недостаточно ясным.

Антропологические материалы из мазунинских могильников дают в основном физический тип, мало отличный от предшествовавшего пьяноборского, хотя совершенно определенно констатируется некоторый сдвиг в направлении монголоидности у населения, в общем, европеоидного типа (Акимов, 1961, стр. 123; 1961а, стр. 308). Но различия между пьяноборским и мазунинским антропологическими типами все же не могут быть сопоставлены с тем резким контрастом, который дают археологические материалы. Такое несоответствие, может быть, объясняется тем, что пришлые сибирские племена по своему физическому облику

отличались от прикамских. Здесь вполне уместно вспомнить, что в формировании нижекамского населения ананьинской культуры немалую роль сыграли сибирские племена, и это могло сnivelировать физический тип прикамского и сибирского населения к началу средневековья.

Дальнейшее накопление антропологических материалов как из Прикамья, так и, особенно, из Сибири внесут ясность в эту проблему. В настоящее же время антропологическим данным в силу крайней малочисленности материалов, на которых они основаны, нельзя придавать решающего значения. Археологические материалы рисуют нам картину истории среднекамского населения в начале эпохи средневековья гораздо более полно и многосторонне.

Мазунинскую культуру в Среднем Прикамье следует рассматривать как синтез культуры местных пьяноборских и пришлых групп населения, причем синтез весьма своеобразный.

Некоторые археологи не отличают памятники мазунинского типа от бахмутинских и объединяют в одну археологическую культуру—бахмутинскую, которая, по их мнению, сформировалась целиком на местной пьяноборской основе (Смирнов, 1957; Ахмеров, 1952; Мажитов, 1963, 1964), так Н. А. Мажитов считает, что преемственность в развитии пьяноборской и бахмутинской (включая мазунинскую) культур может быть доказана на основании сходства таких черт в культуре, как «грунтовой характер могильников, форма и глубина могил, положение костяков; височные подвески бахмутинского типа, многочисленные нагрудные украшения, состав ожерелий, поясные ремни, сплошь украшенные металлическими накладками, форма и орнамент керамики» (Мажитов, 1963, стр. 10). Не трудно заметить, что Н. А. Мажитов использует такие сходства в погребальном обряде, которые характеризуют отнюдь не узкий круг только этих двух культур, а чрезвычайно часто встречаются в большинстве памятников не только Прикамья, но и многих других областей (грунтовые захоронения, неглубокие могилы прямоугольной формы, положение костяков вытянуто на спине). Ни в одном случае не отмечены какие-либо черты, специфичные только для сравниваемых комплексов, или хотя бы какой-либо ограниченной области. Лишь при наличии сходства в ряде специфичных черт может быть правомерным использование и ряда признаков общих для многих культур или районов, которые, однако, будут лишь дополнять систему доказательств, показывая, что и в них можно видеть преемственность. А отдельно взятые такие общие черты культуры не позволяют не только решить, но и поставить проблему.

То же самое относится и к сравниваемым вещам, где Н. А. Мажитов анализ и сравнение форм вещей подменяет способом их употребления в костюме. А в отдельных случаях сравнения не выдерживают никакой критики. Так по мнению этого автора «Мазунинские фибулы по форме щитка, орнаменту близко стоят к поздним типам пьяноборских эполетообразных застежек..., что может говорить о генетической связи.» (Мажитов, 1964, стр. 103).

Не отличаются убедительностью и аргументы А. П. Смирнова, которые сводятся к тому, что бахмутинский комплекс «составлен местными

племенами, что отлично видно по обряду погребения, по керамике и некоторым украшениям, восходящим в своей основе к более ранним этапам истории края, к ананьинской (караабызской) и пьяноборской культурам» (Смирнов, 1957, стр. 54). Обряд погребения опять-таки сводится только к грунтовому характеру могильников и положению костяков вытянуто на спине, поскольку в остальном (глубина могил в среднем 1,35 м, наличие в могилах керамики и др.) сходство не прослеживается. Среди «некоторых украшений», восходящих, по мнению А. П. Смирнова, к более ранним местным типам, указаны конкретно коньковые подвески, часто встречающиеся в бахмутинских памятниках и «еще две находки — полуовальная шумящая привеска с ажурной поверхностью и кольцами для привешивания цепочек с колокольчиками и вторая — также шумящая, представляющая один из вариантов коньковой привески» (Смирнов, 1957, стр. 54). Не говоря уже о том, насколько подобные единичные вещи могут свидетельствовать о преемственности в развитии целевых культур, следует отметить, что прикамские комплексы, предшествующие бахмутинским не содержат ни коньковых, ни шумящих подвесок, которые появляются только в культурах начала раннего средневековья с III в. н. э.

Наконец, последний аргумент обоих авторов — керамика. Если обратиться к собственно бахмутинской керамике, которая представлена в абсолютном большинстве высокими круглодонными сосудами из глины с примесями песка и мелких речных галек, с поверхностью сплошь покрытой беспорядочными ямочными наколами (Мажитов, 1959, рис. 4; Генинг, 1964, рис. 2), то ничего общего, кроме круглодонности, с пьяноборскими сосудами не обнаружим, поскольку последние имеют в качестве примесей всегда толченые раковины, в форме преобладают низкие чаши, орнаментированные изредка по шейке пояском ямок круглой, треугольной или продолговатой формы (Генинг, 1962, рис. 10). Поясок ямок вокруг шейки пьяноборских сосудов, конечно, нельзя сопоставлять с бахмутинскими ямками, покрывающими беспорядочно всю поверхность сосудов. Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют достаточно хорошо проследить как происхождение пьяноборской орнаментации из ананьинской (Генинг, Стоянов, 1961, рис. 7), так и ее дельнейшее развитие в азелинской культуре (Генинг, 1958, рис. 38). Бахмутинский прием нанесения ямок на поверхность имеет совершенно другие западно-сибирские истоки (см. III, 4).

Процесс сложения мазунинской, как и бахмутинской культуры проходил гораздо сложнее, чем это представляется А. П. Смирнову и Н. А. Мажитову, и решающее значение в их формировании сыграли не местные, а пришлые племена.

3. Этнокультурная самостоятельность мазунинских племен. В заключение нашего обзора памятников мазунинского типа необходимо остановиться на вопросе насколько эти памятники отражают какой-либо самостоятельный этап в развитии древнего населения Среднего Прикамья и в какой мере они дают представление об этническом своеобразии населения, оставившего их, в отличие от соседних племен,

то есть, насколько вообще правомерно выделение мазунинской археологической культуры?

Памятники мазунинского типа локализируются в юго-западных районах Среднего Прикамья, занимая территорию по Каме от устья р. Сивы до устья р. Ижа и самое нижнее течение р. Белой до устья Быстрого Таныпа. Восточные и западные границы распространения мазунинских памятников еще недостаточно ясны. Территория мазунинской культуры составляла около полутора тысяч кв. км, это приблизительно равно четверти территории современной Удмуртии.

Выше было показано, что эпоха мазунинской культуры это период, когда на смену родовому коллективу приходит первобытная соседская община, экономической основой которой является подсечно-огневое земледелие и пастушеское скотоводство. С точки зрения социально-экономического развития выделение мазунинской культуры вполне оправдано.

Этническое своеобразие какой-либо группы древнего населения характеризуют обычно такие черты материальной культуры, вскрываемые археологическими исследованиями, которые не находятся в прямой связи с развитием хозяйства и общественных отношений, ибо эти стороны развиваются более или менее равномерно внутри больших физико-географических зон и это нивелирует многие стороны культуры (орудия труда, оружие, типы поселений и пр.).

Особое значение в этнической характеристике имеет погребальный обряд, который для мазунинских могильников сводится к следующему:

- грунтовые неглубокие (средняя глубина 48,5 см) могильные ямы прямоугольной формы;

- деревянный гроб (ящик или колода) или каменный ящик;

- положение костяка вытянуто на спине;

- преобладание северо-восточной и северо-западной ориентации;

- отсутствие на костяке украшений;

- железные ножи у бедер большинства захороненных и почти полное отсутствие прочих орудий труда и оружия.

- поясной ремень уложен вдоль умершего;

- фибулы-застежки на груди мужских костяков;

- берестяные коробочки с жертвенными комплексами рядом с умершим;

- состав жертвенных комплексов мужских захоронений: височные подвески, ожерелья, браслеты;

- состав жертвенных комплексов женских захоронений: височные подвески, фибулы, ожерелья, пряжки, мелкие орудия (ножи, шилья).

Вещевой комплекс мазунинской культуры вообще не представляет большого разнообразия и содержит немало вещей, характерных для широкого круга памятников I тыс. н. э. Но только в памятниках мазунинского типа встречаются:

- бабочковидные фибулы;

- височные проволочные подвески в виде кольца и отвеса с книту стержня с бусиной;

- поясные застёжки в виде крючка и петли у женских ремней;

бляхи-накладки из раковин к поясным наборам;
умбоновидные бляшки;

молоточковидные подвески-пронизки;

поясные накладки прямоугольной формы с насечками и выемками и сердцевидной формы;

круглодонные сосуды из глины с примесями песка и изредка мелкоотлеченных раковин, орнаментированные очень редко пояском ямок по шейке и насечками по венчику.

Для мазунинской культуры характерны жилища наземного типа.

Таков кратко тот комплекс специфичных черт, характеризующих мазунинскую культуру, который следует сравнивать с соседними областями, чтобы проследить этнокультурную самостоятельность мазунинских племен.

На севере мазунинская территория граничила с районом распространения полумской культуры среднего и верхнего течения р. Чепцы. Различия между полумскими и мазунинскими памятниками прослеживаются достаточно хорошо. Полумские сосуды всегда имеют в качестве примесей толченые раковины, орнаментированы гребенчатыми, решетчатыми и резными узорами. Набор украшений также совсем иной. В погребальном обряде прочно сохраняются древнекамские традиции, когда в могилу помещается много оружия и орудий труда, а умершие одеваются в лучший костюм с многочисленными украшениями (Генинг, 1958, стр. 92—97; 1959; 1963а).

На востоке, выше по течению Камы от устья р. Сивы, в основном в бассейне р. Тулвы, находилась область распространения памятников, отличающихся от мазунинских прежде всего орнаментацией глиняной посуды гребенчатым штампом, а также наличием очень своеобразной, характерной для верхнекамских памятников, закрытой формой круглодонных сосудов с очень короткой шейкой. Памятники этого района изучены еще слабо. Небольшие раскопки проведены только на Больше-Никольском I городище (Оборин, 1961) и нескольких других памятниках, поэтому разграничивать здесь памятники мазунинской и тулвинской группы пока трудно.

На западе, ниже устья Ижа, начинается территория памятников тураевско-котловского типа. В поселениях южных районов преобладают плоскодонные горшковидные сосуды почти без орнамента из глины с примесями песка и дресвы. А в северных памятниках больше, видимо, круглодонной керамики, близкой к мазунинской (Генинг, 1962а).

Вверх по реке Белой левобережье исследовано еще слабо. Раскопкам подвергались лишь селище и могильник у с. Кушнарenkова (Генинг, 1964) и ряд селищ в окрестностях г. Уфы (Матюшин, 1962). Памятники этого района содержат грубую плоскодонную керамику с примесями большого количества дресвы и шамота в глине. Кроме того, здесь часты сосуды из хорошо отмученной глины с тонким ажурным орнаментом (кушнарenkовский тип, Генинг, 1964, рис. 3). Погребения совершены в ямах сложной конструкции с нишами в изголовье и ступеньками-заплечиками у дна (Генинг, 1964).

На юго-восток от мазунинской территории в междуречье рр. Уфы и Белой, включая бассейн р. Быстрый Танып, находилась область распространения бахмутинской культуры, памятники которой выявлены А. В. Шмидтом (1929). Керамика бахмутинского типа представлена в основном круглодонными сосудами из глины с примесями мелкой гальки и песка и орнаментированные по всей поверхности ямочными наколами. Погребения — грунтовые с множеством украшений, орудий труда и оружия, а также глиняными сосудами. Жилища представляют собой полуземлянки небольшого размера. Судя по всем этим данным, бахмутинские памятники также достаточно хорошо отличаются от мазунинских, хотя отдельные сходные черты здесь и обнаруживаются. Исследовавший в последние годы ряд новых бахмутинских памятников Н. А. Мажитов, выступил в печати с утверждением, что средне-камские памятники мазунинского типа нельзя выделить в самостоятельную археологическую культуру, а следует объединить с бахмутинскими (Мажитов, 1962, стр. 161; 1963, стр. 6). К этому мнению присоединился и А. П. Смирнов (1964, стр. 241).

Остановимся несколько подробнее на сравнении культуры бахмутинского и мазунинского районов. Для краткости сопоставим характерные особенности бахмутинской (по Н. А. Мажитову) и мазунинской культур.

Бахмутинская культура по Н. А. Мажитову	Мазунинская культура
«... грунтовые могильники с труположением	есть
Нахождение в погребениях, главным образом в мужских, женских украшений, которые лежат в берестяных коробках или в кучке сбоку костяка (жертвенные комплексы);	есть в мужских и женских
Редкое нахождение в могилах глиняной посуды;	нет
Металлические височные подвески в виде знака вопроса с сомкнутым кругом и напущенной бусиной;	есть
Рубленные бусины и круглые подвески из белой раковины;	нет
Нагрудные подвески в виде скульптурных изображений медведя	нет
Поясные ремни со свисающими на бедра длинными подвесками, сплошь украшенные металлическими накладками	нет
Железные проушны топоры с вертикальными длинными прорезями по щекам». (1963, стр. 4, 5).	нет

Из таблицы следует, что из восьми специфических черт бахмутинской культуры в мазунинской обнаруживаются только три, но и они не идентичны. Так, в мазунинских могильниках встречаются каменные ящики, чего нет в бахмутинских. Жертвенные комплексы в мазунинских могильниках в равной мере характерны для мужских и женских захоронений, в то время как в бахмутинских они типичны для мужских. Височные подвески бахмутинского типа по форме сходны с мазунинскими, но гораздо массивнее и всегда обернуты медной полосой, а у мазунинских встречаются и из гладкой и из перекрученной проволоки.

В бахмутинских погребениях часты находки оружия и орудий

труда, что Н. А. Мажитовым не отмечается, а в мазунинских эти вещи встречаются как исключение.

Кроме того, мазунинский погребальный обряд и вещевой комплекс имеет еще целый ряд специфических особенностей (см. выше), которые чужды бахмутинским памятникам.

Особо следует сравнивать керамику, ибо Н. А. Мажитов пишет: «мазунинская керамика, как и бахмутинская, представлена круглодонными сосудами с ямочными наколами по тулову» (1963, стр. 6), что совершенно не соответствует действительности.

На некоторых поселениях мазунинской культуры обнаружена керамика, не характерная для основного мазунинского типа, но эта керамика находит себе прекрасные аналогии в соседних районах. Это керамика тураевского, кушнаренковского и бахмутинского типов. Однако, из 88 пунктов, где открыты мазунинские поселения, керамика, чуждая мазунинской, найдена только на 15 (табл. Ж), причем нигде она не составляет абсолютного большинства, а всегда примешена, правда иногда в значительном количестве, к основному мазунинскому комплексу. Картографирование находок разных типов керамики (рис. 4) показывает, что чаще всего инородная керамика встречается на нижнебельских памятниках и всего в трех пунктах по правобережью Камы (городища Чеганда I, II и Верхнемалиновское).

Таблица Ж

№ по карте рис. 1	Памятник	Тип керамики		
		Бахмутинский	Кушнаренковский	Тураевский
2	Верхне-Малиновское городище	+		+
12	Городище Чеганда I	+	+	+
13	Городище Чеганда II	+	—	—
25	Селище Такталачук	—	+	—
26	Селище Ирмяш	+	—	—
30	Толномосовское селище	+	+	—
49	Селище Бакча-Тау	—	—	—
50	Городище Тра-Тау	+	—	+
47	Городище Бурнюш	+	—	—
46	Селище Бурнюш	+	—	—
48	Селище Какры-Куль	+	—	—
34	Городище Петер-Тау	+	+	—
42	Ново-Медведевское селище II	—	+	—
43	Андреевское городище	+	—	—
40	Турачинское селище	—	+	—

Топография этих находок прекрасно иллюстрирует взаимоотношения мазунинских племен со своими соседями. Наиболее интенсивные связи устанавливаются с бахмутинскими племенами, а отдельные группы этого населения, вероятно, даже жили на мазунинской территории.

Большинство поселений с находками инородной керамики относятся к раннему и среднему периодам существования мазунинской культуры. Это позволяет предположить, что пестрота в керамическом мате-

риале отражает сильное смешение отдельных групп населения в период формирования мазунинской культуры на раннем этапе ее развития. Но эта пестрота была довольно быстро сnivelирована в процессе сложения культуры и на поздних памятниках повсюду керамика однообразна, причем керамика мазунинского, а не бахмутинского типа. Инокультурные элементы оказали большое влияние на развитие культуры только южных, главным образом, бельских, групп мазунинского населения. За пределами южных районов, судя по однообразию керамики, это влияние было весьма незначительным.

Из всего приведенного совершенно ясно, что нет никаких оснований относить памятники мазунинского типа к бахмутинской культуре, как это делают Н. А. Мажитов и А. П. Смирнов.

Памятники мазунинского типа достаточно своеобразны и отличаются от памятников соседних районов, что позволяет выделить их в самостоятельную археологическую культуру.

4. Происхождение пришлых групп мазунинского населения. В мазунинской культуре хорошо прослеживается два слагающих компонента, один из которых бесспорно связан в своем происхождении с местными племенами пвяноборской культуры. Второй компонент — пришлый, поскольку те черты культуры, которые его определяют, не обнаруживают аналогии или хотя бы какого-либо сходства не только в Прикамье, но и на Урале в целом. Решить в настоящее время из какого

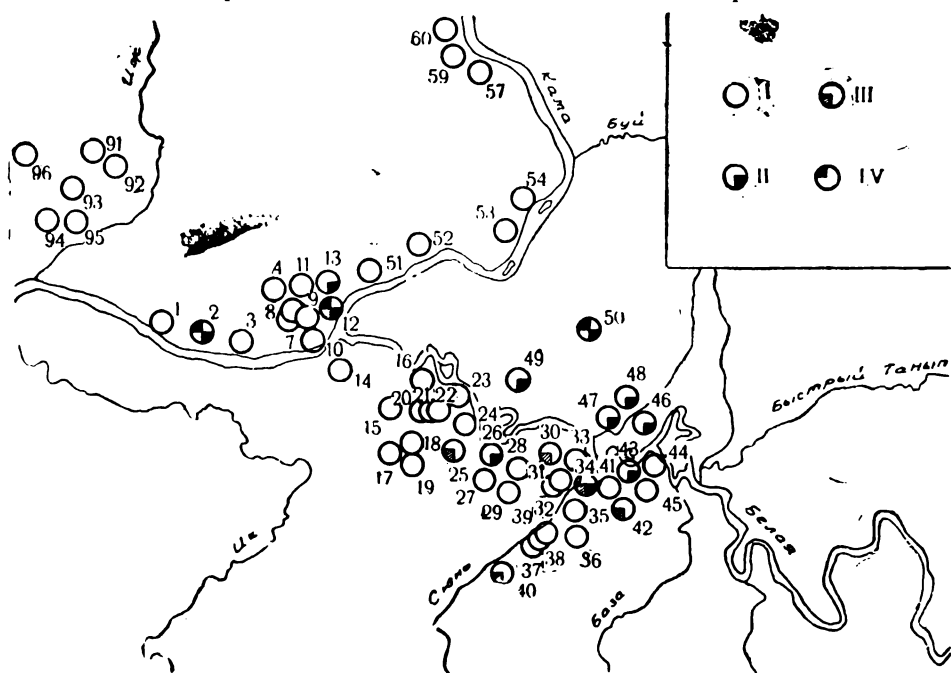

Рис. 4. Карта находок керамики на поселениях мазунинской культуры. Типы керамики: I—мазунинский, II—бахмутинский, III—кушнаренковский, IV—тураевский.

конкретно района или районов пришли на Среднюю Каму племена, вошедшие в мазунинское объединение, весьма затруднительно в силу ряда причин. Мазунинская культура формируется на рубеже двух важнейших этапов развития первобытно-общинного строя в период перехода от родового общества к первобытной соседской общине. Этот переломный период внес большие изменения не только в развитие социально-экономической организации, но и всего облика культуры и быта древнего населения. В таких условиях проследить генетическую связь между последовательными комплексами, особенно если они происходят из весьма удаленных друг от друга территорий чрезвычайно трудно. Кроме того, далеко не все районы нашей обширной страны достаточно хорошо обследованы в археологическом отношении. Огромные пространства Западно-Сибирской низменности, примыкающей с востока к Уралу, только в последние годы привлекли к себе внимание археологов.

4. 1. Элементы культуры пришлой группы мазунинских племен, как уже указывалось, не находят аналогии на Урале. Нет их в южных, степных районах, а также на Западе, в Поволжье и других областях. Поэтому вполне естественно, что в поисках аналогий мы обратились на восток, к лесостепным районам Западной и Южной Сибири.

В мазунинских погребениях, как уже неоднократно подчеркивалось, часто встречаются остатки берестяных коробочек-туесков, в которые были помещены различные вещи. Аналогичный обычай был открыт во многих захоронениях таштыкской культуры на Енисее. Так, в Оглахтинском могильнике туески из бересты с пришитыми донышками встречались почти в каждой могиле. Снаружи туески были обшиты шелковой материей (Сосновский, 1933, стр. 36). Туески были и в могиле 18 Уйбатского чаа-таса (Киселев, 1951, стр. 406) и в более ранних захоронениях тагарско-таштыкского времени в Большом кургане у с. Тесь (Кызласов, 1960, стр. 107). Поверхность туесков иногда покрыта угловым геометрическим рисунком, сходным с орнаментом на точно таких же туесках у нарымских хантов и селькупов (Сирелиус. 1906, рис. 47, 48; Прокофьева, 1950). В таштыкских могилах не отмечено, чтобы в берестяных коробках находились какие-нибудь металлические вещи, но то, что они встречались почти в каждом погребении (в Оглахтинском могильнике) может свидетельствовать о их ритуальном значении, а находившиеся в них вещи могли не сохраниться или не привлечь внимания исследователей. Во всяком случае, значение этих коробок, видимо, такое же как и воршудных коробок у удмуртов, описанных нами выше (I, 2, 5). У мазунинских племен этот обычай был принесен с востока.

Среди мазунинских украшений выделяется своеобразный тип височных подвесок в виде проволочного кольца со стержнем и напускной бусиной (табл. I—9). Подобные подвески широко распространяются в более позднее время в Среднем Приобье (Синяев, 1950, рис. 5—8, 11; Чугунов, 1898), но они имеют, по-видимому, и более ранние местные прототипы.

На мазунинских поселениях нередко встречается керамика бахму-

тинского типа. Сходны с бахмутинскими и отдельные экземпляры височных подвесок. Реже в поселениях обнаружена керамика тураевского и кушнаренковского типов. Вся эта керамика не имеет в Прикамье местных корней. Та группа племен, которая вошла в состав мазунинского объединения, имела керамику, по-видимому, в какой-то мере близкую к этим типам. Поэтому аналогии к керамике этих типов могут в известной мере указать на истоки пришлых групп мазунинского населения.

Керамика бахмутинского типа со сплошным покрытием поверхности сосуда ямочными наколами в массе обнаружена на Калмаковском и Вознесенском городищах на р. Оми в Барабинской степи (Левашова, 1928; коллекции Омского музея). Керамика с такой поверхностью была обнаружена при раскопках Уральской экспедиции на городище Кучум-Гора на р. Ишиме, относящемся уже ко времени Сибирского ханства. Но истоки ее в Сибири очень древние. При наших исследованиях курганов раннего железного века у с. Прыгово на р. Исети были встречены сосуды, у которых округлое днище покрыто множеством ямочных наколов. Аналогичные сосуды встречались среди керамики из Саргатских курганов на р. Иртыше, исследованных В. В. Левашовой (коллекция Омского музея). Крупный сосуд с ямочными наколами по днищу был обнаружен во втором Башарском кургане на Алтае (Руденко, 1960, рис. 44). В этом же кургане находилось немало плоскодонных горшков, которые по слабовыраженной шейке (там же, рис. 41) близки сосудам тураевского типа. И, наконец, в 1964 г. Уральской археологической экспедицией исследовалось городище Ерзовка на р. Ишим у д. Лихачево Абатского района Тюменской области. Поселение это относится к началу железного века, керамика вся круглодонная и не менее чем у трети всех сосудов наружная поверхность была покрыта редкими беспорядочными ямочными наколами, совершенно также как и у бахмутинских сосудов.

Кушнаренковская керамика по насыщенности орнамента и тщательности исполнения сближается с нижнеобской керамикой эпохи железа Нижнего Приобья (Чернецов, 1957). Но почти полную аналогичность кушнаренковской керамике дают погребения VIII—IX вв. из Бобровского курганного могильника на Иртыше в Павлодарской обл., (Арсланова, 1963, табл. III—1, 3). Такие же сосуды находились в погребении 8 Перейминского могильника около Тюмени (Чернецов, 1957, табл. XIV) и единичные экземпляры, собранные на поселении Речкино 1 на р. Исети (Стоянов, Ширяев, 1964, табл. II—5) и Большом Бакальском городище на р. Исети (Потемкина, 1964, стр. 259).

Все эти материалы позволяют предполагать, что племена, появившиеся в III в. н. э. на Средней Каме, вышли из Западной Сибири, скорее всего из лесостепных районов Среднего Обь-Иртышья.

4. 2. Археологические параллели, подтверждающие изложенную выше точку зрения по вопросу о происхождении пришлых племен, принявших участие в формировании мазунинского населения, пока что, конечно, не многочисленны. Но это объясняется чрезвычайно слабой изученностью области Среднего Обь-Иртышья.

Можно ли найти еще какие-либо материалы подтверждающие связи сибирского и прикамского населения в генетическом плане?.

Весьма убедительные и интересные факты дает анализ древних этнонимов и отчасти топонимики, причем здесь сопоставление можно провести в нескольких направлениях.

Удмуртские родовые (воршудные) имена собирали многие исследователи и наиболее полный перечень их, содержащий 70 имен, приведен М. Г. Худяковым (1934). К сожалению, кроме простого перечня этих имен, больше почти никаких сведений нет, в частности почти совершенно отсутствуют данные о племенных объединениях, локализации отдельных родов по районам и т. д.

Далее нас интересуют башкирские родовые имена, поскольку башкиры были ближайшими соседями удмуртов на юге по Каме, как раз в тех районах, где в 1 тысячелетии обитали мазунинские племена.

С башкирскими этнонимами дело обстоит значительно лучше. Большими работами С. И. Руденко (1955) и Р. Г. Кузеева (1954, 1957) не только зафиксированы родовые имена, но и учтено распределение родов по племенам, расселение всех родоплеменных групп и т. д.

При сопоставлении удмуртских и башкирских родовых имен выявляется целая группа совершенно идентичных этнонимов (табл. 3).

К этому перечню можно добавить еще целый ряд интересных параллелей. Известно, что удмуртов на юге соседние народы (татары, башкиры) называют арами. Но род Ар (Арлар, Аршинский) довольно часто встречается среди башкир (Руденко, 1955, стр. 55—57; № 28, 66; Кузеев, 1957, стр. 49, 52, 56). Среди удмуртов распространено предание о племени Калмез, а у башкир мы встречаем род Калмаш.

Все эти факты свидетельствуют о довольно тесных связях, между древнеудмуртскими и древнебашкирскими племенами и каких-то общих корней в происхождении обоих народов.

Т а б л и ц а 3

Параллели удмуртских и башкирских этнонимов

Удмуртские	Башкирские
Бия	Биляр
Буда (Бола)	Буляр
Гайна	Гайна
Им'ез (имес)	Имес
Имельь	Имель
Какся	Куксе (Кукзюрляк)
Квака	Куакан (Кувакан)
Копка	Копай
Можга	Мышига
Салья	Салауш, Сальют
Сурьма	Сураш
Сура	Турай
Турья	Уран, Урман
Урга	Чурашевский, Чураевский
Чура	Чубинский, Чублисызгинский
Чабья	Юр-Минский, Юрматы
Юра	

Территория мазунинской культуры занимает как раз промежуточные, контактные районы между основными центрами формирования удмуртов (бассейн р. Чепцы) и башкир (среднее и верхнее течение р. Белой), поэтому не исключено, что именно мазунинские племена в своем дальнейшем развитии частично вошли как в состав удмуртского так и башкирского народов, в результате чего у обоих народов и сохранились родовые группы с одинаковыми именами.

4. 3. На территории распространения памятников мазунинской культуры в XVII—XVIII вв. обитало несколько башкирских племен. Восточные районы в бассейне р. Буй занимало племенное объединение Уран. У устья р. Белой жили родовые группы Бугады и Камбар, входившие в племя Еней. Третья родовая группа этого племени — Тугыз, частью обитала по среднему течению р. Иж и частью по левому притоку р. Белой — рч. Шабыз. В нижнем течении р. Белой находилась территория племени Гарей с родами Такталачук, Янгиз и Урман. У устьев рр. Иж и Ик расселялись родовые группы Салауш, Турай и Калмаш племени Биляр и роды Сураш, Мышига, Кадыр племени Буляр.

По всей вероятности, территории некоторых родов, особенно племени Еней, были когда-то значительно шире. Вблизи устья р. Буй находится с. Камбарка на речке того же названия. Видимо, в этом сохранилась память о некогда обитавших здесь представителях рода Камбар. На противоположном берегу р. Камы находятся две деревни Калмаш, в то время как территория этого рода в настоящее время расположена по левобережью р. Ик.

Родовые имена сохранились в названиях многих населенных пунктов в низовьях р. Белой. Здесь расположены дд. Еней-Иткино, три Такталачука, две Янзигитово, Гарей, Бугады и др.

К сожалению, для большей части мазунинской территории, особенно в северных районах, нет сведений о расселении родовых групп, но здесь могут быть использованы топонимические данные. На карту Удмуртского Прикамья в пределах мазунинской территории мы нанесли те населенные пункты и названия рек, которые аналогичны удмуртским и башкирским этнонимам (рис. 5).

Из удмуртских здесь встречались следующие (в скобках помечено количество пунктов):

Бодья (3)	Кварса (1)	Пурга (3)
Бобья (4)	Лудзя (6)	Салья (2)
Бигра (1)	Монья (1)	Уча (2)
Варзи (8)	Можга (2)	Юсь (2)
Венья (2)	Норья (5)	Ятча (1)
Докья (3)	Омга (2)	Юра (4)
Кибья (1)	Пельга (3)	

Из башкирских:

Калмаш (3)	Салауш (1)
Куюк (3)	Турай (1)
Дуван-ак (1)	

Большинство повторяющихся названий сосредоточены обычно в одном небольшом районе. Так Варзи и Омга локализируются все на правобережье низовьев Ижа, Лудзя и Бобья — в среднем течении Ижа, Норья — в верховьях правого притока Ижа р. Постолки, Салья на левобережье низовьев р. Кырыкмас, Калмаши и Куюк — в верховьях этой реки и т. д. Многие из этнонимов, особенно удмуртских, встречаются и за пределами данной территории, особенно к Западу в бассейне р. Вала (Можга, Кибья, Монья, Омга, Пельма, Куюк и др.).

Рис. 5. Карта расселения этнических групп в Среднем Прикамье. 1—башкирские племена; 2—башкирские родовые подразделения; 3—удмуртские этнонимы в названиях населенных пунктов; 4—башкирские этнонимы в названиях населенных пунктов; 5—территория башкирского племени Еней; 6—территория башкирского племени Гирей; 7—граница распространения памятников мазунинской культуры.

Мы располагаем пока материалами для убедительного доказательства генетической связи родоплеменных групп мазунинской культуры и позднейшего населения, у которого зафиксированы приведенные выше родовые имена. Но едва ли можно и предполагать, что от мазунинского населения в данных районах не сохранилось никаких следов, в том числе в этнонимике. Поэтому позднейшие этнонимы с известной долей достоверности могут быть отнесены и к населению мазунинской культуры.

Каждый из этнонимов требует обстоятельного анализа. Объем статьи не позволяет нам разобрать все приведенные выше этнонимы и мы выбрали лишь некоторые из них (см. Приложение), представляющие определенный интерес в плане прикамско-сибирских параллелей и генетической связи.

Все подробно описанные этнонимы — Бия(Бай), Еней, Бугады, Камбар, Турья, Юра встречаются у многих народностей на Востоке, но все они, как в фокусе концентрируются также среди населения Среднего Обь—Иртышья, причем эти параллели между прикамскими и западно-сибирскими этнонимами далеко не исчерпываются только приведенным.

В связи с изложенным чрезвычайно любопытна легенда, записанная в шежере башкирского племени Айле. Автор легенды рассказывает о том, что одна половина племени называлась «айлинцы — шестьдесят ушей», а другая «айлинцы-песочники»; и пытается объяснить это тем, что родоначальники каждой из этих половин пытались на охоте утаить часть добычи — Тыныш уши от тридцати оленей, а Кушкаймос — одного из четырех бобров, которого зарыл в песок (Кузеев, 1960, стр. 169—171). Но это, видимо, не более как попытка объяснить из башкирского языка какие-то неясные для современников названия (прозвища) или еще что-то, связанное с каждой из двух половин этого племени. Объяснить в легенде пытались, видимо, следующие слова: 30 (утыз) или 60 (алтмыш), олень (болан), уши (кола), 4 (дурт), бобер (конда), песочники (комый). Возможно, конечно, что объяснение искали только для части слов, а часть уже родилась в процессе сложения легенды.

По среднему течению р. Иртыша в районе г. Тары и устья р. Ишим Ишим еще в XVII в. обитали потомки сибирского племени Аялы, рядом с которыми к западу находилась волость (род) Тав-Отуз (Куллары) и к востоку — река Тартас, на которой жила родовая группа Кулеба (Долгих, 1960, стр. 49—51). Здесь повторяются многие термины, упомянутые в башкирском шежере. Аналогичны племенные имена Аялы-Айле, далее родовые имена Отуз-Утыз (переведенные как 30); Куллар (Кул+лар—суф. множ. числа) и Кулеба (кул+аба — родовые имена) этимологизировано как кола (уши); и, наконец, Тартас переведено как 4 (дурт) и ас (горноста́й), но в легенде горноста́й заменен бобром.

Таким образом, все шежере представляет собой лишь башкирскую (тюркскую) народную этимологию терминов и слов непонятных в башкирском языке, но имевших какое-то определенное и, видимо, важ-

ное значение в жизни. Некоторые из слов встречающихся в башкирской легенде получают вполне удовлетворительное объяснение из самодийских и финно-угорских имен, например, Кола-Куле — ворона (см. IV. 3. 6), Тар-Тур — журавль (см. IV. 5. 1). Эпитет «песочники» в башкирском языке звучало «комый» и был прозвищем представлявшим собой, видимо, уже перевод первоначального самодийского этнонима Юр-, ер-(см. IV. 2. 3, 6). Если это слово означало название народа, то мы вправе ожидать и сохранение его в этнонимике. Действительно в составе племени Айле по сведениям Рычкова была Еирлинская тюба (Рычков, 1955, стр. 57).

Племя Айле занимало кроме р. Ай и земли по р. Юрюзань. В последнем термине сохранился этноним Юр+сан—формант, встречающийся в ряде других топонимах Чермо-сан, Карма-сан, Черем-шан и т. д. Нескольким ниже по р. Уфе в нее впадает р. Юрмаш. Наконец, к этой же этнооснове принадлежит и этноним крупного башкирского племени Юрматы, который заслуживает самостоятельного анализа.

Аналогии между башкирскими и западно-сибирскими этнонимами можно еще пополнить. Мы сделали выборку этнонимов и топонимов бывшего Тарского уезда (Иртыш-Ишим) по данным документов XVII в. (Долгих, 1960, стр. 49—54). Всего получилось около 70 названий, которые и сопоставили с башкирскими этнонимами. Совпадения получились весьма поразительные (табл. II). 16 названий повторяются среди этнонимов родов и родовых подразделений племени Айле, а еще 24 имени среди других башкирских племен, главным образом Мин, Юрматы, Кипчак. При сравнении отдельных названий (табл. II) следует учитывать, что западно-сибирские имена записаны русскими писцами XVII в., и здесь безусловно не мало искажений. Кроме того, в процессе расселения и тюркизации у каждой из этих групп башкирский и западно-сибирский первоначальные одинаковые термины претерпевали свои фонетические изменения, которые могли быть различными.

Особенно поразительны многочисленные аналогии сибирских (иртышских) этнонимов в среде башкирского племени Айле, а также Мин и Юрматы. Следует отметить, что подобные совпадения, видимо, не случайны. У других башкирских племен записано также немало родовых имен (Кузеев, 1957), но аналогии к ним иртышские не находят. Все это позволяет предполагать, что племенная группа Айле переселилась в Башкирию в долину р. Ай из Западной Сибири, причем часть этого племени осталась на своей изначальной территории по среднему течению Иртыша.

Башкирское племя Айле занимало территории по среднему течению р. Уфы, где в значительном количестве выявлены и памятники бахмутинской культуры. Но выше (см. III. 4. 1) было показано, что бахмутинские материалы, особенно керамика, обнаруживают самые близкие аналогии в археологических материалах Среднего Прииртышья, то есть как раз того района, где позднее жили потомки родоплеменных групп Аялы, Еней, Бараба, Турай и многие другие, имеющие имена сходные с прикамскими.

Этнонимы Среднего Прииртышья и башкирских племен

№ п.п.	Среднее Прииртышье	Башкирское племя Айле	Прочие башкирские племена: Кип(чак), М(ин), Юр(маты), Ус(ер- ган), Бур(зян), Кат(ай), Куд(ей), Тан(ып), Таб(ын)
1	Аялы	Айле	Аила-Табын
2	Аю		Аю (Кип. Ус. Кат.)
3	Ахматовская	Азамат	Ахмадис (Кип.)
4	Ачимовская	Шаим	
5	Абай-Томак	Акай	
6	Бараба		Барын (Таб)
7	Бурен	Буренгул	Буртам (Кат.)
8	Буксунова	Биксура	
9	Буян		Биян (М. Бур)
10	Елызакова	Ылысы	Ильсектемир (Юр.)
11	Кирпики		Керпе (Кип.)
12	Карагалы	Каратаулы	Карагай (Кип.)
13	Кетешева		Кате (Юр.)
14	Колтаева		Кылтай (Кип.)
15	Куллары		Кули (М.) Куллар (Куд.)
			Кулмурза (Танып)
16	Майдарова	Миндияр	Менди (Тан)
17	Саргач		Саргай (Юр.)
18	Саболина		Суби (М.)
19	Сартаул	Сарт-Айле	
20	Сергулова		Сьергул (М.)
21	Саурикманов.		Саун (Кип.)
22	Сулбуева	Сулпы	Сулпы (Кат.)
23	Тебендя	Табында	Табын (Кат.)
24	Тав	Тавир	
25	Тураш		Турай (Еней)
26	Тунус	Тугуз	
27	Тенкешова	Текеш	
28	Терене		Терсатская (Еней)
29	Толубаевская		Таулы Тауль (Кип., М. Бур)
30	Чангула		Шангале (Кип.)
31	Чок	Секита	

Совпадение археологических и этнонимических материалов убедительно свидетельствует о сибирском происхождении пришлого компонента мазунинской и бахмутинской культур, особенно тех групп, которые представлены керамикой с ямочными наколами на всей наружной поверхности.

4. 4. Значительный интерес представляет вопрос об этнической принадлежности пришлого населения Прикамья. А. В. Шмидт считал бахмутинские племена пермско-угорскими и даже угорскими (1929). Это предположение было им сделано на основании того, что территория Башкирии в I тыс. н. э. была занята племенными группами, из числа которых формировался Мадьярский (Венгерский) союз племен накануне движения на Дунай. Но А. В. Шмидту были известны только памятники бахмутинского типа, в то время как последними исследованиями на территории Башкирии открыты еще несколько типов архео-

логических памятников весьма существенно различающихся между собой (Генинг, 1964).

Поэтому к вопросу об этнической принадлежности каждой из групп древнего населения Башкирии следует подходить весьма осторожно и безусловно с учетом как всех археологических комплексов, так и с привлечением данных других наук. Нельзя признать удачным утверждение Н. А. Мажитова, совершенно не аргументированное, что бахмутинские племена из всех культур Башкирии наиболее близки дунайским венграм. Причем этот же автор без достаточно веских доказательств считает угорским и население предшествовавшее бахмутинскому (1964, стр. 110).

Не касаясь здесь всей этой сложной проблемы в целом, остановимся лишь на одном частном вопросе, совершенно новом по своей постановке.

Среди этнонимов, встречающихся у башкир и удмуртов, некоторые имена — Юра, Еней, Кал(мез), Бар, Бугады (см. Приложение) и некоторые другие — имеют совершенно определенно самодийское происхождение, поскольку наиболее достоверно, как родовые имена, они этимологизируются из языков этих народов. Конечно сам этот факт еще не означает, что данные родовые группы в момент прихода были самодоязычными. Вполне могло быть, что эти родовые группы уже давно были ассимилированы и усвоили какой-то иной язык, сохранив лишь свои древние родовые имена. Но могло быть и иначе.

В южной Удмуртии (с. Бия Вавошского района) записана легенда «Тутый и Янтамыр». Содержание легенды, где фактически соединено два сюжета, не представляет чего-либо оригинального. В легенде о Тутое рассказывается о споре из-за земли между марийцами и удмуртами, решенном в пользу удмуртов тем, что их богатырь Тутый пнул кочку через реку намного дальше и без хитрости. Янтамыр выступает как предводитель каких-то свободных людей, но погибает во время одной из поездок, поскольку его подвела пегая лошадь (Горбушин, 1941, стр. 90—92). Пегая лошадь, приносящая несчастье, встречается и в ряде других удмуртских сказок.

В легенде «Тутый и Янтамыр» интересны прежде всего имена богатырей. В удмуртских исторических легендах почти всегда имена богатырей соответствуют родовым этнонимам. Имя Тутый известно и по ряду других легенд (Спицын, 1899, стр. 97), но не встречается среди удмуртских этнонимов. Правда, у бесермянского населения на северо-западе Удмуртии есть две деревни Тутаевские (Штейнфельд, 1894, стр. 6—7), возможно, и связанные с родовой группой Тутый. Среди алтайцев и телеутов встречаются роды Тотош (Аристов, 1895, стр. 340), а у тувинцев Тодут (Долгих, 1960, стр. 290) — имена, которые происходят от того же корня, что и удмуртские.

Но гораздо больший интерес представляет имя Янтамыр. По сведениям Р. Г. Кузеева в Северо-Западной Башкирии для обозначения родовых подразделений вместе с другими терминами встречается слово «тамыр (дословно — корень, ответвление)»... (1957, стр. 37). Если исходить из этих данных, то Янтамыр дословно означает человек рода Ян

(скорее всего Ан). Однако еще более любопытная аналогия ведет нас на восток. У селькупов для обозначения рода употребляется термин тамдыр (Прокофьева, 1952, стр. 90). Нарымские селькупы в русских актах XVI в. назывались Пегой ордой (Ср. легенду о пегой лошади у удмуртов). Во главе Пегой орды стоял князь Воня, а у удмуртов встречаются роды Боня и Веня. В Сюмсинском районе южной Удмуртии записана легенда, в которой рассказывается, что в древности во главе удмуртов стоял князь, имевший город в урочище Сларте (Спицын, 1893, стр. 97), а среди энцев известен род Салярта (Долгих, 1961, стр. 4). В другой легенде о Мордане и трех его сыновьях один из них носит имя Кинегыл (Потанин, 1884, стр. 194), а в Нарымском крае селькупы жили на р. Кенге, притоке Парабели. В низовьях р. Белой находится населенный пункт Масодэ, а среди селькупов—род Масодай (Долгих, 1961, стр. 4).

Все эти факты, видимо, далеко не случайные и могут свидетельствовать, что какие-то следы самодоязычного населения в Прикамье все же сохранились. Возможно, что самодийским родоплеменным группам среди комплексов I тысячелетия принадлежала керамика кушнаренковского типа.

Приложение.

IV. ЭТНОНИМЫ

1. 1. **Бия, Бигра, Бигер, Биляр.** Первые два этнонима встречаются среди удмуртских родовых имен, а так же в названиях отдельных населенных пунктов Южной Удмуртии.

Бигер (в разновидности *Бийгер*) — имя, которым удмурты называют казанских татар. Кстати, на севере Удмуртии по р. Чепце большинство удмуртских могильников IX—XII вв. называются Бигер-шай (татарское кладбище).

Бигер, Бигра — представляют собой различные варианты одного этнонима, в основе которого лежит Бия, а -*гра*, -*гер* суффиксы, на которых остановимся ниже.

1. 2. Среди племен северо-западной Башкирии на левобережье Камы по ее притокам Суню, Ику и Заю обитало два племени *Биляр* и *Буляр*, имена которых весьма близки рассматриваемым удмуртским этнонимам. Звучат названия этих племен по-разному. По росписи 1730 г. приводится вообще только одно имя — *Балярская* волость «по Каме-реке, по Ижу, по Мейзеле и по другим речкам» (Руденко, 1955, стр. 52). По данным П. И. Рычкова в 1745 г. в число «настоящих родов или волостей», указаны *Байлярская* и *Бюлярская* (Руденко, 1955, стр. 58, 59). Р. Г. Кузеев приводит вначале имена *Буляр* и *Байляр* (1954, стр. 9), очевидно, следуя за С. И. Руденко, а затем позднее пишет *Буляр* (баш. *-Булэр*) и *Биляр* (*Бэй-лэр*; 1957, стр. 57). Оба этнонима состоят из основы и суффикса множественного числа. -*лэр*. В одном случае корень *Бу-*(*Бю-*), а в другом *Би-* с вариациями *Бай* (*Бэй*).

Этнооснова Би — позволяет сближать башкирский этноним с удмуртским родовым именем *Бия*, а в разночтении *Бай* (*Бэй*) — видеть проявление более древнего варианта, аналогии которому довольно обширны.

Этот же этноним встречается и среди других башкирских племен: *Танып-Байкинский* род, живущий в среднем течении р. Уфы и в племени Бурзян *Байулинский* род в верховьях р. Белой (Руденко, 1955, стр. 56, 57).

1. 3. Племена *Буляр* и *Байляр* С. И. Руденко и Р. Г. Кузеев (1957, стр. 329) связывают с болгарами. Последний из авторов прямо пишет: «этнонимы «*Буляр*» и «*Байляр*» восходят к родоплеменным названиям болгарских племен» (1954, стр. 9). Но какие здесь имеются ввиду болгары? Если собственно болгарские племена, пришедшие на Волгу в VIII в., то среди них были племена *Болгар*, *Берсула* и *Эсегель* (Геннинг, Халиков, 1964, стр. 171). Ни одно из этих племен не сопоставляется с баш-

кирским. Правда, Н. И. Золотницкий пытался доказать тождество *Булгар* — *Билар* — *Бийгер* — *Мургар* (1884, стр. 42 и сл.), что вызвало справедливую критику П. Д. Шестакова (1884, стр. 60 и сл.).

Другое дело, когда мы обратимся к Волжской Болгарии, в составе которой находилось не мало и местных племен.

Одним из таких крупнейших племен было, видимо, объединение в центре которого вырос город *Биляр*, бывший даже одно время столицей Болгарии. О том, что это имя было не только названием города, но и народа свидетельствуют средневековые авторы. Плано Карпини (сер. XIII в.) употребляет оборот «Билеры, то есть, великая Булгария» (1957, стр. 47, 57, 72) *Биляр* (*Бюлар*, *Болар*) — как город Волжской Болгарии известен и арабским авторам XII—XIII вв. (см. Золотницкий, 1884, стр. 40).

Видимо, с этим племенем, обитавшим на Каме до прихода болгар из Подонья и следует сопоставлять башкирские племена *Байляр*, *Буляр*, причем, возможно, что племена башкир являлись или частью племени Волжской Болгарии или выходцами оттуда уже в более позднее время. Точно также и удмуртские родовые группы *Бия* — *Бигра* связаны, вероятно, в своем происхождении с племенным объединением *Биляр*. Установить, однако, когда произошло это отделение не представляется возможным.

1. 4. Этот же этноним встречается, видимо, и у марийцев, где, к сожалению, нет прямых данных о родовых именах. Г. Н. Айплатов (1965), опубликовавший довольно обширный список марийских имен XVII в. выделяет словообразовательный формант *-бай* (*-пай*), причем этимологизировал его из тюркского «богатый, богач». Однако им же высказано предположение, подтвержденное рядом примеров, что этот формант может означать родовую принадлежность. Последнее выглядит гораздо более убедительно.

1. 5. Этноним *Бай* имеет довольно широкое распространение и встречается далеко за пределами Прикамья.

Г. М. Василевич в исследовании древнейших этнонимов Азии приводит перечень этого этнонима у различных народов Восточной Азии (1946, стр. 42). Среди современных народов наиболее часто этноним *Бай-Бая* встречается у эвенков, в вариантах *Бая+киши* и *Бая+гир*. Эти вариации происходят от существования у эвенков в языке двух диалектов. Этот этноним встречается у большинства тунгусо-маньчжурских народностей: *Бай+шин'ы*, *Байки* — у эвенков и юкагиров Верхоянского и Охотского побережья, *Бая+усе+ли* — у ульчей и ороков низовьев Амура и Сахалина, *Бая* — орочей и нанайцев побережья Татарского пролива, *Бая+ра* — у маньчжуров, *Бая+л* — у гилияков низовьев Амура.

В Западной Монголии известны племена *Бай+т'ы* и *Бая+у+д*, у бурят на Баргузине — род *Баян+дай* и у якутов Колымского района — род *Бай+ды*.

Очень часто в качестве словообразованного форманта встречается этот этноним в родовых этнонимах казахов (*Баис*, *Байгара*, *Байлар* и многие другие, см. Аристов, 1896). Но эти казахские имена требуют особого анализа.

1. 6. П. Хайду собраны подробные данные об этнониме *Бай* у самодийских народов. Род *Вай* встречается у оленеченных сургутских остяков. Видимо, к этому же этнониму примыкает *Нгийвай* — имя вымершего рода у ненцев, которое П. Хайду рассматривает как основу *Нгийера* с суффиксом *-ра*, а в этнониме суффикс *-вай* образует прилагательное (1950, стр. 56).

Ламбай — род береговых ненцев, по сведениям Миддендорфа происходящий от авамских самоедов *Лоббо*. Этим же именем их называют енисейские энцы рода *Бай*. Хантайские роды называют эту группу *Ловво*. Встречается данный вариант и у мезенских ненцев. П. Хайду за Лехтисало, предполагает идентификацию этнонима *Ламбай* с ненецким словом *ламрай* «широкая нога» (Хайду, 1950, стр. 47—48).

Ненецкий этноним *Суннавай* П. Хайду расчленяет как составной *-вай* и, может быть, *сунна* - *сунн* «дым» (1950, стр. 69).

Бай — одно из крупных племен энцев, обитающих в верховьях Таза и на Енисее у Туруханска. Возможно, что *Бай* являлось древнейшим общим самоназванием энцев. Сведения об этнониме *Бай* имеются у П. Хайду (1950, стр. 74—75), а о родовом составе довольно обстоятельная сводка дана Б. О. Долгих (1946). Из этих сведений отметим, что ненцы называют энцев *Бай* — именем *Вай* и что в числе энцев

вместе с *Бай* входят племена (роды) *Самату* (Манду) и *Монгканди* и *Ючи* (Долгих, 1946, стр. 10 и сл.).

По сохранившимся сведениям легендах можно предполагать, что энцы жили когда-то значительно южнее — по Енисею и его левому притоку *Сыму* (Долгих, 1946, стр. 110). Если учесть при этом, что в устье р. Чулым еще в XVII в. находились две селькупские *Байгульские* волости (Долгих, 1960, стр. 97 и сл.), что в переводе с селькупского *Бай - гула*, означает «Бай—люди» (Долгих, 1946, 120), то вполне вероятно предположение о расселении в прошлом предков энцев на юге — от Енисея (у р. Сым) до р. Оби (р. Чулым). Эта территория непосредственно примыкает с востока к землям по средней Оби, заселенным и в настоящее время селькупам.

В Южной Сибири среди самодоязычных камасинцев был род *Байга* (Аристов, 1896, стр. 347; Хайду, 1950, стр. 89). В такой форме это имя приводит М. Кастрен (1856, стр. 380). Г. Миллер записал различные варианты окончания этого этнонима в зависимости от того в каком языке он употреблялся. По самодийски — *Байгасанг*, по тюркски — *Байгалар* и русски — *Багин* улус (Долгих, 1960, стр. 240). У сойотов в Монголии встречается род *Багари*, *Байгари* (Хайду, 1950, стр. 99).

Имя так называемых *Койбол*, представлявших довольно разноязычную группу в верховьях Енисея и его притока Тубы, в документе 1652 г. записано *Колбай* (Долгих, 1960, стр. 271), что видимо больше соответствует действительному происхождению. В составе этого объединения находились роды Большой и Малый *Байотовский* и *Кол* (там же, стр. 268). *Байотовский* представляет собой, видимо, *Бай+коты* — одно из крупных кетских племен Сибири. *Байотовцы* были кетоязычными в XVII в., но по словам М. Кастрена, старые люди вспоминали еще язык сходный с енисейско-остяцким (самодийским) и помнили, что они происходят от этого народа. Кастрен же приводит этноним этой группы в форме *Байгадо* (1856, стр. 322). П. Хайду предполагает, что *-до* является суффиксом. (1950, стр. 90).

1. 7. Этноним *Бай* встречается и у других кетских групп Южной Сибири. Среди жоттов Канской земли был улус *Байгин* (*Багин*), потомков которых М. Кастрен в середине XIX в. нашел в дд. Анзир, Иланская (Еланская), Барнаул (1856, стр. 282, 289). В Братской Удинской земле XVII в. вблизи устья р. Уд находился *Байберинский* улус (Долгих, 1960, стр. 251). У кетов Аринской земли: в составе личных имен (по документам XVII в.) также встречается этот этноним: князь *Байтерек*, *Атабай*, *Алыбай* и др. (Долгих, 1960, стр. 223—224).

1. 8. Этноним *Бай* имеет большую древность. Впервые он упоминается древними источниками под 694—250 гг. до н. э., как название одной из групп народа Динлинов — *Бай ди*. «*Бай*» является определителем самоназвания *Ди* и по Бичурину переводится как «северный» (1950, стр. 43), а по Д. Поздееву как «белый» (1889). Бичурин же, по одной из хроник указывает, что «хуннское поколение Динлин занимало земли от Енисея на восток до Бакала, по левую сторону Ангара» (1950, стр. 50).

Г. М. Василевич высказала мнение, что на востоке могли этноним *Бай* трактовать по своему *бэй* «северный», и что фактически здесь мы имеем дело со скрещиванием центрально-азиатской группы *Ди* с местной группой *Бай*, откуда и появилось *Байди* (1946, стр. 44). Такое предположение выглядит вполне правдоподобно.

Где-то в этих же южных районах в VI—VII вв. упоминается Гаюгуйский аймак *Баегу* к северу от р. Толо, несколько позже это же имя отмечается южнее у границ Маньчжурии; затем у истоков р. Селенги — племя *Баиси* (Василевич, 1946, стр. 44) и, наконец, среди Орхонских надписей в памятнике Кюль-Тегину встречается имя *Байзрку* и стране *Йир-Байырку* (Малов, 1952, стр. 34, 41).

Из всего приведенного можно заключить, что этническая группа *Бай* в древности была довольно значительной и расселялась на территории от верховьев Оби (чулымская группа) до Ангара на востоке (байберинцы на Уде). Именно из этой группы, видимо, вышли роды, вошедшие в состав самодийцев, кетов и тюрков.

Но как уже отмечалось, этноним *Бай* встречается и значительно восточнее, причем особенно часто у тунгусо-маньчжурских народностей вплоть до Охотского побережья (Василевич, 1946, стр. 42). В свете этого вполне вероятно, что этноним *Бай* вышел из среды тунгусо-маньчжурских племен, так как у нас нет никаких оснований предполагать столь далекое распространение к северу и востоку ни самодийцев или тюрков, ни тем более кетов. Тунгусы же в древности, да и уже в историче-

ски известное время обитали в непосредственной близости от северных склонов Алтая и Саян.

1. 9. Этимология имени *Бай* недостаточно ясна. В словаре М. Кастрена приводятся два слова: *ва* «сильный», излишний», *вай* «короткий рог», самоедское племя с таким рогом на сакуе (1854, стр. 38). Головной убор — сокуй с «рогами» (султанами из оленьего хвоста составляет этнографическую особенность усть-енисейских энцев и нганасан (Долгих, 1946, стр. 115). Энцы переводят слово *бай* как «упорный, своеравный», а ненцы, по словам энцев, называют так всякого злого, упорного богатыря (Долгих, 1946, стр. 116).

П. Хайду, предполагая связь *Бай* с ненецким *Вай*, которое с ненецкого переводится как «колыцо, союз», допускает подобную этимологию для данного этнонима (1950, стр. 75). Но, как уже было сказано, этноним *Бай* происходит, видимо, из тунгусоязычной среды и здесь следует искать его этимологию.

1. 10. На запад, в Приуралье этноним *Бай* попал из Сибири, где это скорее всего были уже самодийские этнические группы, возможно, частично тюркизированные (окончания *-лар* в *Байлар*, *Билар*). Удмуртская форма *Бигер*, сохранила, вероятно наиболее древнюю тунгусскую форму *Баягир*.

2. 1. *Юра* — имя одного из удмуртских родов, неоднократно встречающееся и в топонимике Южной Удмуртии в форме *Юри*, *Юринка*, *Юраш* (не менее 9 пунктов). Этнобсова *Юр* — обнаруживается и в ряде башкирских этнонимов — *Юрматы*, *Юрминский*, *Юрман*, *Юрактау* (Руденко, 1955, №№ 10, 17, 26, 91).

2. 2. *Юраки* — имя, которым прежде называли ненцев-самоедов, обитавших по берегам Ледовитого океана от устья Печоры до Таймыра, также содержит этнооснову *Юр*-. Этноним *Юраки* был исследован венгерским лингвистом П. Хайду (1950, стр. 19—32), выводы которого представляют для нас большой интерес. На основании большого фактического материала П. Хайду показал, что этот этноним знаком почти всем приуральским народам в нескольких звуковых вариантах. *Юраки* — форма характерная для русского языка, откуда она перешла во многие языки на западе, и реже — на востоке. Кроме формы *Юраки* в русском языке встречается изредка и форма *Яран*. По происхождению эти слова не славянские, а заимствованные, поскольку встречаются в различных языках народов Сибири.

Нганасаны (тавгинские самоеды) и северные селкупы (енисейские самоеды) знают форму *Юрака*, *Юлака* в значении самоеды-ненцы (юраки).

Коми-зыряне в том же значении употребляют этноним *Яранг*, *Яран* (*Яранму* — земля самоедов-ненцев).

У обских хантов употребляется имя *Ерун*, *Ерган*, *Ерн* и даже *Яр*, *Ор*, к которым часто добавляется окончание *-хо* в ед. числе и *-ях* во множ. числе.

Манси также называют ненцев *Ерган*, *Ерин*, *Ерран-кум*, *Ярран-кум*.

Иное содержание этого этнонима встречается крайне редко. У коми-зырян изредка он употребляется в смысле «на севере живущие зыряне» и для названия вогул (манси). Этим же именем, по сведениям Миддендорфа, называли енисейских самоедов рода *Бай* (Хайду, 1950, стр. 19—21).

2. 3. Этноним *Юраки* до П. Хайду не был предметом специального исследования и о нем имелись лишь отдельные замечания лингвистов. М. Кастрен связывал имя *Юраки* с *Юргой* (*Юраки* < *Юргия*), в таком случае, по мнению П. Хайду, следует принять объяснение этого изменения, как переход сочетания согласных *-gr-* (*Юргия*) через метастазу *r+гласный+х*, что в принципе не исключено. Но тогда остается не объяснимым форма *Яран* в русском и ряде других языков.

В русских летописях в ранний период употребляется, как известно, не *Юраки*, а *самоядь*. И в этих же летописях всегда строго отличается югра от *самояди* (юраков). Выражение «югорская *самоядь*», встречающееся в летописях, по мнению П. Хайду, может свидетельствовать о том, что самоеды в Югрии были чужим народом (Хайду, 1950, стр. 22, 23).

Г. Н. Прокофьев считал, что *Юраки* происходит от ненецкого слова *юру*, *юро* «друг», в понятии «друг в обмене (торговле)», аналогично тому, как остяко-самоеды Туруханского края назывались местными русскими жителями именем *дяки*, образованным от остяко-енисейского слова *лакка* «друг, товарищ» (Прокофьев, стр. 98).

П. Хайду считает эту гипотезу неприемлемой, поскольку переходу *юрак* < *Юру* противоречат обско-угорские и коми-зырянские формы. Из *юру* не появилось бы в

обско-угорских языках *яран*, так как невозможно в первую очередь озвучение *-у*, *-о* во втором слоге (1950, стр. 24).

П. Хайду присоединяется к мнению Т. Лехтисало (Lehtisalo), что ханты-мансийское слово *Еран* (Яран) образовано по тому же образцу, что и ханты-мансийское слово *зоран* (зыряне), где *-н* выступает в качестве суффикса, о чем ранее уже писал Д. Жабо (Dezső Szabó).

Наличие в некоторых ханты-мансийских формах *-рг-* (*Ерган*) объясняется по П. Хайду, присутствием древне-уральского суффикса *-к*, встречающегося и в настоящее время в некоторых диалектах.

Таким образом, с удалением суффиксов *-г* и *-н* останется корень *яр-*, *ёр-* (Хайду, 1950, стр. 24—25). Этимологию этого корня П. Хайду вскрывает рядом сопоставлений из самодийского языка В географической номенклатуре встречается *яр-ход* в переводе «песчаная спина (хребет)»; *яре-йры* «песчаный месяц (ноябрь)», когда сильный ветер гонит снег, как песок. У енисейских самоедов *яр* «песок», «зола» и т. д. (Хайду, стр. 26, 27).

Таким образом, слово *яр*—песок первоначально употреблялось в данном значении как собирательный термин. Ничего необычного в этом нет, поскольку встречается еще ряд имен народов, в том числе у самодийцев, где в имени фигурируют подобные слова (песок, земля, местность, место).

2. 4. По мнению П. Хайду этноним *Юр-* первоначально принадлежал, как родное имя лесным ненцам, которые называют себя *пан-хасаво* или *ханть яр*, где ханть — имя р. Конды, а *Яр* — род ненцев. С этой группой (или родом) первыми из самодийских народов познакомились обские угры, когда перешли с европейских склонов Урала на восток и вступили в контакт с самодийцами, уже жившими на северо-западе Сибири. Через род *Яр* у лесных ненцев обские угры познакомились со всеми остальными самодийскими группами и стали называть всех *Яран* — словом образованным от *Яр* (Хайду, 1950, стр. 25, 29).

Русское *Юраки* происходит также из обско-угорского языка путем перехода *Яран* > *Юраки*. В первом слоге обско-угорское *я-* перешло в русское *ю-*, а окончание *-ак* было образовано по образцу многих русских этнонимов: поляк, остяк, вотяк, словак, гиляк, сибиряк, пермяк и т. д. (Хайду, 1950, стр. 29—31).

В целом гипотеза П. Хайду выглядит весьма убедительно и с лингвистической точки зрения все как будто объяснено. Но общая концепция истории уральских народов, предлагаемая здесь П. Хайду едва ли приемлема, как и ряд частных толкований термина *Яр-*.

2. 5. Общеизвестно, что самодийские и финно-угорские народы составляют единую уральскую языковую семью. Вопрос о месте формирования уральской языковой общности вызывает пока много разногласий среди ученых, но едва ли можно согласиться с гипотезой П. Хайду по данной проблеме.

В одной из работ П. Хайду (1964), применив так называемый биogeографический метод в этнолингвистических исследованиях, сопоставил ареалы распространения различных деревьев, имеющих одинаковые названия в различных уральских языках и пришел к выводу, что прародина уральских народов в IV—III тысячелетиях до н. э. находилась на северном Урале, между низовьями Оби и верховьями Печоры. Распад уральской общности привел к тому, что одна часть (финно-угорская) переместилась на территорию между Камой, Вяткой и Уралом, а другая (самодийская) переселилась юго-восточнее к устью Иртыша. Из финно-угорской среды часто выделялись отдельные племенные группы и переселялись за Урал и в Западную Сибирь (Хайду, 1964, стр. 78). Именно в последнем положении П. Хайду и видит решение вопроса о заимствовании обско-угорскими племенами этнонима *Яран* с дальнейшей трансформацией его в русском языке в *Юраки* (Хайду, 1950, стр. 25, 29.)

Но эта гипотеза П. Хайду не выдерживает критики. Совершенно невероятно, чтобы такая, сравнительно крупная и многочисленная, языковая семья, как уральская формировалась в таежной глуши Северного Урала, а затем переселилась на огромные пространства от Прибалтики до Алтая! Нет почти ни одного случая движения больших масс народа из северной тайги к югу, но можно привести десятки примеров обратного движения из южных районов на север. Естественно-географические условия южных районов всегда были благоприятнее для развития более интенсивных форм хозяйства и роста народонаселения, особенно в условиях перво-

бытности, когда чрезвычайно велика еще зависимость человека от природы. Поэтому быстрый рост народонаселения приводил к отливу (зачастую насильственному вытеснению) отдельных групп все далее к северу.

Против гипотезы П. Хайду свидетельствуют и археологические материалы. В указанной им области Северного Урала не обнаружены ни древнейшие памятники, ни особой концентрации их.

Наконец, как убедительно показал Г. Н. Прокофьев север Сибири и Урала до появления здесь самодийских и угорских народов, был занят племенами какой-то иной не уральской языковой принадлежности (1940, стр. 71).

Формирование уральской общности должно было проходить значительно южнее и, по моему мнению, вообще не связано с современной лесной зоной. Уральская общность, как мне представляется, сложилась уже в эпоху позднего палеолита и об- ластью формирования ее были обширные пространства Казахстана от Урала до Ал- тая. Внутри этой обширнейшей области на базе различных родо-племенных диалек- тов уральского языка возникли отдельные ветви финно-угорских и самодийских язы- ков, причем последние на данной территории занимали преимущественно северо-вос- точные окраины и именно отсюда отдельные самодийские группы распространяются к северу и северо-западу, ассимилируя местные, неуральские племена.

Позднее на север двинулись и отдельные группы угорских племен (ханты и ман- си), жившие на юге, видимо, вблизи самодийцев. Отдельные самодийские группы сохранились на юге вплоть до прихода в Южную Сибирь русских (саянские са- моеды).

2. 6. Этимология слова *Юраки*, предложенная П. Хайду (этнооснова *Яр* «пе- сок»), вполне допустима и, вероятно, что оно и имеет такое происхождение. Но раз- витие событий и трансформация термина нам представляется иным. Прежде всего, мало вероятно, чтобы *Яр*- было первоначально именем одного рода, а затем уже по- лучило распространение как имя большей группы родственных племен. Если прием- лима этимология *Яр*- «песок», то это слово первоначально не могло быть названием рода. Примеры подобных первоначальных родовых имен мы не знаем. Такие терми- ны всюду употреблялись уже как собирательные для названия большой группы род- ственных родов, и лишь в дальнейшем с отрывом небольшой группы населения это имя могло стать именем племенной или родовой группы.

В мансийском языке встречается форма *Ярран-кум*, *Ерган-кум*, что позволяет привлечь для сравнения аналогичные формы самоназвания селькупов.

Три племенных группы селькупов, различающиеся также в языковом отношении, употребляют в качестве самоназвания следующие термины:

соль ≈ *шол куп* «таженный человек» (туруханско-тазовская группа),

чумьль — *куп* «земляной человек» (тымская группа),

шбш ≈ *сус-се кум* «таежные (*сут*, *шош* «тайга»), люди, кум — мн. число (кетская группа),

соль ≈ *шбл куп* и *сус-се* ≈ *шбш-кум* этнонимы совершенно идентичные по смыслу.

В основе их лежит самодийское слово *со* «земля, глина», но в первом случае при словообразовании употреблен суффикс *-л*, а во втором — суффикс *-с*, *-есе* (Хайду, 1950, стр. 82).

Чумьль-куп и встречающееся в разном сочетании *Тумель-кум*, имеет в основе то же слово *чу*, ту «земля, песок, глина» и образовано с суффиксом *-ме-л*. С другим суффиксом *-е* встречается имя *Тюе-гом*, *Чуе-гум*, *Туй-гум* (Хайду, 1950, стр. 83).

Ерран-кум «песчаные люди» сочетание такого же образца как селькупские, когда в основу положено не родовое имя, а собирательный термин, характеризующий мест- ность, где обитала данная племенная группа. Исходя из этимологии термина *Ярран- кум* можно попытаться и локализовать его на определенной территории. «Песчаные люди» — имя свидетельствующее, видимо, что данная группа обитала в открытой степной местности.

Перечисленные выше группы селькупов обитают в среднем течении Оби и Енисея, а к югу от этих мест в Барабинской и Кулундинской степях, вероятно, и жи- ли близкие селькупам племена *Ярран-кум*. Повидимому, рядом с этой племенной груп- пой обитали угорские племенные группы, которые перенесли имя *Яран* на всех са- модийцев. Не исключено, что одна из групп *Ярран-кум* оказалась заброшенной на север, может быть это и были таежные ненцы, которые называют себя *ханть-яр*. Продвинув-

шися сюда манси называли *Яран* «песочные люди» не только эту группу, но и всех северо-западных самодийцев (ненцев).

Приведенные здесь материалы позволяют заключить, что этнооснова *Юр-* по своему происхождению связан с самодийскими племенами, видимо, очень близкими селькупам.

Можно предполагать, что *Яр-(Юр-)* было собирательным именем всей группы южносамодийских родов, обитавших по среднему течению Оби в Барабинской и Кулундинской степях.

2. 7. Если это так, то остатки данного населения должны сохраниться у степных народов. Действительно, это имя встречается неоднократно среди казахских родов. В описании капитана Андреева, составленном в 1785 г. по левому берегу Иртыша вблизи Усть-Каменогорска находилась *Кок-Ярлинская* волость (род *Кок-джарлы*) племени Найман. В этом же племени числился род *Джаркэ* (Аристов, 1896, стр. 373, 360). В составе племени Кирей был род *Джарлыган*, у Агрынов роды *Джартим* и *Джанджар*, а у Конгратов род Байлар -*Джанджар* (там же, стр. 357, 362, 370). В казахском языке *Яр-(Юр-)* закономерно перешло в *Джар*.

2. 8. Следы этого этнонима можно проследить и в глубь веков. Арабские авторы Руки-эддин Бейбарс (умер в 1325 г.) и Ибн-Хаалодун называют род *Дзудзан* (*Джерсан*) в числе одиннадцати родов Кипчаков (Тизенгаузен, 1884, стр. 540 и сл.).

Джерсан, видимо, более правильный вариант чтения арабского письма и из этой формы может быть реконструировано *Яр-(Юр-)+санг*, где последний формант — самодийский суффикс мн. числа также как в этнонимах *нганасан* (см. IV.4.4), *байгасанг* (см. IV.1.6) и др.

3. 1. Калмезы. В удмуртском фольклоре богатырь *Калмез* — один из довольно часто встречающихся персонажей. *Калмез* обычно выступает как предводитель народа (племени) калмезов.

Содержание нескольких вариантов легенд о калмезах (Потанин, 1884, стр. 193—194; Смирнов, 1893, стр. 98; Удм. нар. сказки, 1948, стр. 29—33; Горбушин, 1941, стр. 93—94), сводится в основном в двум-трем сюжетам.

В легенде о Ватке и Калмезе повествуется о том, как в земли калмезов пришли люди из племени Ватка, которые убили одного из калмезов, после чего последние ушли за р. Иж.

Столкновение калмезов с людьми племени Ватка приурочено обычно к верховьям левых притоков среднего течения р. Чепца. Язык калмезов отличался от удмуртского некоторыми своеобразными словами и выражениями. Своеобразно одно предание, где Ватка и Камаш (! новый вариант имени) названы братьями, от которых происходят все роды (Игнаш, 1928, стр. 27).

Калмезами удмурты бывшего Елабужского уезда называли своих соплеменников, живших в бывшем Малмыжском уезде к северу от с. Можги на р. Вале (Спицын, 1893, стр. 98; Потанин, 1894, стр. 193). На этой территории находится р. Кильмезь — крупный левый приток р. Вятки.

3. 2. Этноним *Калмез* имеет ряд аналогий и у других народов.

В Северной Башкирии в составе племени Биляр (Бэйлар) имеется род *Калмаш*, занимавший территорию в излучине нижнего течения р. Ик у г. Манзелинска (здесь же р. Мензеля. Нет ли в этом названии манза-манси-вогулы?). На правобережье Камы в Камбарском районе Удмуртии находятся два населенных пункта *Калмаш*. На территории Башкирии также довольно часто встречаются деревни *Калмаш*.

3. 3. Сходный этноним встречается и в Южной Сибири. В верховьях р. Кана жило самодийское по происхождению племя *камасинцев*, позднее отореченное (Долгих, 1960, стр. 237 и сл.). По свидетельству А. Я. Тугаринова, побывавшего в 20-х годах у камасинцев, «ныне живущие потомки племени зовут себя «*калмажи-ил*», т. е. как сами они переводят «камасинские люди» (1926, стр. 74). Н. Н. Козьмин выводил имя «камасинцы» от тюркских слов «*канг*» — названия р. Кан и «*базы*» или в произношении племен тубинской группы — «*мазы*» (как *матур* вместо *батур*, *куман* вместо *кубан*). Это сочетание переводится как вершина, верховье реки. Некоторые из тубинцев говорят *мажи*, *маши*. *Кангмажи*, *кангмаши* — так называют сейчас енисейские тюрки тех, кто живет вверх по Кану. Так как для русского слуха носовой звук необычен, то иногда вместо него улавливается плавный звук, поэтому это имя запомнилось как *калмаши* — *калмажи* (Козьмин, 1926, стр. 133).

Подробный обзор этнонима «*Камассы*» дает и П. Хайду, приводящий и почти все известные варианты этого имени: *каматзинские татары, камасинские, каймиши, кангмаши, камачинцы, камаши, камышинцы, камасинцы, калмажания* (1950, стр. 87—88). П. Хайду приводит мнение К. Доннера, что возможно, прежде большинство саянских самодийцев назывались *камасинацами*. Еще Шогрен производил имя *камасинцев* от названия реки Кан, а Георги от рек Кан и Мана.

К этому присоединяется и П. Хайду, хотя и не совсем уверен в правильности идентификации *Мана-Мажа* (там же, стр. 88). Поскольку название Кан прочтено было Канг, то в русском *нг* переходило то в *г* (*кагмаш*), то в *л* (*калмаш*) или *й* (*каймаш*). Но в сибирских говорах русское *-г* часто опускается и отсюда возникло *камас*, а окончание *-ин, -инцы*, типично русское (качинцы, мордвин и т. д.).

Как видно, почти все исследователи этимологизируют *камассинцы* — *калмажи* от названия р. Кан — левого притока Енисея, поэтому и считают исходной формой *камасин, кангмажи*, а не *калмажи*. Но А. Я. Тугаринов со слов самих жителей сообщает форму *калмажи*, и она по нашему мнению должна быть исходной. Если происхождение этого термина от названия рек Кан и Мана еще может казаться правдоподобным для Южной Сибири, то когда к нему мы находим аналогии в башкирской и удмуртской этнонимике, то это уже маловероятно.

3. 4. *Калмез-калмаж (камас)*, вероятно, обычай двусоставной этноним *кал+мез (маж)*. Вторая часть этого этнонима *-мез(маж)* часто повторяется во многих этнонимах и именах: у башкир — *Атамес, Бушмас, Сирмеш, Баймиш, Ямаш, Кармыш, Калмаш, Кохамыш, Лямес, Мунаш* (Руденко, 1955, стр. 55—59; Кузеев, 1957, стр. 48—57); у чуваш — *Атамас, Арзамас, Сармас, Иремас, Ирчмес* и др. (Егоров, 1950, стр. 89). В Южной Удмуртии этот формант нередко встречается и в топонимике: *Малмыж, Бемьж, Кырымас, Кильмезь, Какмоз, Пужмес, Кисмесь* и мн. др. Б. А. Серебренников предполагает, что объяснение суффикса *-мас, -мес* можно найти в венгерском языке: *тезё* «поле» и, что данный суффикс происходит из языка близкого угорскому (1957, стр. 35—36). Такое происхождение для отдельных случаев не исключено, но если учесть, что в большинстве своем данный формант входит в название рек и еще больше — этнонимов, то присутствие слова «поле» — маловероятно. Нам представляется, что происхождение данного суффикса следует искать среди этнонимов (а отсюда уже перенесение его в топонимику).

В этом направлении *мез (маж)* безусловно близко широко распространенному фратриальному имени угров *Моць* — у манси и *Мос* — у хантов, подробно описанных В. Н. Чернецовым (1939, стр. 22 и сл.). В прошлом, как вспоминают манси, фратриальное имя непременно прибавлялось к имени человека (там же, стр. 23).

Этимологией этого слова занимались Ю. Тойвонен и В. Н. Чернецов, которые пришли к выводу, что оно может быть объяснено из финского *mies* «человек» и лежит в основе позднейших этнонимов «*тагуаг*» (венгр) и «*манси*» (Чернецов, 1939, стр. 22). Этимология в таком плане нам кажется гораздо более приемлемой и для этнонима *Мез-Маш*.

3. 5. Первая часть разбираемого этнонима *Кал-* (а в разновидностях *киль, кель, кол*) имеет не мало параллелей в родовых названиях: у башкир — *Кырколе, Аккол, Кулиминская (Илькульмино), Кальсер (Кальчир), Куллар, Кулмырза, Кылсыкай* (Руденко, 1955, стр. 55 и сл.; Кузеев, 1957, стр. 48 и сл.); среди народов Южной Сибири: у койлоб — *Кол* и само слово *Койбол-Колбай* (см. IV.1.6.), у бельтир — *Каллар*, у тувинцев — *Куль*, у барабинских татар — *Колобо* (Аристов, 1896, стр. 346, 347, 350) и *Кулларово* (Долгих, 1960, стр. 50). Наконец, следует упомянуть *тын кула* — имя, которым селькупы именуют татар (Прокофьев, 1940, стр. 69).

Нередко данная этнооснова входит в состав имен различных родов казахов: *Кал-каман, Кулякай* из племенного объединения Аргынов, занимавших степи Северного Казахстана по р.р. Иртышу и Тоболу (Аристов, 1896, стр. 362 и сл.), *Калабак* из Найманского объединения, кочевавших к востоку от Среднего Иртыша (там же, стр. 359—360), *Кулунбай* и *Куланчаш* из племени Кирей (там же, стр. 354, 355) и *Кыльденен*, и *Кульджега* из племени Кипчак и Конграт (там же, стр. 367, 371).

3. 6. Этноним *Кал-Коль-Кул*, возможно, этимологизируется из *ногояльского куле* «ворон» (Potapov, 1957). У иганасан род *Нгамтуар* или *Кула* «ворон» (Долгих, 1946, стр. 112). У селькупов род *Кулал* «ворона» (Прокофьева, 1952).

4. 1. Еней — племя северных башкир, занимавшее в начале XVIII в. территорию

«по Ику, по Белой рекам, и по Закамью» (Руденко, 1955, стр. 52). В состав племен *Еней* входили роды Камбар, Бугады (см. IV, 6; IV, 7) и Тугыз. Последний род занимал земли по нижнему течению р. Иж. Судя по тому, что р. Камбарка и одноименное село находятся севернее территории расселения рода Камбар, в свое время, видимо, все междуречье Ижа и Камы, по крайней мере на юге (Каракулинский, Камбарский и Сарапульский районы Удмуртии) принадлежало племеню *Еней*. Это имя сохранилось и в названии деревни *Еней-Иткино* у устья р. Белой в Башкирии.

4. 2. Константин Богрянородный в числе восьми племен Мадьярского союза пришедших в Паннонию называет племя *Ене* (1934, гл. 40).

Имя *Ене* фигурирует и в легенде о происхождении вождя венгров Алмуша: «...Угек... из рода древнего короля Магога, был очень знатным вождем Скифии, который взял в жены в Дентумогере дочь вождя Эунедубелиана по имени Эмешу, которая родила сына, названного Алмушем» (Эрдели, 1966, стр. 174). Имя *Эунедубелиана* венгерские исследователи рассматривают как слово образованное из трех родовых имен: *Еней*+*Дула*+*Белар* (там же, стр. 180). Этноним Дуло широко распространен среди древнетюркского населения, в частности из этого рода происходила династия болгарских князей (Тихомиров, 1946; Артамонов, 1962, стр. 170; Генинг, Халиков, 1964, стр. 114). *Белар* — безусловно близко и, видимо, идентично прикамскому *Байлар* (см. IV, 1, 2, 3). Таким образом, в этой легенде связываются воедино по крайней мере два этнонима, встречающиеся в Прикамье — *Еней* и *Байлар*. Нельзя не отметить и близость имени венгерского князя Алмуш, к названию населенного пункта в Южной Удмуртии — с. Алнаши и р. Алнашка. А в общем оба эти имени по типу восходят к широко распространенным названиям, с компонентом «*мош*» (см. IV, 3, 4).

4. 3. В Западной Сибири в XVII в. русские источники отмечают волость *Тереня* (Миллер, 1937, стр. 297) или *Терень* (Долгих, 1960, стр. 50—53) в Тарском и Томском уездах. Название *Тереня*, безусловно, то же самое, что и имя венгерского племени *Тарьян*, упоминаемого Константином Богрянородным (1934). Название *Тереня* может рассматриваться как составное *Тер* (тар, тур см. IV, 5) + *еня*≈*Еней*≈*Ене*.

4. 4. Этимология *Эней* довольно затруднительна. Венгерский лингвист Ю. Немет считал, что *Ене*, также как и другие племенные названия венгров — *Тарьян* и *Кер*, происходят от слов обозначающих личные имена или названия должностей в тюркских языках (1930, стр. 259).

В словаре З. Гомбоца, систематизировавшего так называемые чувашские (тюркские) заимствования в мадырском языке, среди прочих слов приводится венг. *unp*; чув. *ене* «корова». Такая этимология возможна, но не единственная. Этноним *Еней* не встречается среди родовых имен, а лишь в названии племен, что позволяет предполагать с большой вероятностью связь его с каким-то самоназванием большой племенной группы.

В этом направлении, по моему мнению, большой интерес представляют аналогии в самоназвании северных самоедов — энцев, энцев и нганасанов. Исчерпывающий анализ этих этнонимов был дан П. Хайду (1950, стр. 36—45, 69—70, 78—79). Все эти имена теснейшим образом связаны между собой, что было установлено еще Х. Павсоненом, который однако считал, что *ненетс* и *энетс* образованы при помощи суффикса -ч П. Хайду убедительно продемонстрировал на многих примерах, что образование данных этнонимов связано с древнеуральским суффиксом -тс и -тж (1950, стр. 38—39). В современных самодийских языках *ненетс*, *еннете* и *нганасана* — переводится обычно как «человек», (мн. ч. — люди). Причем для энцев Б. О. Долгих приводит форму *энэтен* (люди) и указывает, что у Кастрена это слово писалось *энэчэ* (enpete). Следует также отметить, что это имя было введено Г. Н. Прокофьевым, а сами энцы как будто не употребляли его в качестве самоназвания (Долгих, 1946, стр. 109).

Во корне этих этнонимов лежат слова: древнененецкое -*мене*, древнеэнецкое -*ене*, что переводится как «право, истинный, верный» и сюда же по смыслу примыкает древнеанганасанское -*нгана*, но с суффиксом -*санг*. По мнению П. Хайду во всех трех языках эти корни происходят от одной основы с одним значением (1950, стр. 43—44).

В ненецком языке для обозначения всего народа самоедов-энцев в целом, употребляется сочетание *неней* *ненетс* «настоящий человек (=ненец)» и *нлэнэй* «самоеды — ненцы». Точно такие и в энецком *еней* *енетц* «настоящий человек (=энец)» и

нганасанском *нгано нганасан* «настоящий человек (=нганасан)» (П. Хайду, 1950, стр. 44).

Не совсем ясно, каким образом у энцев, не знавших этот этноним употребляют такое сочетание, приводимое П. Хайду со ссылкой на Г. Н. Прокофьева (Хайду, стр. 44). Но это не исключает употребление подобного оборота у энцев вообще. Так Б. О. Долгих приводит сведения о том, что членов энецкого рода Масуавадай называют *Эней-Самату*, т. е. «настоящий Самату», поскольку считают их главным родом этого племени (Долгих, 1946, стр. 114).

Появление подобных сочетаний, которые фактически повторяли дважды слово одного и того же происхождения. П. Хайду объясняет следующим образом. Древнее значение этих слов «право, истинный, правильно — то есть к нам принадлежащий (наш народ)», и это прилагательное теснейшим образом связывалось со значением «мужчина, человек». Но поскольку в значении «человек» это слово приобретало все большее распространение, фактически утратив свое древнее, первоначальное значение (настоящий и народ) для обозначения народа необходима была новая форма, которая и появилась от добавления вновь прилагательного *неней*, *эней* к слову «человек» *ненетс*, *энетс* в значении настоящий человек — ненец, энец (Хайду, 1950, стр. 44, 69, 70).

Г. Н. Прокофев в этнонимах северных самоедов видит несколько иную структуру. Он считает, что в их самоназвание входит имя древнейшего сибирского племени, аборигенного сибирского населения — *тян*, (*цян*, *сан*), *дян*, *ден*, *тин*, и *тен*, обнаруживаемый и во многих других этнонимах Сибири.

Самоназвание ненцев Г. Н. Прокофьев рассматривает как *нэнэ* + *цян*, нганасанов — *нгана* + *сан*, энцев — *энэ* + *тян*, кетов — *денг*, имя которым селькупы называют татар *тын кула* и т. д. (Прокофьев, 1940, стр. 69).

Эти словосочетания по Г. Н. Прокофьеву также имели первоначальное значение «настоящие люди». В дальнейшем же, когда они превратились в комплексы, к ним вновь стали прибавлять эпитеты — настоящие, по существу уже входившие в прежние самоназвания (там же, стр. 73).

Из данного обзора можно заключить, что у самодийских народностей форма самоназвания от корня «настоящий, правильный» употреблялась уже в древности и первоначальные формы этих этнонимов представляли собой не сочетание *неней* *ненетс*, *эней* *энетс*, а одно слово с корнем *эне*, *нене*, *нгана* «настоящий» в смысле человек нашего племени.

От этого самодийского корня по нашему мнению и происходит этноним *Еней*, *Ене* — известный как название племен у башкир, древних венгров и барабинских татар.

4. 5. Среди казахских родов, обитавших на самом востоке Казахстана в бассейне Черного Иртыша и горах Тарбагатай встречается интересный этноним с основой *Есен*. Это роды *Есентай* в отделе Абак племени Кирей (Аристов, 1896, 354), *Есенгалды* и *Есень-аман* из отдела Байджигиты того же племени (там же, стр. 357) и *Есенгаул* (*Исенгул*) из родового объединения Матай и Садыр племени Найманов (там же, стр. 359, 360). Возможно, что Есен происходит от самодийского корня *Есенгаул* (*Исенгул*) из родового объединения Матай и Садыр племени Найманов что именно среди племен этой территории обнаруживается еще ряд родовых этнонимов близких более северным (отдел Абак—Аба+к; род *Тогос* и *Кадыр* у Байджигитов, вспомним род *Тугыз* и *Кадыр* в племени Еней и Буляр у башкир; *Матай* — род Моторов у саянских самоедов, *Юрматы* у башкир и др.). Кроме того, наличие у ряда этнонимов форманта — *гул* (*Есенгул*, *Есенгельды*, а также *Кожегул*, куда входит родовая ветвь *Есен-аман*, *Джан-гулы*) может быть объяснено из селькупского «люди» (см. IV. 1. 6).

Следует также отметить, что среди казахских этнонимов слова с начальным «Е» почти не встречаются. Кроме перечисленных нами выше по имеющейся сводке Аристова здесь еще не более трех—четырёх слов — *Елейдар*, *Есегам*, *Этимляр*, *Ерв-кокче*. Все это может свидетельствовать в пользу не тюркского происхождения данных этнонимов.

5. 1. *Турья* — родовое имя, часто встречающееся у удмуртов.

Родовые имена с основой *т* + *гласный* + *р* восходят, повидимому, к финно-

угорскому «журавль» — удм., коми-зыр. *тури*; манс. *тари*; венг. *daru* (Лыткин, 1953; стр. 55).

5. 2. В тюркских языках «тура» употребляется в значении город. Но едва ли правильно предположение, что отсюда происходит этноним *Турали* (*туралинцы*), которым башкиры называли тюменских и тобольских татар, поскольку якобы они жили преимущественно в городах, в то время как башкиры являлись кочевниками (Миллер, 1937, стр. 193, 261). Подобная этимология безусловно народная, башкирская. Г. Миллер, который приводит это объяснение в дальнейшем пишет еще о двух группах *Турали* — у устья р. Шаш — правого притока Иртыша и у гор. Тары (1937, стр. 261, 476), причем эти группы жили вдали от башкир и не могли получить от них такое имя. В местах расселения тюменских *Туралинцев* протекает р. Тура, которую вогулы, по сведениям Г. Миллера, называют Тере или Тере-я (1937, стр. 194). В районах же среднего Иртыша, где живет другая группа *Туралинцев* находится р. Тара. По сведениям В. Радлова в Тарском округе обитал род *Туралы*, а среди барабинских татар род *Тары* (1884, стр. 241—248).

В конце XVII в. в официальных русских документах фигурирует волость *Тураш* в Тарском уезде (Долгих, 1960, стр. 50).

Особый интерес представляет название еще одной волости в Тарском уезде — *Тереня* (Миллер, 1937, стр. 297) или *Терень* (Долгих, 1960, стр. 50 и сл.). Этот этноним мы склонны рассматривать как составной *Тер+ене*. Последний формант уже подробно анализировался выше (см. IV. 4.). Там же приводилась и венгерская параллель к нему — племя *Тарьян*, упоминаемое Константином Багрянородным (1934, стр. гл. 40).

Первый формант *Тер-* относится к той же группе, что и рассматриваемые здесь.

Кстати, в приведенном выше рассказе (см. IV. 4. 2) о происхождении вождя венгров — Алмуша говорится, что его мать Эмешу зачала сына, увидев во сне орла — венг. *turul* (Эрдели, 1966, стр. 174).

5. 3. Этноним *Тер(тар)* встречается и у целого ряда других народностей. В составе башкирского племени Байлар по данным межевых комиссий 1898 г. была «*Тураева*» тюрба, занимавшая левобережье Камы у устья р. Ик (Руденко, 1955, стр. 58), а на правом берегу Камы у устья р. Иж находится дер. *Тураева*.

У зауральских башкир племени Катая числится *Терсатская* тюрба (Руденко, 1955, стр. 57) или волость (Долгих, 1960, стр. 23, 48). Здесь составной этноним *Тер+сатка*. Последний этноним — род *Сатка* известен в составе племени Кувакан (Руденко, 1955, стр. 57).

5. 4. Среди южносибирских групп этот этноним встречается у шорцев — род *Туран* (Потапов, 1947, стр. 115, 126), у койбол род *Мотор* назывался также *Тарджаков* или *Турочаков* (Долгих, 1960, стр. 271), а М. Кастрен называл *Тардйак* (856, стр. 322). Все эти группы входили в состав так называемых сагайских татар (Аристов, 1896, стр. 346).

Очевидно, к этому же типу этнонимов следует относить род *Торо* и *Торгул* у телеутов, *Шор-Торгул* у тувинцев, и *Торгул* у кузнецких татар (Аристов, 1896, стр. 340, 344, 347). *Торгул* представляет собой селькупское сочетание *Тор+гула* «Тор—люди», так же как в сочетании *Байгула* (см. IV. 1. 6).

На севере Сибири среди ненцев, по сведениям Г. Д. Вербова, также был род *Тер≈теры* (1940, стр. 50).

Среди казахских родов это имя также обнаруживается в форме *Тараканты*, *Тараклы* и *Тормайгыр* в племени Кипчаков и Аргын (Аристов, 1896, стр. 362, 367, 369).

6. 1. **Камбар** — род в составе племени Еней у северных башкир обитавший по Каме, выше устья р. Белой (Кузеев, 1957, стр. 57; Руденко, 1955, стр. 58). Имя сохранилось в названиях р. Камборки, левого притока р. Камы и с. Камбарки Удмуртской АССР.

6. 1. *Камбар* — составной этноним из двух имен: *Кам (кан)*+*бар*. Оба эти имени имеют ряд аналогий. *Канбиров* улус отмечают русские документы XVII в. среди кетоязычного населения Аринской земли в Южной Сибири (Долгих, 1960, стр. 226 и сл.). *Кан*-роды у сагайских татар и алтайцев (Аристов, 1896, стр. 339, 346). *Камлар* (-лар, суф. мн. ч.) — роды у кызылцев и кузнецких татар (Аристов, 1896, стр. 344, 345). Может быть от этого же имени произошли названия рода *Канг* у койбал (Кастрен, 1856, стр. 322) и *тартыкым* (*тарт+кым*) у шорцев (Аристов, 1896, стр. 344).

Один из притоков Енисея носит название Абакан, где также фигурирует *-кан*. Кроме того, здесь есть и р. Кан.

Канлы — одно из племен Северо-Западной Башкирии (Кузеев, 1957, стр. 56), расселившихся по левобережью р. Белой и ее притоку Чермасану. С. И. Руденко приводит этот этноним в форме *Кайлинская* волость.

Этноним *Кан-Кам*, возможно, является одним из вариантов самоназвания древнейшего населения Северо-Западной Азии (Прокофьев, 1940).

6. 3. *Бар* — формант встречающийся в ряде этнонимов сибирского населения. У барабинских татар — *Бараба*, у шорцев — *Барсоят* (Аристов, 1896, стр. 344, 350).

Среди башкирских племен к этому этнониму восходит имя крупного рода или племени *Барын*, входившего в состав восточных табынцев (Руденко, 1955, стр. 57; Кузеев, 1957, стр. 53) и имена родовых подразделений: *Баркылдак* и *Баран* (Кузеев, 1957, стр. 52, 54).

У казахов племени Аргын был род *Борши* (*Борчи*), обитавший в степях Северного Казахстана (Аристов, 1896, стр. 362). Это имя перекликается с именем одного из кипчакских родов — *Бурджоглы*, обитавшим в Казахстанских степях по сведениям арабских авторов начала XIV века (Тизенгаузен, 1884, стр. 540—542). У казахов племени Кирей в отделении Абак был род *Чубар-Айгыл*, расселившийся в бассейне Черного Иртыша (Аристов, 1896, стр. 362).

В Сургутском уезде в XVII веке была крупная *Бардакова* волость (Долгих, 1960, стр. 79).

Среди обдорских ненцев встречается род *Парабы* (*Паровы*), который в Мангазейском уезде в XVII в. был известен как *Барайский* род (Долгих, 1960, стр. 73—74). П. Хайду описывает ненецкий род *Парккалоб*, причем окончание *-(о)б* считает древнеуральским суффиксом, а основа, возможно, происходит от *парка* «верхняя мужская шуба» (Хайду, 1950, стр. 52), с чем едва ли можно согласиться, ибо здесь несомненно форманты *Пар+кал(кол)*.

Недостаточно ясно, следует ли к этому же корню относить этнонимы типа *Буре*, *Бурунгул* у башкир (Кузеев, 1957, стр. 55, 56) и *Ак-буру*, *Бурумбет*, *Кызыл-Бурк*, *Кону-Бурк* у казахов (Аристов, 1896, стр. 356, 359).

Буре — в переводе с башкирского «волк» (Кузеев, 1957, стр. 99), но этноним *Бар* — имеет иное происхождение.

Баргаты — одно из племен упоминаемое Рашид-адином, где *Бар+гаты* — суффикс мн. ч. из монгольского языка по типу *теле—теленгуты*, *телеуты*. Один из крупных историков Сибири — Банзаров отождествлял *Бургут* или *Бурут* с *бурятами*. (Нар. Сибири, стр. 219).

6. 4. Этноним *Бар*, по всей вероятности, можно сближать с именем одной из обско-угорских братрий *Пор*.

Переход *Бар-Пор* можно проследить на одном примере. Имя *Бараба* идентично названию реки *Парабель*, где *-л* — окончание имени производного прилагательного (Прокофьева, 1952, стр. 105) и в переводе буквально означает Парабинская. Видимо, *Бараба* в древности занимала обширную область Западной Сибири, на северной окраине которой и берет начало р. Парабель, заселенная ныне селькупками.

В. Н. Чернецов считает, что фратриальное имя *Пор* происходит от названия зонтичного растения *пориг* (1939, стр. 22—23). Такое происхождение этого имени возможно, но маловероятно, поскольку имя второй фратрии *Мош* является производным от слова «человек» (см. IV. 3. 4).

П. Хайду анализируя самодийские этнонимы *Богеш-Бегеджи* на целом ряде примеров показал, что в южносамодийских языках, в частности в камасинском, начальный согласный *б-* соответствует *м-* других самодийских языков (1950, стр. 76).

В таком случае, этноним *Бар* может быть реконструирован как *Мар* и в этом варианте безусловно аналогичен другим самоназваниям уральских народов, происходящих от слова «человек» и наиболее близок этнониму, сохранившемуся у пермских и волжских племен (мари, удмурты, мордва, меря, мурома).

7. 1. *Бугады* (*Богаты*) — род у племени Еней в северной Башкирии (Кузеев, 1957, стр. 57; Руденко, 1955, стр. 58), занимавшей территорию по левому берегу устья р. Белой. Здесь же села Стар и Нов. *Бугада* Актанышского района Татарской АССР.

Богдэденг (*денг-кетс* «люди») — род и фратрия у кетов Иibatского *зимовья* Мангазейского (Туруханского) уезда XVII в. (Долгих, 1960, стр. 144).

Среди энцев есть род *Багго* и там же род *Массадай* (Долгих, 1961, стр. 1), а у устья р. Белой, где был расселен род *Богады*, есть населенный пункт Масадэ.

Нередко этот этноним встречается у казахов: *Бакай*, *Бакат* — подразделения отдела Абак племени Кирей, обитавшего по Черному Иртышу; *Боку*, *Бакы-Матай* — подразделения рода Сиван из объединения Найманов, живших в бывшем Лепсинском уезде; *Бакай* — подразделение рода Чахчах, *Букты* — подразделение рода Куркмултык, *Богыс* и *Бегендык* — подразделения рода Момунов, племенного объединения Аргынов, кочевавших в степях Северного Казахстана (Аристов, 1896, стр. 354, 361, 362).

7. 2. П. Хайду вслед за М. Кастреном (1856) отождествляет этнонимы *Богеше* и *Бегеджи* у койбал, камасинцев и каргасов (1950, №№ 117, 122, 135) и сопоставляет их с энецкими именами *Моггади*, *Монгканси*, показывая на ряде примеров переход в южносамодийских $m < b$ (там же, стр. 75).

Основой этого этнонима является формант *Бог-*, а в формах *Богады*, *Багго* и др. + суффиксы, также как в *Бай*, *Байга*, *Байгадо*. Среди казахских этнонимов также встречается основа с конечным -г, но чаще выступает -к. По всей вероятности, это можно объяснить следующим. Если правильно предположение П. Хайду о возникновении *Баг* из этнонимов типа *Маггоди*, *Монгканси* и др. форм, то можно обратиться к происхождению последних. Анализируя эту, весьма разнообразную, и часто встречающуюся форму (*Манси*, *Магяр*, *Мату*, *Мадду* и др.) П. Хайду показал на примере северосамодийских форм, что они возникли из древнеуральских форм с конечным -нт, -нгс, -к или -с (1950, стр. 16). Следовательно, конечный согласный -к в казахских этнонимах может быть результатом сохранения древней формы. Сам же этноним происходит из круга самоназваний уральских народов со значением «человек».

ЛИТЕРАТУРА

Айплатов Г. Н. 1965. О марийских собственных именах XVII века. Советское финно-угроведение, № 1. Тарту.

Акимов М. С. 1961. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья. ВАН, вып. 1. Свердловск.

Акимов М. С. 1961а. Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья (III—VI вв. н. э.). Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2. М.

Аристов Н. А. 1896. Заметки об этническом составе тюркских племен и зародков. Живая старина, вып. III и IV, стр. 277—456.

Арсланова Ф. Х. 1963. Бобровский могильник. Изв. АН Каз. ССР. Серия общ. наук, вып. 4. Алма-Ата.

Артамонов М. И. 1962. История хозар. Л.

Артамонова-Полтавцева О. А. 1950. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV. М.

Беркутов Л. А. 1914. Разведки и раскопки, произведенные Л. А. Беркутовым в 1910—1913 гг. Известия Сарапульского земского музея, вып. IV. М.

Бичурин Н. Я. (Иакинф) 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М.-Л.

Василевич Г. М. 1946. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. СЭ, № 4, стр. 34—49.

Вербов. Г. Д. 1939. Пережитки родового строя у ненцев. СЭ, II.

Верещагин Г. Е. 1889. Вотяки Сарапульского уезда. Записки Русского Географического общества, т. XIV, вып. 3.

Hajdu P. 1950. Die Benennungen der Samoeden. Journal de la Société Finno-Ougrienne, LIV, Helsinki, ss. 1—112.

Hajdu P. 1964. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. Acta Linguistica, t. XIV, f. 1—2. Budapest, ss. 47—83.

Гелинг В. Ф., Халиков А. Х. 1964. Ранние болгары на Волге. М.

Генинг В. Ф. 1955. Памятники харинского времени в Прикамье. КС ИИМК, вып. 57.

- Генинг В. Ф. 1956. Что должен знать юный турист об археологических памятниках Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В. Ф. 1957. Очерк работ Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. Записки Удмуртского НИИ, вып. 18. Ижевск.
- Генинг В. Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В. Ф. 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук, т. 2. Казань.
- Генинг В. Ф. 1959а. Городище Красная горка. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции ИА АН СССР, вып. 1. М.
- Генинг В. Ф. 1959б. Удмуртская археологическая экспедиция КС ИИМК, вып. 74. М.
- Генинг В. Ф. 1961. Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1961а. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. Сб. «Вопросы Истории Сибири и Дальнего Востока» Новосибирск.
- Генинг В. Ф. 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1962а. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1963. Азелинская культура III—V вв. ВАУ, вып. 5. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1963а. Мыдлань-шай — древнеудмуртский могильник VIII—IX вв. ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- Генинг В. Ф. 1964. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э. Сб. Археологии и этнологии Башкирии, т. II, Уфа.
- Генинг В. Ф. 1966. Городище Чеганда I в мазунинское время. ВАУ, вып. 7. Свердловск.
- Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Генинг В. Ф., Мырзина Е. М. 1966. Мазунинский могильник. ВАУ, вып. 7. Свердловск.
- Golenko K. V. 1960. Moneda din Tomis, deskoperita la Ijevsk (URSS — Republika Autonoma Udmurta). Studii si cercetari de Numismatica, Vol 3. Bucuresti.
- Горбушин С. П. 1941. Об удмуртских сказках. Записки Удм. НИИ, вып. 10. Ижевск, стр. 88—125.
- Долгих Б. О. 1946. О родоплеменном составе и распространении энцев. СЭ, № 4, стр. 109—124.
- Долгих Б. О. 1952. Происхождение нганасанов. Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия. Т. XVIII, стр. 5—87.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири. Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия. Т. LV.
- Долгих Б. О. 1961. Мифологические сказки и исторические предания энцев. Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия, т. LXVI М.
- Егоров В. Г. 1950. Этногенез чуваш по данным языка. СЭ, № 3.
- Золотницкий Н. И. 1884. Лингвистическая заметка о названиях Булгар, Биляр и Моркваш. Изв. ОАИЭ при Казанском ун-те, т. III.
- Игнаш Прок. 1928. Удмурты Селтыгинского рода. Тр. Общ-ва по изучению Вотского края, вып. 5.
- Износков И. А. 1891. По поводу запросов. Тр. VII археологического съезда, т. II.
- Карпин Л. А. 1957. История монголов. Редакция и примечания Н. П. Шастина. М.
- Castren M. A. 1854. Grammatik der Samoiedischen Sprachen. St.-Petersbourg.
- Castren M. A. 1856. Reisenberichten und Briefe. St. Petersburg.
- Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Козьмин Н. Н. 1929. Кто такие камасинцы? Сибирская живая старина, VIII—IX, Иркутск, стр. 193—197.
- Константин Багрянородный. 1934. Об управлении государством. Известия ГАИМК, вып. 91. М.—Л.

- Косвен М. О. 1963. Семейная община и патронимия. М.
- Крупнов Е. И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кызласов Р. Л. 1960. Тыштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. Изд. МГУ.
- Кузеев Р. Г. 1954. Родоплеменной состав башкир в XVIII в. Автореферат диссертации. М.
- Кузеев Р. Г. 1957. Очерки этнической истории башкир, Уфа.
- Кузеев Р. Г. 1960. Башкирские шежера. Уфа.
- Кухаренко Ю. В. 1953. Клад из села Турни. КС ИИМК, вып. XLIX. М.
- Левашова В. П. 1928. Вознесенское городище. Известия Западно-Сибирского музея, № 1, Омск.
- Литвинский Б. А. 1964. Таджикистан и Индия. Сб. «Индия в древности». М.
- Лыткин В. И. 1953. Из истории словарного состава пермских языков. Вопросы языкознания, № 5.
- Мажитов Н. А. 1962. Ранние памятники бахмутинской культуры. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Мажитов Н. А. 1963. Бахмутинская культура. Автореферат кандидатской диссертации. Уфа.
- Мажитов Н. А. 1964. К изучению археологии Башкирии I-го тысячелетия нашей эры. Сб. Археология и этнография Башкирии, т. II, Уфа, стр. 101—110.
- Nemeth. 1930. A honfoglalo magyarsag kialakulasa (образование венгерского народа времени занятия современной территории Венгрии) НМК.
- Малов С. Е. 1951. Памятники древнетюркской письменности. М—Л.
- Матюшин Г. Н. 1962. Археологические исследования в окрестностях города Уфы. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Миллер Г. 1937. История Сибири, т. 1. М—Л.
- Оборин В. А. 1961. Больше-Никольское I городище. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2. М.
- Первухин Н. Г. 8188—1889. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. I—IV. Вятка.
- Поздеев Л. 1899. Исторический очерк уйгуров. Петербург.
- Потанин Г. Н. 1884. У вотяков Елабужского уезда. Изв. ОАИЭКУ, т. III, Казань, стр. 189—255.
- Rotarov L. P. 1957. Zum Problem der Herkunft und Ethogenese der Koibalen und Motoren. Journal de la Societa Finno-Ougrienne. 59. Helsinki.
- Потемкина Т. М. 1964. Большое Бокальское городище. Сб. «Археология и этнография Башкирии», т. II. Уфа, стр. 257—259.
- Прокофьев Г. Н. 1940. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. Сов. этнография, III, стр. 67—76.
- Прокофьева Е. Д. 1950. Орнамент селькупов. КС ИЭ, т. X. М.
- Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов (род, фратрия). Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия, т. XVIII, стр. 88—107.
- Пшеничный А. X. 1964. Биктимировский могильник. Сб. «Археология и этнография Башкирии» т. II. Уфа.
- Руденко С. И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М—Л.
- Radloff W. 1884. Aus Sibirien, Leirzig. B. 1.
- Семенов В. А. 1966. Два могильника мазунинской культуры. ВАУ, вып. 7. Свердловск.
- Серебренников С. Б. 1957. Происхождение чуваш по данным языка. Сб. «О происхождении чувашского народа», 1957, Чебоксары.
- Синяев В. С. 1950. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма. СА, XIII. М.
- Сирелиус У. Т. 1906. Домашние ремесла остяков и вогул. Ежегодник Тобольского музея, вып. XV.
- Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА № 28. М.
- Смирнов А. П. 1957. Железный век Башкирии. МИА № 58. М.

Смирнов А. П. 1964. Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. (Рецензии). СА № 4, М.

Смирнов И. Н. 1890. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Изв. общ. археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. VIII, вып. 2. Казань.

Смирнов И. Н. 1896. Отчет о раскопках. ОАК за 1894. СПб.

Смирнов И. Н. 1896а. (материалы по доисторической археологии России... Пермская и Вятская губ. Экскурсии проф. И. Н. Смирнова). Записки Русского археологического общества т. VIII, вып. 1 и 2-Нов. серия. СПб.

Соколов Д. Н. 1904. О башкирских тамгах. Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. XIII.

Сосновский Г. П. 1933. О находках Оглахтинского могильника. Проблемы истории материальной культуры. № 7—8. М—Л.

Спицын А. А. 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГ. Т. 1, М.

Спицын А. А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР № 25. СПб.

Спицын А. А. 1933. Отчет о раскопках Зуевского, Ныргындинского I и II могильников и об отдельных находках. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Материалы ГАИМК, вып. 2.

Стоянов В. Е. 1962. Сайгатский могильник. ВАУ, вып. 4. Свердловск.

Стоянов В. Е., Ширяев А. Г. 1964. Селище Речкино 1, ВАУ, вып. 6. Свердловск.

Талицкая И. А. 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. МИА № 27. М.

Татищев В. Н. 1964. История Российская. Т. IV. М—Л.

Терещенко Н. М. 1965. К сравнительному изучению самодийских языков. Советское финно-угроведение № 1. Таллин. Стр. 121—128.

Тизенгаузен В. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1, Извлечения из сочинений арабских авторов. СПб.

Тихомиров М. Н. 1946. Именник болгарских князей. ВДИ, № 3.

Тугаринов А. Я. 1926. Последние кулмажи. Северная Азия, кн. 1, стр. 73—88.

Чернецов В. Н. 1939. Фратриальное устройство Обско-угорского общества. СЭ, II, стр. 20—42.

Чернецов В. Н. 1953. Бронза Усть-Полуйского времени. МИА № 35. М.

Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА № 58. М.

Чугунов С. 1898. Материалы для антропологии Сибири, вып. VIII. Изв. Томского университета, кн. XVI. Томск.

Шестаков П. Д. 1884. Кто были древние болгары? Изв. ОАИЭ при Казанском университете, т. III. Стр. 60—72.

Шмидт А. В. 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. «Хозяйство Башкирии». Уфа.

Шмидельхельм М. Х. 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.

Штейнфельд Н. А. 1894. Бесермяне. Опыт этнографического исследования. Календарь Вятской губернии на 1895 г. Отдельный оттиск. Вятка.

Худяков М. Г. 1934. Вотские родовые деления. Изв. ОАИД при Казанском университете т. XXX, вып. 3. т. XXXI, вып. 1. Казань.

Эрдели И. 1966. Извлечения из «Венгерского» Анонима, ВАУ, вып. 7, Свердловск.